

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ**

**ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Современная **ЕВРОПА**

ЖУРНАЛ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 2000 г.

5 (84) сентябрь-октябрь 2018 г.

ШЕФ-РЕДАКТОР

чл.-корр. РАН Ал.А. ГРОМЫКО

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОВЕТ

ГРИНБЕРГ Р.С. (Россия), ГРУШКО А.В. (Россия),
ЖУРКИН В.В. (Россия), КАРРЕР Д'АНКОС ЭЛЕН (Франция),
НЕКИПЕЛОВ А.Д. (Россия), НИВА ЖОРЖ (Швейцария), РОГОВ С.М. (Россия),
СИМОНИЯ Н.А. (Россия), ФАРА ДЖАН МАРИЯ (Италия),
ФРАНКО МАРК (Бельгия), ЧУБАРЬЯН А.О. (Россия)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В.И. МИРОНЕНКО

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА Р.Н. ЛУНКИН

РЕДАКТОР Т.Н. СТЕПАШИНА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АРБАТОВ А.Г., АЛЛИСОН Р. (Британия), БЕЛОВ В.Б., БОРКО Ю.А.,
БЕРГМАНН В. (Германия), БУТОРИНА О.В., ВОДОПЬЯНОВА Е.В.,
ГЛИНКИНА С.П., ДАНИЛОВ Д.А., ЗОЛОТАРЁВ П.С., КАВЕШНИКОВ Н.Ю.,
НОВАК-ФАР А. (Польша), НОСОВ М.Г., ПОТЕМКИНА О.Ю.,
РИЧЧЕРИ М. (Италия), РУБИНСКИЙ Ю.И., СМЕРНОВ В.А., ФЁДОРОВ В.П.,
ФЛОГАИТИС С. (Греция), ХЕСИН Е.С., ШВЕЙЦЕР В.Я., ШИШЕЛИНА Л.Н.

МОСКВА

Contemporary EUROPE

SOCIAL AND POLITICAL RESEARCH JOURNAL
EST. JANUARY 2000

CONTENTS

KAVESHNIKOV N. United Kingdom and European Union: A Long History of Divorce. Article 1. European Issue • **KANDEL P.** What is new in the EU Strategy in the Western Balkans? • **KUZNETSOV V., OGANISYAN L.** Dilemmas of Democracy Promotion: the EU policies in Tunisia and Egypt after the Arab Awakening • **PAVLOV N., KHDERI K.** German Foreign Policy in Middle East in XXI Century • **ENTINA E., SMIRNOVA A.** The role of the Diaspora in the formation and the development of Russia's "soft power" in modern Serbia • **KRYUCHKOV I.** Main Areas of Collaboration Between the Czech Republic and Azerbaijan • **FALTSMAN V., KRAKHINA M.** Analysis and Forecast on Whether Russia Will Integrate into and Converge with the World Economy • **FEDOROV M.** EU and Crisis Management: Adaptation to New Challenges • **IVANTSOV A.** The main stages and preconditions for post-Soviet integration of Russian Federation and the Republic of Belarus • **VLASOVA K., GOVOROVA N.** Socio-economic Situation in Greece 2008 – 2018: Results and Prospects • **KOPYTIN I.** European and American Supermajors: Business Models Transformation • **ANDREEVA L., SMIRNOV M., SHCHERBAKOV V.** The process of De-Christianization in the European Union • **VIRKKUNEN J., GADZHIMURADOVA G.** Migration, extremism and terrorist threat in the Nordic countries • **SCHWEIZER W.** Austria in the Soviet geopolitical calculations (middle 30s – early 40s) • **REVIEWS** • **SCHOLARLY LIFE**

INHALT

KAWESCHNIKOV N. Großbritannien und die Europäische Union: eine lange Geschichte der Scheidung. Artikel 1. Die Europäische Frage • **KANDEL P.** Was Neues enthält die Strategie der EU auf dem Westbalkan? • **KUZNETSOV W., OGANISYAN L.** Dilemmas der Demokratisierung: Politik der Europäischen Union in Tunesien und Ägypten nach dem Arabischen Erwachen • **PAVLOV N., KHDERI K.** Nahostfaktor der Außenpolitik der BRD • **ENTINA E., SMIRNOVA A.** Rolle der Diaspora in der Generierung und Entwicklung von "soft power" Russlands im modernen Serbien • **KRYUCHKOV I.** Haupttrichtlinien der Entwicklung der Kooperation der Tschechischen Republik mit Aserbaidschan 2008–2017 • **FALZMAN W., KRAKHINA M.** Analyse und Aussichte der Integration und Konvergenz Russlands in die Weltwirtschaft • **FEDOROV M.** Die EU und Regelung der regionalen Konflikte und Krisen: Anpassung an neue Herausforderungen • **IVANTSOV A.** Hauptetappen und Voraussetzungen der postsowjetischen Integration der Russischen Föderation und der Republik Belarus • **VLASOVA K., GOVOROVA N.** Sozialö-wirtschaftliche Lage Griechenlands 2008 – 2018: Ergebnisse und Aussichte • **KOPYTIN I.** Europäischen und amerikanischen Supermajors: Transformationen der Geschäftsmodelle • **ANDREEVA L., SMIRNOV M., SHCHERBAKOV W.** Prozess der Dechristianisierung in der Europäischen Union • **VIRKKUNEN J., GADZHIMURADOVA G.** Migration, Extremismus und Terrorbedrohung in Finnland • **SCHWEIZER W.** Österreich in geopolitischen Plänen der UdSSR • **REZENSIONEN** • **WISSENSCHAFTLICHES LEBEN**

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Кавешников Н.Ю. Великобритания и Европейский Союз: долгая история развода. Статья 1. Европейский вопрос 5

Кандель П.Е. Что нового в Стратегии ЕС на Западных Балканах?17

ЕВРОПЕЙСКИЙ ПРОЦЕСС: СТРАНЫ И РЕГИОНЫ

Кузнецов В.А., Оганисян Л.Д. Дилеммы демократизации: политика Евросоюза в Тунисе и Египте после Арабского пробуждения 25

Павлов Н.В., Хдери К.Ю. Ближневосточный вектор внешней политики ФРГ 37

Энтина Е.Г., Смирнова А.С. Роль диаспоры в формировании и развитии “мягкой силы” России в современной Сербии 49

Крючков И.В. Основные направления развития сотрудничества Чешской республики с Азербайджаном в 2008 – 2017 гг. 60

Фальцман В.К., Крахина М.В. Анализ и прогноз интеграции и конвергенции России в мировую экономику 71

Фёдоров М.С. ЕС и урегулирование региональных конфликтов и кризисов: адаптация к новым вызовам 82

Иванцов А.В. Основные этапы и предпосылки постсоветской интеграции Российской Федерации и Республики Беларуси 90

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

Власова К.В., Говорова Н.В. Социально-экономическое положение Греции 2008 – 2018 гг.: итоги и перспективы 98

Копытин И.А. Европейские и американские супермейджеры: трансформация бизнес моделей110

ОБЩЕСТВО И РЕЛИГИЯ

- Андреева Л.А., Смирнов М.Ю., Щербаков В.П.* Процесс
дехристианизации в Европейском Союзе 120

ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИИ

- Вирккунен Й., Гаджимурадова Г.И.* Миграция, экстремизм
и террористическая угроза в Финляндии 131

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Швейцер В.Я.* Австрия в геополитических планах СССР142

РЕЦЕНЗИИ

- Фёдоров В.П.* Нелёгкая судьба 150
- Потемкина О.Ю.* Идентичность как ресурс общественного развития 153

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Грибовский В.С., Дрожжина Е.В.* К 10-летию Российско-австрийской
комиссии историков157
- Герасимов В.И., Крюкова О.С.* Большая Евразия: национальные
и цивилизационные аспекты развития и сотрудничества158

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ160

*Точка зрения авторов публикуемых материалов
может не совпадать с мнением редколлегии журнала.*

*Подписка на наш журнал производится
в отделениях связи по каталогу “Роспечать”, индекс 79701,
и объединённому каталогу “Пресса России”, индекс 14492,
а также непосредственно в редакции.*

УДК – 321, 321.8, 324, 327, 327.7, 329

Николай КАВЕШНИКОВ

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ: ДОЛГАЯ ИСТОРИЯ РАЗВОДА. СТАТЬЯ 1. ЕВРОПЕЙСКИЙ ВОПРОС

Аннотация. В статье исследуется история взаимоотношений между Великобританией и Европейским Союзом с 1950-х годов по настоящее время. Акцент сделан на анализе влияния, которое европейский вопрос оказывал на партийную политику (взаимоотношения консерваторов и лейбористов, взаимодействие внутри основных партий) и британское общество. На основе исторического анализа сделан вывод о том, что на протяжении всего рассматриваемого периода отсутствовал сколь-либо устойчивый консенсус по поводу членства в ЕС. Позиции различались как по вопросам текущей политики, так и по стратегическому позиционированию Великобритании в Европе. Все без исключения правительства Великобритании были евроскептическими в том смысле, что возражали против расширения полномочий ЕС. Чем более углублялась интеграция в ЕС, тем сильнее становились евроскептические настроения в британском обществе и политической элите. Евроскептицизм становился всё более “жёстким”, всё чаще евроскептики возражали против *status quo* и требовали “ослабления” ЕС, либо выхода Великобритании из ЕС. Между Лондоном и континентальной Европой неуклонно расширялась политическая, и даже идеологическая пропасть по вопросам функционирования и развития ЕС.

Ключевые слова: Европейский Союз, Великобритания, брекзит, политические партии, Консервативная партия, Лейбористская партия, общественное мнение.

Референдум 2016 г. о брекзите продемонстрировал, что британское общество практически поровну разделено на сторонников и противников продолжения членства в ЕС: при явке в 72% против ЕС высказались 52%, за – 48%. “Разделительные линии пролегли между партиями и внутри них, между регионами и между поколениями... Шотландия в своём еврооптимизме стала прямой противоположностью Англии. Северная Ирландия, хотя и не с таким отрывом, также противопоставила себя последней. Резкий контраст проявился и в том, что настроенный космополи-

© **Кавешников Николай Юрьевич** – кандидат политических наук, заведующий кафедрой интеграционных процессов МГИМО МИД России; ведущий научный сотрудник Института Европы РАН. **Адрес:** РФ, 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76. **E-mail:** n.kaveshnikov@inno.mgimo.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520180516>

тично Лондон оказался погружён в “английское море” евроскепсиса. Молодёжь подавляющим большинством проголосовала за сохранение членства в ЕС, а основной категорией “за выход” стали пожилые белые британцы” [Громыко, 2016: 7].

Исход референдума стал неожиданным, но он не был случайным. За несколько лет до этого Джон Мэйджор справедливо отмечал, что “вопрос отношений с Европой слишком долго отравлял британскую политику” [Major, 2013]. Характерно, что авторы лучшего учебника о внешней политике Великобритании пять из шести глав, посвященных отношениям в ЕС, начинают примерно одинаковой фразой: вопросы вступления/адаптации/отношений с ЕС были самой важной/главной/трудной проблемой этого периода [Капитонова, Романова, 2014: 502, 564, 599, 663, 762]. Лишь глава, посвященная правительству Т. Блэра, начинается в оптимистической тональности: “[н]овое правительство высказалось за конструктивное сотрудничество с Евросоюзом” [Капитонова, Романова, 2014: 699]. Но этот оптимизм быстро заканчивается.

В нашем исследовании мы постараемся дать комплексный анализ отношений Великобритании и Европейского Союза и показать, какие долгосрочные процессы и тенденции привели британский истеблишмент к решению провести референдум о членстве в ЕС, а общество – дать отрицательный ответ. В первой части исследования мы покажем, какое влияние европейский вопрос оказывал на партийную политику (взаимоотношения консерваторов и лейбористов, взаимодействие внутри основных партий) и британское общество. Во второй части исследования (см. Современная Европа, 2018, №6) мы сосредоточимся на особенностях политики Великобритании в ЕС и ключевых факторах, определявших стратегию Лондона.

Комплексный анализ отношений между Великобританией и ЕС, основанный на материалах продолжительного исторического периода, позволяет сформулировать ключевые системные особенности британской политики и организации Евросоюза, которые формируют основные вопросы, противоречия и динамику взаимоотношений между ними. Указанные системные особенности задают пределы возможного в процессе идущих переговоров о брекзите, а также будут определять будущие отношения между Лондоном и Евросоюзом.

Новизна использованного подхода заключается в синтезе исследования внутренней и внешней политики, а также в попытке взглянуть на взаимоотношения Лондона и Евросоюза одновременно с обоих берегов Английского канала / Ла-Манша.

Европейский вопрос в партийной политике

История партийных расколов. Д. Стивенс [2013] на основе анализа партийных манифестов показал, как в течение последних 50 лет менялось отношение лейбористов и консерваторов к Европейскому Союзу. Во второй половине 1960-х обе партии занимали практически одинаковую позицию – чуть заметные проевропейские настроения, проявившиеся в затянувшихся переговорах о вступлении в ЕС. С начала 1970-х до середины 1980-х гг. лейбористы были настроены резко негативно в отношении ЕС, а консерваторы занимали умеренно проевропейскую позицию. Позднее партии поменялись местами, а к 2010 г. в обеих партиях про- и антиевропейские настроения балансировали друг друга.

Однако при более детальном рассмотрении реальность оказывается гораздо сложнее. Представленные выше “общепартийные” позиции – это средняя температура по больнице. На протяжении всего этого периода европейский вопрос “очень сильно дестабилизировал и лейбористскую, и консервативную партию” [Forster, 2002: 306].

В 1960-е гг. позиция евроскептиков-лейбористов основывалась на доктринальных соображениях: они воспринимали ЕС как заговор капиталистов против рабочих и как экономическую опору НАТО. Среди евроскептиков-консерваторов некоторые не принимали “социалистическую” сущность ЕС. Однако большинство отрицательно относились к ЕС, потому что любили уже распадающуюся Империю, а также не без оснований считали, что ЕС угрожает национальному суверенитету страны. Когда в 1963 г. Франция первый раз заблокировала вступление Великобритании, среди членов кабинета Г. Макмиллана, “как свидетельствовал Хит... были и такие, кто втайне вздохнул с облегчением” [Капитонова, Романова, 2016: 510].

Вторая заявка о вступлении в ЕС была инициирована лейбористским правительством Г. Вильсона. Ему пришлось преодолевать серьёзное сопротивление и консерваторов, и евроскептиков-лейбористов. Во второй половине 1960-х годов в свете дефицита внешнеторгового баланса и слабой экономической динамики вступление в ЕС было необходимо Лондону как никогда ранее. Поэтому правительство построило свою аргументацию на основе экономических аргументов. Тем не менее пришлось приложить немало усилий, чтобы в мае 1967 г. Палата общин поддержала вторую заявку [Dinan, 2004: 109].

Консерваторы, придя к власти, решили еще раз заручиться поддержкой парламента, тем более что контуры соглашения с ЕЭС были уже ясны. Не надеясь на единодушие депутатов собственной партии, правительство объявило свободное голосование, что позволило получить голоса проевропейски настроенных лейбористов. Несмотря на это, результат голосования в октябре 1971 г. в очередной раз свидетельствовал о расколе политической элиты: 356 голосов за и 244 – против, при том что значительная часть консерваторов и почти половина лейбористов проголосовали против.

Год спустя еще сложнее прошла ратификация договора о вступлении Великобритании в ЕС, подписанного консервативным правительством Эдварда Хита. Дебаты в палате общин длились почти девять месяцев, к тексту договора о вступлении было предложено около тысячи поправок. В итоге Билль о европейских сообществах был одобрен в палате общин с минимальным перевесом голосов: 301 – за и 284 – против.

В 1975 г. правительство Г. Вильсона провело вполне успешные переговоры о пересмотре условий членства в ЕС. Чтобы преодолеть раскол в собственной партии и мобилизовать общественную поддержку, лейбористы организовали референдум о членстве в ЕЭС. Лидеры обеих партий провели согласованную кампанию “Британия в Европе”, и в итоге британцы большинством в 67% поддержали членство в ЕЭС.

Однако “европейский вопрос” продолжал раскалывать лейбористов. На партийной конференции 26 апреля 1975 г. две трети лейбористов выступили против ЕС; такую же позицию заняли семь из двадцати трёх членов кабинета [Butler and Kitzinger, 1976]. Вплоть до выборов 1979 г. лейбористы не посылали своих депута-

тов в Европарламент, а профсоюзы бойкотировали Экономический и социальный комитет ЕЭС. Евроскептики занимали значимые позиции в руководящих органах Лейбористской партии до середины 1980-х. После перехода проевропейски настроенных членов партии к социал-демократам лейбористы в программе 1983 г. даже потребовали выхода страны из ЕЭС.

Эпоха Маргарет Тэтчер хорошо известна как один из самых сложных периодов взаимоотношений между Лондоном и Брюсселем. М. Тэтчер всемерно поддерживала создание Единого внутреннего рынка, но крайне скептически относилась в другим направлениям углубления интеграции в ЕЭС. В 1989 г. это привело практически к расколу в руководстве партии. Министр финансов Н. Лоусон и иностранных дел Д. Хау по сути предъявили М. Тэтчер ультиматум, пригрозив выйти из правительства, если она заблокирует участие Великобритании в механизме обменных курсов¹. Дав согласие на участие в МОК на саммите в Мадриде в июне 1989 г., М. Тэтчер вскоре отправила в отставку обоих “шантажистов”. Так что российские эксперты вполне оправданно заключают, что “британская политика в отношении ЕЭС в 80-х гг. была результатом постоянной борьбы между премьером и другими влиятельными членами кабинета” [Капитонова, Романова, 2016: 605].

Джон Мейджор отказался от жёсткой риторики своей предшественницы, но при этом продолжил характерную для консерваторов политику прагматичного евроскептицизма. При нем Великобритания подписала Маастрихтский договор, однако выторговала себе право не вводить единую валюту и особый статус в третьей опоре ЕС.

Но ратификация Маастрихтского договора в палате общин показала, что европейский вопрос продолжает раскалывать как консерваторов, так и лейбористов. При голосовании Билля о Маастрихте в третьем чтении 20 мая 1993 г. 46 депутатов-консерваторов выступили против ратификации (их назвали “маастрихтские мятежники”). Одновременно 66 лейбористов проголосовали против, хотя руководство партии требовало воздержаться от голосования². В голосовании 22 июля по предложенной лейбористами поправке (отложить ратификацию до того, как правительство подпишет Социальный протокол) объединились как проевропейски настроенные лейбористы (они рассчитывали, что ради ратификации Маастрихта правительство консерваторов будет вынуждено подписать Социальный протокол), так и консерваторы-евроскептики, которые хотели сорвать ратификацию Маастрихта. В результате при равенстве голосов – 317 против 317 – лишь голос спикера склонил чашу весов на сторону правительства. Лишь связав ратификацию Маастрихта с вотумом доверия правительству и угрозой досрочных выборов, Д. Мэйджор сумел подавить “мятеж” своих однопартийцев.

¹ Barnes J. ‘Geoffrey Howe: One of the architects of the Thatcher revolution who became one of the primary factors in her downfall’. The Independent, 11 October 2015
<https://www.independent.co.uk/news/obituaries/geoffrey-howe-one-of-the-architects-of-the-thatcher-revolution-who-became-one-of-the-primary-factors-a6689811.html> Accessed 31 July 2018.

² Лейбористы настаивали на участии Великобритании в социальной политике ЕС, то есть на отказе от исключения, которого правительство консерваторов добилось от партнёров по ЕС в ходе переговоров.

Однако консерваторы-евроскептики (в том числе М. Тэтчер) в последующие годы несколько раз были близки к тому, чтобы сместить Д. Мэйджора с поста лидера партии. Раскол консерваторов по европейскому вопросу стал одной из важнейших причин их поражения на выборах 1997 г.

В 2009 г., консерваторы-депутаты Европарламента вышли из состава Европейской народной партии, поскольку принципиально возражали против доминировавших в ЕНП идей еврофедерализма. Фактически на правом фланге Консервативной партии к этому моменту сформировалась группа влиятельных депутатов, которые “считали протест против Европы своей самой важной задачей, они пришли в политику ради этого” [Gamble, 2012, 468]. Именно о них в 2013 г. говорил Камерон: “[Никакие уступки Брюсселя не смогут] умиротворить членов [парламента] с головами консерваторов и сердцами ЮКИП... [фракция] включает непримиримых, которые готовы свалить любое правительство или любого премьера ради поддержки своей оппозиции Европейскому Союзу” [Major, 2013].

Лейбористы в середине 1980-х кардинально поменяли своё отношение к ЕС – программа 1987 г. энергично поддержала активное участие Великобритании в ЕС и проекты углубления интеграции. Сначала профсоюзы, а потом и лейбористы осознали, что участие в ЕС можно использовать для сдерживания политики тэтчеризма, для того чтобы подключить страну к формирующейся в ЕС системе социальной защиты трудящихся. Европейская политика Тони Блэра была наиболее дружественной по отношению к Евросоюзу. На саммите в Сен-Мало в 1998 г. Франция и Великобритания заложили первый камень в фундамент общей политики безопасности и обороны ЕС, в Великобритании активно обсуждалась возможность вступления в еврозону. Однако именно вопрос членства в ЭВС разделил и лейбористов, и все британское общество. Политическая динамика заставляла лейбористов маневрировать, постоянно перенося обещанный референдум о введении евро, более осторожной стала и позиция самого премьер-министра. В итоге Т. Блэр так и не удалось воплотить в жизнь лозунг “Британия в сердце Европы”.

Маневры и жертвы. Внутрипартийные расколы, межпартийные разногласия и неоднозначная позиция общества по европейскому вопросу вынуждали все правительства маневрировать. Даже сторонники более активного участия Великобритании в деятельности ЕС зачастую были вынуждены жертвовать “Европой” ради стабильности своего кабинета. Эдвард Хит отмечал, что его соперник лидер лейбористов Г. Вильсон “выбирал ту политику [в отношении ЕЭС. – Н.К.], которая позволяла ему лучше контролировать лейбористскую партию” [Heath, 1998]. Одним из важнейших факторов, определявших позицию руководства консерваторов при разработке Единого европейского акта и Маастрихтского договора, то есть при М. Тэтчер и Д. Мэйджоре, были “требования, связанные с управлением партией” [George, 2000: 24]. Роджер Лидл, в 1997–2003 гг. занимавший пост специального советника Тони Блэра по европейским делам, писал: “Было бы слишком грубо говорить, что, когда дело доходило до кризиса, [Блэр], не желая рисковать постом премьер-министра, жертвовал Европой, но в этом суждении есть доля истины” [Diamond & Liddle, 2008: 169]. Ангела Меркель, обсуждая на саммите в феврале 2008 г. кандидатуру Тони Блэра на пост председателя Еврокомиссии, заметила, что он “произнес много замечательных речей о Европе, но оказывался в последних ря-

дах, когда дело доходило до реальных шагов”¹. Кэмерону было сложнее всех, поскольку он был вынужден балансировать не только различные группы внутри Консервативной партии, но и учитывать проевропейскую позицию либерал-демократов – своих партнёров по коалиции. Впрочем, поскольку в годы его премьерства влияние евроскептиков неуклонно усиливалось, Кэмерону зачастую приходилось жертвовать именно проевропейской позицией. К примеру, лидер либерал-демократов Ник Клэгг демонстративно игнорировал доклад премьера в палате общин в декабре 2011 г., в ходе которого Кэмерон рассказал, как он на декабрьском саммите заблокировал бюджет ЕС.

Межпартийные альянсы. Европейский вопрос дестабилизировал Консервативную и Лейбористскую партии, разделяя их на еврооптимистов и евроскептиков. Но, с другой стороны, он способствовал созданию межпартийных форматов сотрудничества. Прежде всего это характерно для еврооптимистов. К примеру, консерваторы, придя к власти в 1970 г., не стали менять команду лейбористов, которая уже вела переговоры в Брюсселе о вступлении в ЕС. А в 1999 г. был создан межпартийный альянс “Великобритания в Европе”, куда наряду с министрами-лейбористами под руководством Т. Блэра вошло руководство либерал-демократов и многие влиятельные консерваторы.

Евроскептикам объединиться было сложнее, поскольку правых консерваторов слишком многое отделяло от евроскептиков лейбористов. Однако ресурсы евроскептиков неуклонно росли, равно как и их влияние на политическую повестку. В Консервативной партии были созданы “Группа Брюгге” (1988) и “Группа нового старта” (1992), у лейбористов в начале 1990-х активизировался “Комитет защиты от Общего рынка”. В 1999 г. евроскептики – консерваторы и лейбористы – впервые провели скоординированную общественную кампанию “Спасём фунт стерлингов”. В 2000 г. С. Джордж насчитал более десятка антиевропейских общественных объединений [George, 2000: 22–23].

Референдумы. Традиция референдумов по европейскому вопросу имеет в Великобритании большую историю. И речь здесь не столько о самих референдумах (их было всего два – в 1975 и 2016 гг.), сколько о попытках или обещаниях их проведения. При этом анализ каждого случая показывает, что правительство использовало угрозу проведения референдума либо для получения уступок от партнёров по ЕС, либо для преодоления внутрипартийных разногласий, а зачастую с обеими этими целями.

В начале 1970-х годов лидеры ЕЭС согласились на пересмотр условий членства Великобритании в том числе из-за обещания Вильсона провести референдум.

Джон Мэйджор в 1992 г. обещал провести референдум о введении евро, Тони Блэр – в 1999 г. также о введении евро, ещё раз он обещал провести референдум в 2005 г. по вопросу ратификации Конституции ЕС – все эти “референдумы” прежде всего были связаны с предвыборной борьбой или внутренними противоречиями в правящих партиях [Oliver, 2015: 83].

Дэвид Камерон в 2008 г. заявил, что если до выборов 2010 г. Лиссабонский договор ещё не вступит в силу, то консерваторы, придя к власти, отзовут парламент-

¹ Traynor I. and Gow D. Stop Blair: ambition to lead Europe hits fierce opposition. The Guardian. 20 February 2008. <https://www.theguardian.com/world/2008/feb/20/eu.spain> Accessed 31 July 2018.

ский акт о ратификации и проведут референдум. Руководство консерваторов не стремилось сорвать Лиссабонский договор, позиция Д. Кэмерона была элементом внутренней пропаганды, одним из тезисов избирательной кампании. Неудивительно, что, придя к власти, консерваторы не выполнили своего обещания (за что их активно критиковали проигравшие выборы лейбористы).

В 2011 г. Палата общин приняла так называемый билль о “замке референдума”¹, согласно которому передача любых новых полномочий в пользу Брюсселя возможна лишь по итогам референдума. Таким образом британские политики подстраховались от использования имеющихся в Лиссабонском договоре механизмов расширения полномочий ЕС. Однако на практике этот билль имел прежде всего пропагандистское значение, став частью кампании консерваторов, призванной завоевать лояльность евроскептических избирателей.

Привычка использовать идею референдума как карту в партийной борьбе сыграла с Д. Кэмероном злую шутку. Иницилируя референдум о членстве в ЕС, он отнюдь не стремился покинуть Евросоюз. Демонстрация жёсткости в отношении Брюсселя помогла Д. Кэмерону привлечь на свою сторону евроскептический электорат и выиграть выборы 2015 г. С другой стороны, он умело использовал угрозу будущего референдума как козырь, чтобы выторговать новые уступки от партнеров по ЕС [Бабынина, 2016]. Однако Кэмерон заигрался и недооценил рост влияния брекзитёров.

В десятилетие, предшествовавшее референдуму о брекзите, политический ландшафт Великобритании оставался сильно фрагментированным, а влияние, и особенно публичная активность евроскептиков неуклонно росли.

В 2009 г. почти половина депутатов Палаты общин (248 против 311) настаивали на проведении референдума о Лиссабонском договоре, прекрасно понимая, что результат референдума будет отрицательный. Характерно, что этот раскол проявлялся в полной мере, когда речь шла об углублении интеграции. А вот по поводу членства в ЕС у политической элиты в начале 2010-х гг. существовал широкий, хотя и неустойчивый консенсус. К примеру, на голосовании в Плате общин 24 октября 2011 г. за проведение референдума о выходе из ЕС высказались 111 депутатов (из них 81 – “мятежные консерваторы”), против референдума – 483. Но за стенами парламента в это время митинговали активисты ЮКИП; на следующих национальных выборах ЮКИП получила более 12% голосов, отобрав значительную часть электората консерваторов, что существенно изменило расстановку сил.

В период с 2010 по 2015 г. евроскептические настроения усилились в обеих крупнейших британских партиях, а риторика консерваторов во многом сблизилась со взглядами ЮКИП [Кавешников, Доманов, 2018]. На выборах в Европарламент в 2014 г. ЮКИП заняла первое место, набрав 26,8% голосов. В свете этого решение Д. Кэмерона пересмотреть баланс полномочий между Лондоном и Брюсселем, а затем провести референдум о членстве в ЕС “выглядит как уступка евроскептикам в Консервативной партии и попытка привлечь электорат ЮКИП” [Бабынина, 2014: 339]. А глубинной причиной проведения референдума стала неспособность правя-

¹ European Union Act 2011. Parliament database. <http://services.parliament.uk/bills/2010-11/europeanunion.html> Accessed 31 July 2018.

щей элиты Великобритании “прийти к соглашению относительно степени участия страны в евроинтеграции” [Ананьева, 2018].

Общественное мнение

Расколы в политической элите и постепенное ухудшение отношения политиков к ЕС отражали ситуацию в общественном сознании. Ни для кого не секрет, что население Великобритании традиционно занимало самое критическое отношение к ЕС по сравнению с другими государствами-членами (см. рис. 1). Те, кто считали, что членство Великобритании в ЕС хорошо для страны, всегда составляли неустойчивое большинство. Уже через два года после всплеска евроэнтузиазма 1975 г., вызванного скоординированной агитационной кампанией сторонников ЕС при подготовке референдума, в обществе возобладали евроскептические настроения. Негативное отношение к ЕС достигло максимума в первой половине 1980-х гг., на фоне многолетних споров правительства М. Тэтчер с европейскими партнёрами о британском взносе, сельскохозяйственной политике и торговле со странами Содружества.

Энтузиазм, вызванный падением берлинской стены и идеей объединения всех народов Европы в рамках Евросоюза (и НАТО), не оставил в стороне и британцев: доля еврооптимистов на 40% превысила долю евроскептиков. Однако уже с 1993 г. разрыв между ними неуклонно сокращался, а с 2007 г. доля евроскептиков превышала долю еврооптимистов. Даже Т. Блэру за десятилетие у власти не удалось изменить мнение британцев, они “по-прежнему не желали видеть настойчиво рекламируемые преимущества европейской интеграции” [Капитонова, Романова, 2016: 705].

В 1990–2000-е годы на большинстве крупных переговоров в ЕС лидеры Великобритании стремились затормозить процессы углубления интеграции и выступали жесткими защитниками национальных интересов. Такая позиция регулярно получала поддержку общества. К примеру, когда в декабре 2011 г. Д. Кэмерон отказался участвовать в мерах по спасению еврозоны и подписать Бюджетный пакт, население и медиа “пропели ему хвалу за проявленный ‘бульдожий характер’” [Gamble, 2012: 469].

Отношение к Евросоюзу сильно различалось у разных групп населения. Общество явным образом разделилось на “выигрывающих” и “проигрывающих” от глобализации¹. К примеру, опрос 2008 г. показывал, что доля тех, кто полагает, что Великобритании выгодно членство в ЕС, особенно велика среди молодежи (63%), менеджеров (56%), белых воротничков (47%) и самозанятых (46%). И, наоборот, в выгоды членства были уверены лишь 26% рабочих, 27% пенсионеров и 29% безработных². Проведённый *Gardian* в 2011 г. опрос показал, что за выход из ЕС готовы проголосовать 63% людей старше 65 лет, но лишь 28% молодёжи (18–24 года). Существенно различается позиция граждан в зависимости от их политических симпатий. Среди сторонников консерваторов большинство высказались за вы-

¹ О неудовлетворенности граждан (низкой оценке субъективного благополучия) как причине евроскептицизма см. Доманов [2018].

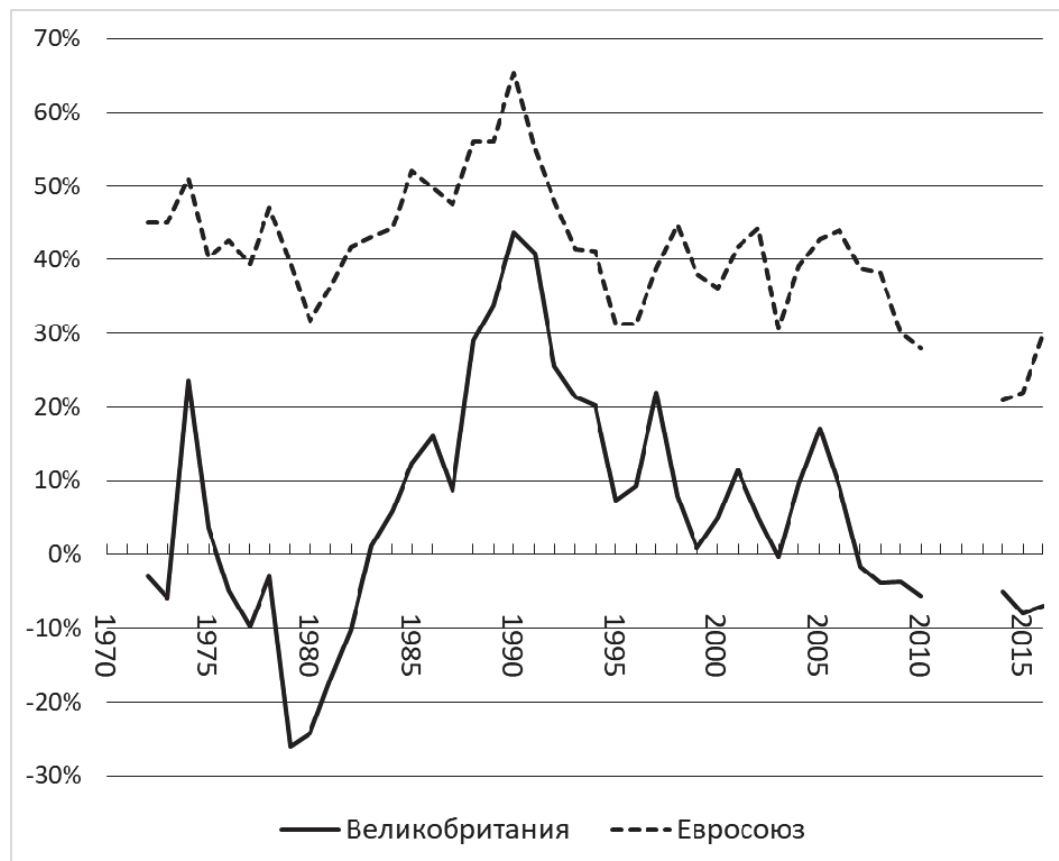
² Standard Eurobarometer 69, Spring 2008.

ход из ЕС (56%). У лейбористов и социал-демократов выход из ЕС поддерживает меньшинство, хотя и довольно значимое (35% и 44% соответственно)¹.

Рисунок 1.

Отношение населения Великобритании к членству страны в ЕС, 1973–2015 гг.

% положительных оценок минус % отрицательных оценок

1973–2011 гг. – Вопрос: Как вы думаете, в целом членство (вашей страны) в ЕС – это хорошо / плохо?

2015–2017 гг. – Вопрос: В какой степени вы согласны или не согласны с этим высказыванием: (Ваша страна) будет иметь лучшее будущее вне Евросоюза – полностью согласны / скорее согласны / скорее не согласны / полностью не согласны ?

Источник: Eurobarometer, если за год проводилось два исследования, то даны результаты весеннего.

¹ Clark T. EU referendum: poll shows 49% would vote for UK withdrawal. Mon 24 Oct 2011. <https://www.theguardian.com/world/2011/oct/24/eu-referendum-poll-uk-withdrawal> Accessed 31 July 2018.

Настроение СМИ перетерпело ту же эволюцию, что и позиция политических элит и общественного мнения¹. О. Дэддоу по результатам детального исследования показал, что большинство британских СМИ с начала 1970-х до конца 1980-х принципиально изменили тональность освещения европейских вопросов, пройдя путь от “разрешительного консенсуса до разрушительного несогласия (destructive dissent)”. По его мнению, спокойное освещение событий в ЕС (или просто равнодушное согласие с проектом Общего рынка) постепенно сменилось очевидной враждебностью, основанной на “националистическом, а в некоторых случаях ксенофобском подходе к освещению дел в ЕС” [Daddow, 1988: 1219]. Такая оценка не единична: к примеру, Т. Оливер также отмечает, что медиадискурс был “по большей мере негативным, даже враждебным, а иногда ксенофобским” [Oliver, 2015: 78].

П. Статхем и Э. Грей в 2005 г. на основе контент-анализа пришли к выводу, что в медиадискурсе по европейским вопросам доминируют элиты и подтвердили существование раскола между лейбористами и консерваторами. Лейбористы обсуждают преимущественно экономические аспекты участия Великобритании в ЕС, причём в положительном ключе. Консерваторы сосредоточены на политических вопросах и дают в основном негативные оценки [Statham & Gray, 2005]. С тех пор внимание СМИ и общественности к Евросоюзу только росло. И чем активнее в британском обществе обсуждались связанные с Евросоюзом вопросы, тем более росли евроскептические настроения. К примеру, в мае 2001 г. 68% опрошенных высказались за продолжение членства в ЕС и лишь 19% поддерживали идею выхода. В 2011 г. 70% населения поддерживали идею проведения референдума о членстве в ЕС, из них 49% были намерены голосовать за выход из Союза. Иными словами, выхода из ЕС хотели уже 35% британцев². В целом к середине 2010-х гг. в Великобритании сформировалось устойчивое большинство, верившее, что вне ЕС страну ожидает лучшее будущее (в 2015 г. так полагали 47% британцев, противоположного мнения придерживались лишь 37%)³.

* * *

На протяжении всей истории отношений между Лондоном и Евросоюзом отсутствовал сколь-либо устойчивый консенсус по поводу членства в ЕС. Причём позиции различались как по вопросам текущей политики, так и по стратегическому позиционированию Великобритании в Европе. Более того, постоянные расколы имели место внутри основных партий, вплоть до разногласий между членами кабинета. Особенно сильное, и все нарастающее различие позиции наблюдалось у консерваторов. Не случайно Джон Мэйджор в 2013 г. заявил: “Отношения с Европой... почти разрушили Консервативную партию” [Major, 2013].

Практически всегда правящая партия была вынуждена использовать все доступные ресурсы, чтобы получить в парламенте одобрение своей европейской политики, шла ли речь о вступлении в ЕС, ратификации договоров об углублении интеграции, участии в крупных интеграционных проектах. Это особенно чувствова-

¹ Это взаимосвязанные процессы и без специальных исследований сложно выяснить, что первично.

² Clark T. Op. cit.

³ Standard Eurobarometer 85. Spring 2016. P. 102.

лось в период премьерства Хита, Вильсона, Мэйджора и Кэмерона. Регулярно правящая партия (а иногда и оппозиция) использовала вопрос проведения референдума как фактор укрепления внутрипартийной дисциплины, усиления позиций в межпартийной борьбе и способ давления на партнёров Великобритании в ЕС.

Все без исключения правительства Великобритании были евроскептическими в том смысле, что возражали против расширения полномочий ЕС. Чем дальше развивался Европейский Союз, чем больше углублялись процессы экономической и политической интеграции, тем сильнее становились евроскептические настроения в британском обществе и политической элите. Евроскептицизм становился все более “жестким”, всё чаще евроскептики возражали против *status quo* и требовали “ослабления” ЕС, возврата тех или иных полномочий на национальный уровень либо выхода Великобритании из ЕС. Политическая, и даже идеологическая пропасть между Лондоном и континентальной Европой становилась всё шире. Создание ЮКИП – партии, единственной целью которой был выход Великобритании из ЕС – и резкий взлёт её популярности в середине 2000-х гг. стал фактором, изменившим межпартийный баланс. Все политические силы, а особенно консерваторы, оказались вынуждены активнее бороться за евроскептического избирателя, балансировать на все сужающейся тропинке между обязательствами перед европейскими партнёрами и настроениями граждан.

Список литературы

- Ананьева Е.А. (2018) Брекзит: предыстория и причины. *Международная жизнь*. №2. С. 22–34.
- Бабынина Л.О. (2014) Британия в Евросоюзе: быть или не быть? // *Дилеммы Британии: поиск путей развития*. / Под ред. Ал.А. Громыко (отв. ред.), Е.В. Ананьевой. Москва: “Весь Мир”. С. 324–340.
- Бабынина Л.О. (2016). *Сделка на саммите ЕС: Brexit не отменяется*. Сайт РСМД, 25 февраля 2016 <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sdelka-na-sammite-es-brexit-ne-otmenyaetsya/> Посещено 31 июля 2018г.
- Громыко Ал.А. (2016) День, который изменил Европу. *Современная Европа*. №4. С. 5–10.
- Доманов А.О. (2018) Причины евроскептических настроений в обществе: количественный анализ. *Современная Европа*. №3. С. 27–36.
- Кавешников Н.Ю., Доманов А.О. (2018) Методика оценки евроскептических настроений на примере политических партий Великобритании. *Международные процессы*. Том 16. №1. С. 80–89.
- Капитонова Н.К. (2014) Британия в Евросоюзе: эволюция взглядов. // *Дилеммы Британии: поиск путей развития*. / Под ред. Ал.А. Громыко (отв. ред.), Е.В. Ананьевой. -Москва: “Весь Мир”. С. 297–323.
- Капитонова Н.К., Романова Е.В. (2016) *История внешней политики Великобритании*. М.: Международные отношения. – 840 с.

References

- Anan'eva E.A. (2018) ‘Brekzit: predystoriya i prichiny. [Brexit: Prehistory and Causes]’. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. № 2. S. 22–34.
- Babynina L.O. (2014) Britaniya v Evrosoyuze: byt' ili ne byt'? [Britain in the EU: to be or not to be?]. In: Gromyko Al.A., Anan'eva E.V. (eds). *Dilemmy Britanii: poisk putei razvitiya*. Moscow: “Ves' Mir”. S. 324–340.
- Babynina L.O. (2016). *Sdelka na sammite ES: Brexit ne otmenyaetsya [The Deal at EU Summit: Brexit is not Repealed]*. RIAC Website, 25 February 2016. <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sdelka-na-sammite-es-brexit-ne-otmenyaetsya/> Accessed 31 July 2018.
- Butler D. and Kitzinger U. *The 1975 referendum*. London, Macmillan Press, 1976. 315 p.
- Daddow O. (2012) ‘The UK media and ‘Europe’: from permissive consensus to destructive dissent’. *International Affairs*. Vol. 88 No. 6. P. 1219–1236.
- Diamond P. and Liddle R. (2008) ‘Options for Britain: Europe’. *Political Quarterly*. Vol. 79. Suppl. 1. P. 165–182.
- Dinan D. (2004). *Europe Recast. A History of the European Union*. Houndmills, PalgraveMacMillan, 2004. 371 p.

- Domanov A.O. (2018) Prichiny evroskepticheskikh nastroyenii v obshchestve: kolichestvenniy analiz [Factors of Public Euroscepticism: a Quantitative Analysis Attempt]. *Sovremennaya Evropa*. № 3. S. 27–36.
- Forster A. (2002) 'Anti-Europeans, Anti-Marketeers and Eurosceptics: The Evolution and Influence of Labour and Conservative Opposition to Europe'. *Political Quarterly*. Vol 73. Issue 3. P. 299–308.
- Gamble A. (2012) 'Better Off Out? Britain and Europe'. *Political Quarterly*. Vol. 83. No. 3. P. 468–477.
- George S. (2000) 'Britain: Anatomy of a Eurosceptic state'. *Journal of European Integration*. Vol. 22. No. 1. P. 15–33.
- Gromyko A.I.A. (2016) Den', kotoryi izmenil Evropu [The Day that Has Changed Europe]. *Sovremennaya Evropa*. № 4. S. 5–10.
- Heath E. (1998) *The Course of My Life: The Autobiography of Edward Heath*. Hodder & Stoughton. 1998. 782 p.
- Kapitonova N.K. (2014) Britaniya v Evrosoyuze: evolyutsiya vzglyadov [UK in the European Union: Evolution of Views]. In: Gromyko A.I.A., Anan'eva E.V. (eds). *Dilemma Britanii: poisk putei razvitiya*. Moscow: "Ves' Mir". S. 297–323.
- Kapitonova N.K., Romanova E.V. (2016) *Istoriya vneshnei politiki Velikobritanii. [History of UK Foreign Policy]*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 840 s.
- Kaveshnikov N.Yu., Domanov A.O., (2018) Metodika otsenki evroskepticheskikh nastroyenii na primere politicheskikh partii Velikobritanii [A Method for Appraising Euroscepticism: The Record of UK Political Parties]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 16. № 1. S. . 80–89.
- Major J. (2018) *The referendum on Europe: opportunity or threat?* Chatham House, London, 14 February 2013. <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/public/Meetings/Meeting%20Transcripts/140213Major.pdf> Accessed 31 July 2018.
- Oliver T. (2015). 'To be or not to be in Europe: is that the question? Britain's European question and an in/out referendum'. *International Affairs*. Vol. 91 No. 1. P. 77–91.
- Statham P. & Gray E. (2005) 'The public sphere and debates about Europe in Britain'. *Innovation: The European Journal of Social Science Research*. Vol. 18. No. 1. P. 61–81.
- Stevens D. (2013) 'Issue evolution in Britain: The debate on European Union integration, 1964–2010'. *European Journal of Political Research*. Vol. 52. P. 536–557.

United Kingdom and European Union: A Long History of Divorce.

Article 1. European Issue

Author. Kaveshnikov N. Head of Department of Integration Studies, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs (MGIMO University). **Address:** 76 pr. Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454; Leading Researcher, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. **Address:** 11-3 Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** n.kaveshnikov@inno.mgimo.ru

Abstract. The article examines the history of relations between the United Kingdom and the European Union from the 1950s till the present. The analysis emphasizes the impact of the European issue on national party politics (the relationship between the conservatives and labours, the interactions within major parties) and the British society. On the basis of historical analysis, the paper concludes that there was no stable consensus on membership in the EU throughout the whole period under review. Positions differed both on current policy issues and on the UK's strategic place in Europe. All UK governments were Eurosceptic in the sense that they objected to the increase of EU powers. The deeper was integration into the EU, the stronger Eurosceptic views were in the British society and political elite. Euroscepticism became more and more "tough"; Eurosceptics objected to the status quo and claimed weakening of the EU or the UK's exit from the EU. The political and even ideological gap about the functioning and development of the EU between London and continental Europe has steadily widened.

Key words: European Union, United Kingdom, Brexit, political parties, Conservative party, Labour party, public opinion.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520180516>

УДК 327

Павел КАНДЕЛЬ

ЧТО НОВОГО В СТРАТЕГИИ ЕС НА ЗАПАДНЫХ БАЛКАНАХ?

Аннотация. Новая Стратегия ЕС на Западных Балканах должна создать впечатление, что Брюссель открыл наконец двери странам региона для вступления в Евросоюз. Но внимательный анализ позволяет сделать вывод, что её цель в другом: повысить пошатнувшийся авторитет ЕС в регионе, усилить инструменты его контроля и воздействия на внутреннюю и внешнюю политику западнобалканских государств, предотвратить укрепление позиций в геополитически важной зоне влиятельных соперников – России, Китая, Турции и арабских стран. Обещанный же приём стран – претендентов в ЕС – дело неопределённого будущего. В действительности это зависит от такого количества неизвестных переменных, что сроки возможного приема прогнозировать невозможно. Однако жаждущие статуса члена ЕС уже нашли и успешно опробовали способ “пришпоривания” евроинтеграции. Демонстративное неповиновение наставлениям Брюсселя, противоречащая европейским стандартам националистическая риторика, заигрывание с конкурентами ЕС и угрозы дестабилизацией – все это, собственно, и вызвало появление новой Стратегии. Поэтому правомерно усомниться, что она окажется эффективной и существенно повысит управляемость регионом из Брюсселя, но возможно позволит ему выиграть время.

Ключевые слова: Европейский Союз, расширение, Западные Балканы, Стратегия.

Европейская комиссия 6 фев. 2018 г. приняла стратегию “Надёжная перспектива расширения ЕС и его усиленного взаимодействия с Западными Балканами” [COMMUNICATION, 2018]. Обнародование этого документа, анонсированного Ж.-К. Юнкером ещё в сент. 2017 г. в докладе “О положении Союза”, сопровождалось приличествующей случаю пропагандистской кампанией: “новое слово” Брюсселя открывает-де государствам региона двери в ЕС. Но дьявол, как известно, в деталях. Стоит внимательнее присмотреться к тому, что Брюссель реально предлагает своим потенциальным и “официально” таковыми признанными (Сербия, Черногория, Албания, Македония) кандидатам, и чего от них ожидает (читай требует). Тогда ста-

© **Кандель Павел Ефимович** – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Европы РАН. **Адрес:** 125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3. **E-mail:** xpekan@yandex.ru

Статья выполнена при поддержке ПФИ президиума РАН №22 “Анализ и прогноз новых глобальных вызовов и возможностей России”, проект “Большое европейское пространство: геополитическая и социально-экономическая трансформация.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520181724>

нут яснее не только декларируемые, но и действительные цели Стратегии, возможности их реализации и эффективность “нового” курса.

Бросается в глаза, что в документе говорится преимущественно об “усилении взаимодействия” в различных сферах и задачах, которые государствам региона предстоит решить, чтобы их могли считать достойными приема в ЕС. О расширении же как таковом напоминает лишь положение, что Сербия и Черногория, уже ведущие предвступительные переговоры с Брюсселем, могли бы стать членами ЕС в 2025 г., если будут соответствовать объективным критериям [COMMUNICATION, 2018: 2]. Все другие конкретные даты, которые, как утверждается, были в первоначальном проекте, в окончательном варианте отсутствуют. Но и обозначенный срок все официальные лица ЕС поспешили назвать лишь примерным ориентиром при самом оптимальном развитии событий и стимулом, но ни в коем случае не обязательством Брюсселя. Такие оговорки не случайны, учитывая нынешнее состояние самого ЕС, у которого хватает своих забот и без расширения. И потому, что оно в настоящее время непопулярно.

Согласно последнему “Евробарометру”, весной 2018 г. его поддерживали 44% граждан Евросоюза, а 46% – выступали против. При этом наибольшее число сторонников расширения в государствах Центральной и Юго-Восточной Европы, а противников – в странах Западной Европы. Скажем, в ФРГ, которая является одним из главных инициаторов новой балканской стратегии ЕС, за расширение лишь 31%, тогда как против – 63% [Standard, 2018: 3]. И хотя принятие новой Стратегии вроде бы должно свидетельствовать о едином подходе к идее расширения, в действительности лидеры государств западной и восточной части Союза относятся к увеличению числа новых членов с разной степенью энтузиазма и готовности, преследуя далеко не совпадающие цели. Для Брюсселя и западноевропейских лидеров основной мотив разговоров о потенциальном расширении – внешнеполитический. Его рассматривают как “геополитическую инвестицию”, призванную закрепить за ЕС важный геополитический и геоэкономический перекресток, оградив от растущего влияния соперников и конкурентов. Для политиков из Центральной и Юго-Восточной Европы мотивация скорее “внутрисоюзная”: балканское расширение прирастит “Новую Европу” за счёт “Старой”, а потому они призывают поспешить с приемом новых членов и не быть с ними слишком требовательными.

Осторожность со сроками кажется логичной и по иной причине. Ведь отправной точкой Стратегии стала констатация обоюдной неготовности к расширению. Сам ЕС, прежде чем перейти к умножению числа членов, должен стать сильнее, сплоченнее и эффективнее [COMMUNICATION, 2018: 2, 15–16]. Вместе с тем ни одна из стран региона в настоящее время не соответствует критериям приема в ЕС. Государства, “захваченные” организованной преступностью и коррупцией на всех уровнях власти и управления, недостаточная независимость судебной системы, правительственный контроль над средствами массовой информации – все это требует существенного усиления “верховенства права”. Неконкурентность значительной части местных экономик, недоразвитый и подвергающийся политическим “набегам” частный сектор, чрезмерно высокая безработица, особенно среди молодежи, характеризуют состояние социально-экономической сферы, не готовой выдерживать давление рыночных сил внутри ЕС. Наконец, неурегулированные дву-

сторонние конфликты между странами региона, которые Евросоюз не намерен “импортировать”, должны быть разрешены до вступления в него [COMMUNICATION, 2018: 3]. ЕК рекомендует претендентам энергичные реформы для выправления положения и обещает активное содействие. Напрашиваются, однако, сомнения и резонные вопросы: что при таких исходных позициях дает основания полагать возможность доведения претендентов до требуемых кондиций в обозримые сроки? Какая нужда заставила вновь заговорить о расширении ЕС, если неизвестно, когда он сам будет к этому готов? Зачем для Черногории и Сербии сроки возможного приема (пусть и условные) обозначены, хотя режимы М. Джукановича, да и А. Вучича, никто не рискнет назвать демократиями европейского образца? И почему то, что во многом выглядит повторением уже опробованных Брюсселем рецептов, не давших удовлетворительных результатов за предшествующие 20 лет, на этот раз принесёт успех?

В Стратегии заявлены шесть “флагманских инициатив” – конкретных действий ЕС в ближайшие годы по поддержке преобразований в странах Западных Балкан в нескольких областях [COMMUNICATION, 2018: 9–15]. Речь идёт о помощи в укреплении верховенства права, усилении сотрудничества в сфере безопасности и контроля миграции, поддержке социально-экономического развития, повышении транспортной и энергетической связанности региона с ЕС, дополнительных мерах по “цифровизации” региона, стимулированию примирения и установления добрососедских отношений в регионе.

У государств региона скверный “послужной список” в сфере демократии. Неудивительно, что укрепление верховенства права названо ключевым мерилом при оценке готовности претендентов к приёму в ЕС. Для этого требуется значительно повысить независимость и эффективность судебной системы, усилить борьбу с коррупцией и организованной преступностью, провести реформу государственного и муниципального управления, добиться соблюдения основополагающих прав граждан и расширить функции демократических институтов. Помощь ЕС выразится в техническом и экспертном содействии, в усилении мониторинга детальных “планов действий” со стороны Брюсселя и “консультативных миссиях”. При этом существенный прогресс и реальные результаты в этой сфере должны быть достигнуты до завершения переговоров по соответствующим главам.

В области безопасности и борьбы с организованной преступностью, терроризмом и незаконной миграцией предписывается усиление стратегической и оперативной кооперации надлежащих органов западнобалканских стран с компетентными агентствами ЕС типа Европола, Евроюста и Фронтекса.

Важнейшим инструментом поддержки модернизации экономики названы ежегодные программы экономических реформ, осуществляемых под руководством ЕК. Обещано усиление гарантий частных инвестиций, особенно в новые, малые и средние предприятия, поддержка внутрирегиональной экономической интеграции и приему Сербии и Б и Г в ВТО. Предусматривается увеличение инвестиций со стороны международных финансовых институтов в развитие транспорта, энергетики, социального сектора, вложений в здравоохранение и образование, удвоение средств по программе “Эразмус+”.

Актуальной задачей считается соединение транспортных, газопроводных и энергетических сетей как в регионе, так и по отношению к ЕС, расширение Энергетического союза ЕС на Западные Балканы, поддержка цифровизации в различных сферах, снижение стоимости услуг роуминга и запуск широкополосного интернета.

Всем странам предложено “на словах и на деле” перешагнуть прошлое, достичь примирения и решить неурегулированные вопросы, в частности, споры о границах, до вступления в Европейский Союз. Если решения не удастся достичь в двустороннем формате, стороны должны прибегнуть к международному арбитражу, вердикт которого надлежит исполнить до приема в ЕС [COMMUNICATION, 2018: 7]. На страницах Стратегии неоднократно подчёркивается, что *срочное* подписание комплексного юридически обязывающего соглашения о нормализации отношений между Сербией и Косово и его осуществление на практике является неременным условием их продвижения по пути к ЕС [COMMUNICATION, 2018: 7, 8]. Странам региона предложено ускорить согласование их внешнеполитических позиций с общей внешней политикой ЕС, включая и санкционные меры [COMMUNICATION, 2018: 9].

Стимулировать “примерное” поведение региональных партнеров призвано и повышение их статуса: им посулили либо возможность приёма (Черногория и Сербия), либо начало переговоров о вступлении (Албания и Македония), либо предоставление статуса кандидата – Б и Г. Но европейские перспективы Косово в отличие от других государств региона в Стратегии определены довольно скромно: “Косово имеет возможность стабильного прогресса, осуществляя Соглашение о стабилизации и ассоциации с ЕС, и продвижения по пути в Европу, когда позволят объективные обстоятельства” [COMMUNICATION, 2018: 2]. Осложняющим “обстоятельством” стала не только не вполне признанная (в том числе и пятью членами ЕС) его независимость, но и категорическое требование Испании, чтобы Косово в документе не приравнивалось к другим государствам региона и не упоминалось в контексте возможного расширения ЕС.

Для усиления привлекательности Стратегии грандиозные планы нужно было дополнить соответствующим финансированием. Предложено постепенно увеличивать выделяемые Брюсселем средства, но пока за счет их перераспределения в рамках действующего инструмента предвступительной помощи (на 2014–2020 гг. запланировано 11,7 млрд евро, из которых в 2018 г. ожидается 1,07 млрд евро). На следующий бюджетный период 2021–2027 гг. также предусмотрено наращивание помощи кандидатам на вступление, но запрошенная ЕК сумма не слишком впечатляет – 14,5 млрд евро. Реалистично ожидать увеличения инфраструктурных инвестиций в регион Европейского банка реконструкции и развития и Европейского инвестиционного банка, поскольку прежний главный их адресат – Турция более не является предпочтительным партнёром. ЕБРР уже вложил 10 млрд евро примерно в 600 проектов на Западных Балканах. При этом по показателю объёма ежегодных инвестиций в страны региона на душу населения – 560 евро Западные Балканы существенно опережают и восточноевропейских членов ЕС (330 евро), и североафриканские государства (43 евро). Активизировался в регионе и ЕИБ, уже вложивший на Западных Балканах с 2007 г. 7 млрд евро [EBRD, 2018]. Но при этом Еврокомис-

сия настаивает на привязке увеличения финансовой помощи к осуществлению структурных реформ и улучшению отношений с соседними странами.

Между тем сомневаться в реальности скорого расширения ЕС заставляет не только слабая готовность кандидатов, но и состояние самого Евросоюза, находящегося не в лучшей форме. В этой связи в Стратегии подчёркивается, что расширение ЕС должно быть неразрывно связано с укреплением самого Союза в институциональном и финансовом отношении. Конкретно речь идёт о расширении сферы принятия решений в Европейском Совете квалифицированным большинством (а не консенсусом) о создании эффективного механизма реагирования на систематические нарушения европейских ценностей, особенно принципа верховенства права. Подспудно читается: такого самоволия и фрондерства, какие позволяют Варшава и Будапешт, в Брюсселе терпеть не намерены, особенно от новичков. Рекомендуются специальными соглашениями и строгими обязательствами исключить возможность блокирования приема новых членов в ЕС со стороны уже вступивших в него, как это делали Греция и Хорватия. Расширение затрагивает такие чувствительные и ключевые области политики ЕС, как сельское хозяйство, политика сплоченности, бюджет и свободное перемещение работающих. Поэтому комиссия предполагает заранее оценить последствия будущего присоединения новых государств в этих областях, что позволит государствам-членам определить общие позиции ЕС на переговорах по соответствующим главам и по переходным мерам [COMMUNICATION, 2018: 8]. Фактически все это означает, что соискатели будут приняты не в существующий в настоящее время Союз, а в тот, каким он когда-то станет, и на условиях, о которых они смогут договориться на переговорах о вступлении. Понятно, что решающее слово останется не за претендентами, а за членами. Учитывая многочисленные и возрастающие противоречия в рядах ЕС, особенно между “Старой” и “Новой” Европой, можно только гадать, когда это произойдёт.

Стратегия, как и все документы, исходящие из столицы ЕС, написана особым языком, своего рода “брюссельским жаргоном”. Излюбленными выражениями на этом наречии можно считать “достаточный”, “существенный” или “необратимый прогресс”. Такая расплывчатость критериев очень удобна, позволяя оценщику – структурам Евросоюза произвольно определять степень достигнутого прогресса по своему усмотрению, исходя из собственных нужд и актуальных политических задач. Характерный пример: лидером переговорного процесса, судя по количеству согласованных глав, следует считать Черногорию. Но как можно отнести к разряду демократических государство, где у власти в течение 27 лет находится один и тот же человек – М. Джуканович и его партия?

В европейской прессе не редкость критика брюссельских стратегов за снисходительность к балканским “стабилотократиям” в ущерб демократическим “европейским ценностям”. Но подобный подход – закономерное следствие политики по отношению к региону как к “геополитической инвестиции”. Не случайно ещё Ж. Делору приписывают формулу, которая предопределила приём в ЕС большинства государств Центральной и Восточной Европы, даже не слишком готовых к этому: “Геополитика важнее экономики!” [Grabbe, 2014: 53]. Причины появления на свет самой Стратегии доказывают, что формула сохраняет свою действенность.

В 2016–2018 гг. лидеры государств региона устроили Брюсселю “праздник непослушания”. Все избирательные кампании здесь сопровождались запальчивой националистической риторикой и показательными медийно-политическими “войнушками” с соседями, чего не избежали даже члены ЕС Хорватия, Болгария и Словения. Снижение авторитета “внешних кураторов” подтвердили и другие перемены в поведении местных политиков. После очередных наставлений Брюсселя или Вашингтона они не только не спешили “брать под козырёк”, но всё чаще осмеливались ослушиваться, перечить, и даже шантажировать представителей ЕС и США. Привыкнув считать Балканы своим “задним двором”, где Брюссель при поддержке Вашингтона безраздельно доминирует и может сколь угодно долго морочить голову “перспективой евроинтеграции”, европейские политики с испугом почувствовали, что прежние чары на балканских партнёров действуют всё меньше. А ослабление веры в “европейскую перспективу” в странах-кандидатах, как опасаются в Брюсселе, угрожает дестабилизацией и усиливает влияние соперников: России, Китая, Турции, некоторых арабских государств.

Потребовались экстренные меры, чтобы чаемое место в ЕС перестало казаться миражом в пустыне. Только так можно было восстановить пошатнувшийся авторитет Брюсселя и его способность управлять регионом. Этим и определяется противоречивый характер новой Стратегии. Она в очередной раз манит претендентов возможностью скорого приёма в ЕС, при этом выставляя такие условия, которые, при всей их обоснованности, трудно исполнимы в обозримые сроки. Но уже одно только вовлечение претендентов в предлагаемый процесс интенсивного и оперативного взаимодействия с Брюсселем в важнейших сферах экономической и политической жизни должно сделать их, как, видимо, рассчитывают авторы Стратегии, более податливыми к предъявляемым требованиям. Подобный процесс, а он для ЕС важнее итога, должен усилить контроль структур Евросоюза за внешней и внутренней политикой стран-кандидатов, поставить дополнительные барьеры внешним соперникам в регионе и позволить попутно решить ряд важных внешнеполитических задач. В первую очередь побудить Сербию к признанию независимости Косово, Македонию – к урегулированию давнего спора с Грецией из-за названия страны фактически на условиях Афин. Албанию и Косово нужно удерживать от ирредентистских поползновений, чем они время от времени пугают ЕС, а Боснию и Герцеговину предохранить от распада и сделать более восприимчивой к сигналам из Брюсселя, наконец, поставить заслоны возобновившемуся функционированию “балканскому маршруту” незаконной миграции (через Албанию и Б и Г), а коли удастся, разместить на территории государств региона “фильтрационные лагеря”.

Между тем у Стратегии есть слабые места, уже известные её адресатам, что ограничивает эффективность замысла. Откровенно признав потенциальное расширение ЕС на Западные Балканы “геополитической инвестицией в стабильность региона”, брюссельские стратеги прямо подсказывают претендентам, как заставить ЕК быть менее взыскательной к их, мягко говоря, несовершенству и ускорить процесс приёма в ЕС: имитацией угрозы дестабилизации, демонстрацией показной строптивости в подходящих случаях и заигрыванием с геополитическими конкурентами Брюсселя. Приёмы подобного рода уже не раз опробованы его балканскими клиентами и не без успеха, что подтверждает и само появление Стратегии – до-

кумента двусмысленного и, казалось бы, несвоевременного. Наивно поэтому полагать, что динамика запущенного процесса “усиленного взаимодействия” ЕС с регионом будет определяться последовательным восхождением кандидатов к заданному Брюсселем уровню, который сам по себе – величина неизвестная. Своё влияние на его скорость и направленность не могут не оказать скрытая, но временами вырывающаяся наружу конфронтация клиентов с патроном, его восприятие возможных угроз стабильности и активности соперников, противоречия в подходах между “Старой” и “Новой” Европой, между ЕС и США, актуальные внутренние проблемы ведущих государств Евросоюза и его текущие внешнеполитические задачи в регионе.

Первые же шаги по претворению Стратегии в жизнь показали, что противоречивость документа неизбежно даст о себе знать и в ходе его реализации. 17 мая 2018 г. в Софии состоялась встреча в верхах ЕС – Западные Балканы, первая после саммита 2003 г. в Салониках. В принятой, хоть и после сложных согласований с не признавшими независимость Косово “диссидентами”, особенно Испанией, декларации была вновь подтверждена “европейская перспектива” Западных Балкан и одобрены основные положения Стратегии. Между тем итоги софийского форума не случайно были встречены в регионе со смешанными чувствами. 2025 г. как возможная дата приёма первых кандидатов в декларации отсутствовал, “расширение” было словно запрещённым словом, а “холодным душем” для балканских партнёров стало выступление французского президента Э. Макрона, суть которого: для расширения сейчас не время, ему должна предшествовать масштабная реформа самого ЕС [Reakcije, 2018].

ЕК рекомендовала открыть предвступительные переговоры с Албанией и Македонией, но из-за сопротивления Франции, Дании и Нидерландов их начало было отнесено на конец 2019 г. и обусловлено выполнением ряда требований. Правительства Греции и Македонии не без усилий Вашингтона и Брюсселя подписали договор, разрешавший их давний спор и снимающий греческое вето на приём Македонии в НАТО и ЕС. Но смогут ли они добиться его ратификации в македонском и греческом парламентах – вопрос пока открытый. Руководители Сербии и Косово, понукаемые Евросоюзом, возобновили прерванный ранее диалог, однако фактически он буксует на месте. ЕК рекомендовала предоставить Косово “безвизовый режим” пересечения границ ЕС, которым уже пользуются граждане остальных государств региона, но решение должно быть принято Европейским советом и Европарламентом. Зондирование идеи о размещении “фильтрационных лагерей” для беженцев в регионе вызвало скорую ответную реакцию: “неблагодарные” власти Албании и Черногории уже заявили, что не допустят такого на своей территории. Всем понятно, что по крайней мере до выборов в Европарламент в западноевропейских столицах предпочтут не вспоминать о “балканской повестке”. Когда и чем закончатся разговоры о реформе самого ЕС, учитывая далеко идущие замыслы реформирования ЕС президента Э. Макрона, запущенные в оборот идеи Ж.-К. Юнкера о “Европе двух скоростей”, хрупкость правящей коалиции в Берлине, нарастающую турбулентность в международных отношениях и на политической сцене государств-членов, можно только гадать. Как метко заметил один из балканских анали-

тиков, описывая ощущения жителей региона: “Они делают вид, что нас примут, а мы прикидываемся, словно им верим!” [Oni, 2018].

Список литературы / References

COMMUNICATION FROM THE COMMISSION TO THE EUROPEAN PARLIAMENT, THE COUNCIL, THE EUROPEAN ECONOMIC AND SOCIAL COMMITTEE AND THE COMMITTEE OF THE REGIONS. (2018) A credible enlargement perspective for and enhanced EU engagement with the Western Balkans. URL:https://ec.europa.eu/commission/publications/eu-western-balkans-strategy-credible-enlargement-perspective_en (дата обращения:29.08.2018).

EBRD – najviše novca za Srbiju. (2018) URL:<https://www.dw.com/sr/ebird-najviše-novca-za-srbiju/a-42742439> (дата обращения:29.08.2018).

Grabbe H. (2014) Six lessons of Enlargement Ten Years On: The Eu's Transformative Power in Retrospekt and Prospekt // *Journal of Common Market Studies*. 2014. Vol. 52. P. 53.

“Oni bi, kao, da nas prime, a mi im, kao verujemo”. (2018) URL:<https://www.dw.com/sr/oni-bi-kao-da-nas-prime-a-mi-im-kao-verujemo/a-44597283> (дата обращения:29.08.2018).

Reakcije nakon Samita u Sofiji: Proširenje kao zabranjena reč. (2018) URL:<https://europeanwesternbalkans.rs/reakcije-nakon-samita-u-sofiji-prosirenje-kao-zabranjena-rec/> (дата обращения:29.08.2018).

Standard Eurobarometer 89. March 2018. Factsheets in English. Germany. eb89_fact_de_en (1) URL:<http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKey/2180> (дата обращения:29.08.2018).

What is new in the EU Strategy in the Western Balkans?

Author: Kandel P., Candidate of Sciences of History, Leading Researcher Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. **Address:** 11-3, Mokhovaya Str., Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** xpekan@yandex.ru

Abstract. The new EU Strategy in the Western Balkans is meant to create an impression that Brussels has finally opened the door for the countries of the region to join the Union. However, its careful analysis suggests that its aim is to increase the EU credibility already compromised in the region; to enhance the management tools for controlling and influencing the domestic and foreign policies of the Western Balkan states, and to prevent such powerful rivals as Russia, China, Turkey and Arab countries from securing their positions in the geopolitically important area. The promised EU membership of the accession countries is a matter of uncertain future. In reality, the actual access is subject to many variables which make the time prediction is almost impossible. However, those seeking for the EU membership have already found and successfully tested the way of “spurring” the process of European integration. A demonstrative disobedience to the Brussels' directives, nationalistic rhetorics contradicting with European standards, flirtation with the EU rivals and threats of destabilization – all this has actually caused the emergence of the new Strategy. Therefore, it is reasonable to doubt that it will be effective and significantly increase the region's submission to Brussels, but it will probably allow it to buy time.

Key words: European Union, enlargement, Western Balkans, Strategy.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520181724>

ЕВРОПЕЙСКИЙ ПРОЦЕСС: СТРАНЫ И РЕГИОНЫ

УДК 327

Василий КУЗНЕЦОВ

Лидя ОГАНИСЯН

ДИЛЕММЫ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ: ПОЛИТИКА ЕВРОСОЮЗА В ТУНИСЕ И ЕГИПТЕ ПОСЛЕ АРАБСКОГО ПРОБУЖДЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается политика Евросоюза в Тунисе и Египте в 2010-е гг., направленная на содействие демократизации государств. После событий Арабского пробуждения ЕС направил значительные усилия для помощи двум североафриканским государствам в процессе демократического транзита, однако действия Брюсселя имели различный эффект. В Тунисе, власти которого после революции 2011 г. приняли решение вступить на путь демократического развития, помощь Евросоюза сыграла весьма конструктивную, хотя и нерешающую роль. В Египте же, где ЕС оказался в крайне конкурентной среде, Брюсселю не удалось содействовать демократическому выбору или продвигать свою повестку. В результате ЕС был вынужден вернуться к модели отношений до 2011 г., основанной на сотрудничестве с арабскими правительствами, далеко не всегда соответствующими западным представлениям о демократических институтах, но способными обеспечить стабильность в соседнем регионе, проблемы из которого перекидываются непосредственно в Европу.

Ключевые слова: Евросоюз, Тунис, Египет, Арабское пробуждение, демократизация, помощь развитию, исламизм.

Волна протестов, антиправительственных движений и революций, охватившая арабские страны в начале 2010-х гг. с самого начала получила неоднозначные оценки со стороны политиков и исследователей. В то время как одни авторы расценивали её как новую стадию демократизации (по С. Хантингтону) и своеобразное

© **Кузнецов Василий Александрович** – доцент кафедры региональных проблем мировой политики факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, руководитель Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, к.и.н. **Адрес:** 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1. **E-mail:** vasiakuznets@yandex.ru

Оганисян Лидя Давидовна – преподаватель кафедры международных организаций и мировых политических процессов ФМП МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник Центра проблем безопасности и развития. **Адрес:** 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1. **E-mail:** lidaoganisyan@gmail.com

Исследование подготовлено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-37-01018-ОГН.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520182536>

преодоление “арабского эксепционализма”, другие проявляли большую осторожность, обращая внимание на неизбежную угрозу дестабилизации государств Арабского пробуждения. Последующие события показали справедливость этих предувещаний – демократический процесс если и получил дополнительный импульс в ряде стран региона, почти повсюду сопровождался резким ухудшением обстановки в сфере безопасности, ростом террористической угрозы и экономическим спадом. Вовне же Ближний Восток стал восприниматься главным образом как источник вызовов и угроз – произошла секьюритизация повестки дня взаимодействия с регионом.

В 2011 г. Евросоюз, будучи в силу географической близости, тесных политических и гуманитарных связей серьёзно озабочен ситуацией на Ближнем Востоке, заявил о своей готовности содействовать демократическому транзиту в регионе. Представители ЕС заявили о твердом намерении пересмотреть свой курс на Арабском Востоке, отказаться от поддержки авторитарных режимов в обмен на стабильность и поставить во главу угла права человека и строительство демократии.

Российское и европейское восприятие дальнейших событий в регионе в некотором смысле были зеркальным отражением друг друга. Для Москвы, чье негативное отношение к революционным изменениям хорошо известно [см., например: Звягельская, 2017], эскалация насилия в Ливии, Сирии и Йемене виделась закономерной. Более удачные примеры демократизации (Тунис) рассматривались ей как случайная флуктуация и оценивались в общественно-политическом дискурсе в крайне скептических тонах. Для европейцев же крайне важно было найти в регионе такие примеры успешного транзита, которые стали бы вещным свидетельством верности европейского видения мира. Кандидатов на такие “истории успеха” поначалу было два – Тунис и Египет.

Цель статьи – рассмотреть политику Евросоюза в Тунисе и Египте после событий Арабского пробуждения и оценить пределы возможностей ЕС по содействию их демократическому транзиту в условиях общей региональной нестабильности. Решение данной задачи будет осуществляться с учетом принципиальных различий в социальных порядках в двух странах [Кузнецов, 2018] и методологических сложностей оценки влияния программ внешней помощи на качество государственного управления [Бартенев, 2018].

Процессы политической трансформации в Тунисе и Египте: внутренняя логика и вызовы для средиземноморской политики ЕС

Накануне Арабского пробуждения Тунис и Египет имели довольно развитые отношения с Евросоюзом, сотрудничая с ним в рамках евро-средиземноморского партнерства, Европейской политики соседства (ЕПС) и Союза для Средиземноморья (СДС). ЕС заключил соглашения об ассоциации с Тунисом и Египтом, вступившие в силу в 1998 г. и в 2004 г. соответственно, а во второй половине 2000-х гг. подписал планы действий в рамках ЕПС. В этих документах указывалась необходимость проведения североафриканскими странами демократических реформ и продвижения прав человека. Хотя до начала Арабского пробуждения существенных результатов на этом направлении достигнуто не было, ЕС сотрудничал с авторитарными режимами в странах-партнёрах, которые обеспечивали стабильность и гарантировали бесперебойность поставок энергоресурсов. По этой причине призы-

вы Брюсселя к демократическим переменам лидеры арабских государств вполне справедливо расценивали, скорее, как рекомендацию.

Однако в конце 2010 – начале 2011 г. ситуация кардинально изменилась. Революции в Тунисе и Египте привели к свержению авторитарных, но дружественных ЕС режимов Зин аль-Абидина Бен Али и Хосни Мубарака. Естественными бенефициариями трансформации стали умеренные исламистские движения – давние и наиболее последовательные оппоненты потерпевших поражение лидеров и их предшественников. В октябре 2011 г. в Тунисе прошли выборы в Национальное учредительное собрание (НУС), на которых победу одержала исламская партия “Ан-Нахда” (“Возрождение”), получившая 89 мест из 217. Члены партии говорили о своей поддержке прав женщин и стремлении провести демократические реформы, однако их оппоненты полагали, что, придя к власти, исламисты не смогут бороться с искушением установить религиозный правопорядок. На прошедших вскоре парламентских выборах в Египте первое место заняла Партия свободы и справедливости, созданная старейшим исламистским движением “Братья-мусульмане”, второе – более ригористская салафитская партия “Ан-Нур”. Президентом страны был избран представитель Партии свободы и справедливости М. Мурси, сочетавший в себе черты умеренного исламиста и вполне вестернизированного интеллектуала, защитившего в своё время диссертацию в США и имевшего опыт работы в NASA.

Хотя ЕС приветствовал свободные выборы и заявил о своей помощи двум государствам на пути демократического развития, ход событий вызывал у европейцев опасения. Они были связаны в первую очередь с европейским восприятием политического ислама в целом. За долгую историю существования (с 1928 г.) “Братья-мусульмане” прошли через множество этапов, став прародителями множества религиозно-политических движений самого разного толка и степени радикальности – от турецкой Партии справедливости и развития до палестинской “ХАМАС” [см.: Наумкин, 2012].

Негативный опыт взаимодействия ЕС с исламистами – в ходе гражданской войны в Алжире в 1990-е гг., в Афганистане в 2000-е гг., в связи с политикой “ХАМАС” в Палестине и “Хизбаллы” в Ливане – лишь усиливал скептицизм Брюсселя. Как справедливо указывают ряд европейских исследователей, защита интересов в сфере экономики и безопасности является первостепенной целью политики ЕС в регионе, и, следовательно, он охотнее сотрудничал с авторитарными режимами, сторонясь исламистов [Behr, 2013; Wolff, 2015]. Отношение к исламистам как к фактору потенциальной дестабилизации проистекало ещё и из полной интегрированности арабских элит в западное политическое пространство и исключённости из него исламистских контрэллит.

Попытки европейцев придерживаться инклюзивного подхода к политическим системам, включив в них умеренные исламистские силы, особенно после победы “ХАМАС” на демократических выборах в Палестине в 2006 г., к началу 2010-х гг. не привели к какой-либо существенной интенсификации сотрудничества с ними [Behr, 2013; Wolff, 2015]. Более того, инклюзивность противоречила подходу большинства ближневосточных режимов, не желавших взаимодействовать с исламистами в рамках политического процесса, обвиняя их в связях с террористическими организациями.

Исходя из этого, в начале 2010-х гг. в Европе предполагали, что позиция “ан-Нахды” не будет способствовать демократизации Туниса, но вопреки ожиданиям

правящая коалиция¹ соблюдала все демократические процедуры, понимая, что отказ от них лишит ее поддержки армии, внешних сил и, собственно, власти в стране. Однако на практике “ан-Нахда” использовала демократические процедуры для исламизации общества: принятие в 2012 г. закона, разрешавшего ношение никабов и хиджабов в публичных пространствах, обосновывая это правом людей самим определять свой внешний вид, а также первые обсуждавшиеся проекты конституций, прямо вводящие элементы шариата и т.п. Несмотря на это, тунисское правительство придерживалось относительно умеренного курса, направленного на демократизацию политической системы, чего, однако, нельзя сказать о египетских исламистах.

Во-первых, проект новой Конституции, продвигавшийся исламистским правительством Египта, привёл к расколу в обществе – светская оппозиция считала, что “Братья-мусульмане” навязывают египтянам нормы шариата. Обвинение это было не вполне справедливым, поскольку шариат и без того не один десяток лет провозглашается основным источником права в Египте, а правительство М. Мурси своими решениями лишь выводило на конституционный уровень нормы, ранее установленные решениями Верховного суда.

Более существенным было то, что президент всячески стремился расширить свои полномочия, лишив традиционно сильную египетскую армию влияния в стране. Обе стороны политического противостояния в Египте использовали демократическую риторику для обоснования своей позиции: М. Мурси – необходимости постановить армию под гражданский контроль – в соответствии с демократическими традициями, армейская верхушка – важности предотвращения исламизации общества и централизации власти в руках президента. В реальности спор был не о демократии, религии или секуляризме, а между “старой” и “новой” элитой, сторонниками модернизации сверху и приверженцами демократизации снизу. Обе стороны имели свою повестку и были готовы использовать всю нормативно необходимую риторику для её продвижения.

В конечном счёте исламистские правительства в Тунисе и в Египте оказались неустойчивыми. В Тунисе власти не смогли предпринять необходимые меры для улучшения социально-экономического положения в стране и обеспечения безопасности. Итогом неудач стала череда политических кризисов, которые привели к двум сменам правительства и глубокой поляризации общества. В итоге летом 2013 г. Тунис оказался под угрозой масштабной эскалации политического насилия.

Что касается Египта, то попытки М. Мурси сконцентрировать в своих руках всю полноту власти, в первую очередь отстранив от неё военных, не только привели в ярость армейскую верхушку, но и вызвали бурное недовольство светской и либеральной оппозиции, объединившейся вокруг Фронта национального спасения (ФНС), получившего поддержку значительной части населения. В июне 2013 г. президент М. Мурси был отстранен от власти армейским руководством страны. После этого временное правительство начало судебный процесс против сторонников движения “Братья-мусульмане” и многие его представители, в том числе бывший президент, в лучшем случае оказались за решёткой, в худшем – были приговорены к смертной казни.

¹ “Ан-Нахда” сформировала коалицию (“Тройку”) с двумя светскими центристскими партиями, что позволило получить большинство в парламенте Туниса.

Смена власти в Египте застала Брюссель врасплох. Дело в том, что с 2012 г. спецпредставитель ЕС по Южному Средиземноморью Б. Леон усердно налаживал отношения между Брюсселем и “Братством”, а Евросоюз постепенно привыкал к перспективе правления исламистской партии в Египте, но менее чем через год М. Мурси лишился власти в стране [см. подробнее: Burke, 2013: 9]. К. Эштон выразила озабоченность ситуацией в Египте, в связи с которой возрос уровень насилия, и требовала вернуться к демократическому процессу [Ashton, 2013], но было очевидно, что Брюссель избегал риторики, способной оставить впечатление того, что европейцы поддерживают М. Мурси.

В отличие от египетского сценария в случае с Тунисом армия сохранила нейтралитет в ходе политического кризиса. Решающую роль в выводе страны из него сыграло весьма развитое в Тунисе, по сравнению с другими странами региона, гражданское общество. Был создан “Квартет Национального диалога”, в который вошли четыре организации гражданского общества¹. Имея большой авторитет в тунисском обществе, он инициировал проведение консультаций между властью и оппозицией. Усилия “Квартета” и прагматичность тунисских политиков привели к выводу страны из состояния политической нестабильности и возвращению её на рельсы демократического развития и построение относительно развитого порядка ограниченного доступа в терминологии Д. Норта [Кузнецов, 2018: 22]. За усилия, предпринятые “Квартетом”, в октябре 2015 г. он удостоился Нобелевской премии мира.

В начале 2014 г. в Тунисе была принята новая конституция, по мнению тунисцев, самая демократичная в регионе, значительно расширившая права и свободы граждан. Осенью 2014 г. состоялись парламентские и президентские выборы, в результате которых победу одержала партия “старой” светской элиты “Нидаа Тунис”, а президентское кресло занял её лидер Б. Каид ас-Сибси. Примечательно, что исламисты не были отстранены от власти, а заняли второе по числу мандатов место в парламенте, сформировали коалицию с “Нидаа Тунис” и получили министерские посты.

Таким образом, к середине 2013 г. обе страны были охвачены политическим кризисом, но в Тунисе он был преодолен благодаря переговорам и компромиссам, в Египте – путём силовой смены политического режима. Лето 2013 г. стало решающим моментом для этих двух государств, когда стало понятно, в какую сторону пойдет их политическое развитие. В случае Туниса мы можем говорить о глубокой политической трансформации, в Египте же трансформационные процессы носили более поверхностный характер. Хотя политические системы двух североафриканских государств обрели некоторую устойчивость, перед ними стояли серьёзные проблемы в сфере экономики и безопасности, которые угрожали хрупкой стабильности и процессу демократического транзита.

Одним из важных факторов в процессе стабилизации ситуации была поддержка внешних акторов. ЕС больше всех внерегиональных игроков заинтересован в том, чтобы процессы на Арабском Востоке завершились успешным демократическим транзитом, который позволил бы среди прочего обеспечить безопасность и стабильность южных границ Евросоюза [см. подробнее: Бабынина, Кузнецов, 2015: 518].

¹ Тунисская лига защиты прав человека (ТЛЗПЧ), Всеобщий тунисский союз труда (ВТСТ), Гильдия адвокатов и Тунисский союз промышленности, торговли и ремесел (ТСПТР).

Европейские программы содействия демократизации Туниса и Египта в 2010-е гг.: успехи и неудачи

Арабское пробуждение предоставило Евросоюзу возможность наконец изменить модель отношений с государствами Южного Средиземноморья, поставив содействие продвижению демократии и прав человека на первый план. Уже в 2011 г. были приняты ключевые документы, а именно “Партнёрство с Южным Средиземноморьем во имя демократии и совместного процветания” [A Partnership for Democracy..., 2011] и “Новый ответ меняющемуся соседству” [A New Response..., 2011], наметившие линию пересмотра политики ЕС. В них подчёркивалось, что главной целью ЕПС станет построение “глубокой демократии” в южных и восточных странах – адресатах программ. В соответствии с этим ЕС приступил к оказанию помощи Тунису и Египту по трем направлениям – “3М” (money, mobility, markets), то есть деньги, мобильность, рынки – основываясь на принципе “больше за большее”, что означало, что большую финансовую поддержку от Брюсселя получают те страны, которые проведут более глубокие реформы.

В рамках реализации первого направления в 2011–2013 гг. Тунис и Египет были главными реципиентами принятой весной 2011 г. программы SPRING (Support to Partnership, Reform and Inclusive Growth). При этом в 2011–2012 гг. Тунис, население которого составляет менее 11,5 млн человек, получил 155 млн евро, Египет с населением почти 95 млн человек – лишь 90 млн евро [Relations between the EU and Tunisia, 2017]. На наш взгляд, выделение значительно большего количества средств Тунису определялось тем, что в Брюсселе считали, что вероятность повлиять на него с помощью финансовых рычагов, как и вероятность успешного демократического транзита, в этой стране была выше.

В соответствии с принципом “больше за большее” с 2011 г. ЕС более чем в два раза увеличил финансовый вклад в сотрудничество с Тунисом, правительство которого больше остальных было склонно проводить демократические реформы (см. Таблица 1). Страна стала основным получателем европейской помощи среди государств Южного Средиземноморья: за 2011–2016 гг. общая сумма помощи Тунису в рамках разных программ ЕС составила порядка 3,5 млрд евро, включая гранты (более 1,2 млрд евро), финансовую помощь в целях поддержания макроэкономической стабильности (800 млн евро) и льготные займы, в том числе от Европейского инвестиционного банка (1,5 млрд евро). Бюджет Европейского инструмента соседства (ЕИС) на 2014–2020 гг. для Туниса составляет порядка 725–886 млн евро [Relations between the EU and Tunisia, 2017].

Таблица 1.

**Объёмы официальной помощи развитию (ОПР), обещанной и предоставленной
Евросоюзом Египту и Тунису в 2010 – 2016 гг., млн долларов**

Страна	Помощь	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Египет	обещанная	228,44	562,92	769,31	350,32	183,93	328,45	291,6
	предоставленная	121,99	56,79	690,97	-1,64	260,55	148,23	309,56
Тунис	обещанная	93,18	172,36	752,02	292,01	827,23	435,66	511,82
	предоставленная	82,27	371,8	502,12	377,17	385,57	324,23	330,84

Источник: OECD.

Значительная часть помощи Евросоюза Тунису осуществлялась через механизмы бюджетной поддержки (см. таблица 2)., то есть предоставлялась правительству напрямую, что говорит о высокой степени доверия со стороны руководства ЕС, принимавшего на себя тем самым максимальные институциональные риски¹.

Таблица 2.

**Объёмы помощи, выделяемой ЕС Египту и Тунису в 2011 – 2016 гг.
через механизмы бюджетной поддержки, млн долларов**

Страна	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Египет	23,980	38,043	2,270	2,646	2,637	10,963
Тунис	107,106	140,304	54,764	174,229	102,235	63,488

Источник: OECD.

Что касается Египта, то в период правления “Братьев-мусульман” средства, выделяемые через механизмы бюджетной поддержки, были незначительными, а после смены власти в 2013 г. и временного приостановления помощи были существенно сокращены (см. таблица 1, таблица 2). Также в отличие от тунисского правительства, приветствовавшего иностранную помощь, египетские власти – как исламисты, так и пришедшая им на смену армейская верхушка – пытались дистанцироваться от иностранных акторов и по возможности проводить независимую политику. Несмотря на ограниченные действия в Египте, за 2012–2013 гг. ЕС выделил стране почти 450 млн евро., а за 2014–2016 гг. – 320 млн евро. На 2017–2020 гг. Брюссель утвердил помощь Египту через ЕИС в размере 432–528 млн евро [Report on EU-Egypt relations..., 2017].

Объяснялось это, впрочем, не столько стремлением египетских властей к прозрачному суверенитету, сколько заметно большей заинтересованностью в Египте других акторов – США и монархий Залива. В то время как Тунис мог рассчитывать почти исключительно на европейских соседей (см. рисунок 1), Каир чувствовал себя в привилегированном положении (см. рисунок 2).

По второму направлению – в марте 2014 г. Тунис стал второй страной Южного Средиземноморья (после Марокко), с которой Евросоюз подписал соглашение о партнёрстве в области передвижения граждан из одной страны в другую (Mobility Partnership). С Египтом аналогичное соглашение не заключалось.

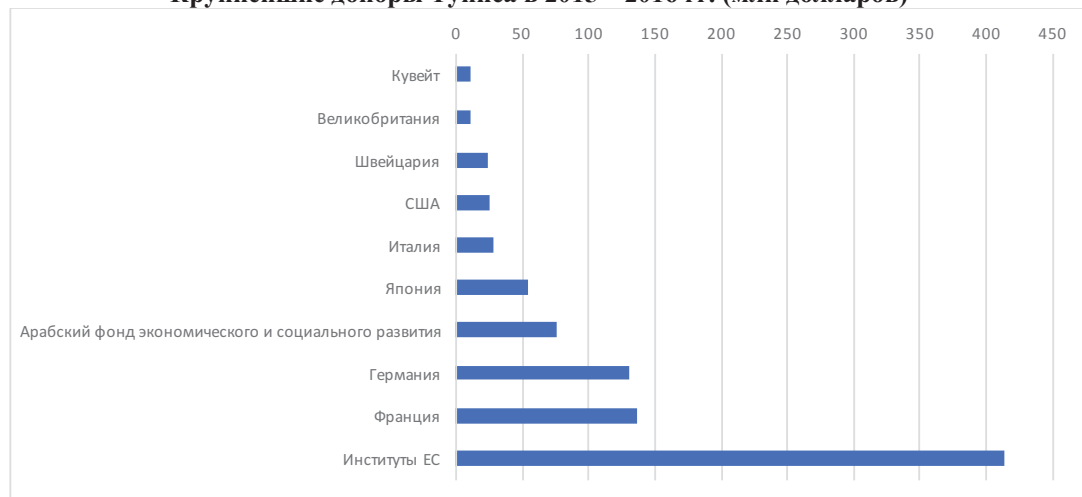
Что касается третьего направления, то ЕС остаётся первым торговым партнером обеих стран. По мнению директора программы по мировой экономике Фонда Карнеги за международный мир У. Дадуша и директора Центра по изучению Ближнего Востока имени Рафика Харири Атлантического совета М. Данн, ключевым инструментом для ЕС в деле поддержки демократических преобразований на Ближнем Востоке и в Северной Африке могло бы стать расширение торговых соглашений со странами региона [Dadush, Dunne, 2011: 132].

¹ Подробнее о рисках, с которыми сталкиваются доноры, оказывая помощь “неустойчивым государствам”, см. статью В.И. Бартенева “Внешняя помощь и качество государственного управления: освобождение от иллюзий”, готовящуюся к выходу в журнале “Полис. Политические исследования”.

В декабре 2011 г. было решено запустить процесс переговоров о заключении глубоких и всеобъемлющих соглашений о свободной торговле с четырьмя арабскими странами, включая Египет и Тунис [A New Response..., 2011]. Переговорный процесс с Египтом был начат в 2013 г., однако уже летом того же года был приостановлен из-за политической ситуации в стране и не возобновлялся. Переговоры с Тунисом были запущены в 2015 г., успешно шли на протяжении 2016–2018 гг., но ещё не завершились.

Рисунок 1.

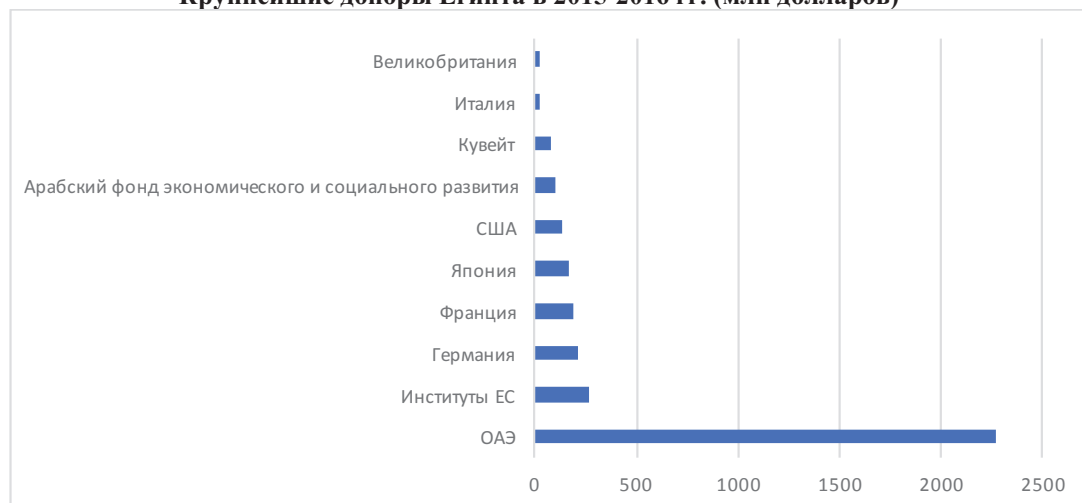
Крупнейшие доноры Туниса в 2015 – 2016 гг. (млн долларов)

Источник: OECD.

Рисунок 2.

Крупнейшие доноры Египта в 2015–2016 гг. (млн долларов)

Источник: OECD.

Чуть раньше, в ноябре 2012 г., Тунис получил статус привилегированного торгового партнёра, что означало удовлетворение Брюсселя ходом проводившихся в стране реформ, и обеспечивало льготный доступ для тунисских промышленных и сельскохозяйственных товаров на европейский рынок. Предоставление статуса подтверждало приверженность ЕС поддержке Туниса для решения ряда взаимосвязанных проблем – обеспечения демократического перехода, решения социально-экономических проблем и борьбы с террористической угрозой.

Кроме того, после Арабского пробуждения особое внимание в Тунисе и Египте ЕС уделял поддержке институционального строительства, которое Брюссель осуществлял с помощью трех инструментов – Twinning¹, TAIEX (Technical Assistance and Information Exchange)², SIGMA (Support for Improvement in Governance and Management)³.

Проекты Twinning в Тунисе и Египте охватывают различные сферы – от управления водными ресурсами и защиты окружающей среды до здравоохранения, образования и правосудия. С начала 2010-х гг. Тунис стал основным партнёром ЕС в Южном Средиземноморье, где в 2013–2016 гг. реализовывалось более 40 проектов в сфере занятости и решении других социальных вопросов, окружающей среды, финансов и торговли, а также проектов по реформированию судебной и модернизации тюремной систем, которые достигли немалых успехов [Activity Reports, 2013–2016]. В Египте же в эти годы действовало порядка десяти проектов в области образования, налогообложения, защиты прав потребителей и проч. [Activity Reports, 2013–2016].

Проекты TAIEX осуществлялись в сфере образования, обеспечения занятости, торговли, сельского хозяйства и обеспечения продовольственной безопасности, здравоохранения и защиты прав потребителей, правосудия и внутренней политики. В 2012 г. в Тунисе было реализовано 18, а в Египте 11 проектов – экспертных миссий, учебных поездок и семинаров [Activity Report, 2012]. В 2014 г. в Тунисе и Египте было реализовано по 22 проекта. В 2016 г. произошло значительное увеличение помощи ЕС Тунису в рамках TAIEX – с 12 проектов в 2015 г. до 21 в 2016 г., в Египте же осуществлялось 24 проекта.

В рамках реализации программы SIGMA в период с января 2017 г. до июня 2018 г. шло сотрудничество с правительством Туниса в сфере реформы госслужбы, предоставления государственных услуг, управления государственными предприятиями и учреждениями [SIGMA, Tunisia]. В Египте осуществляется сотрудничество с соответствующими министерствами для проведения реформ в сфере государственных закупок, торговли и промышленности [SIGMA, Egypt].

Не менее важным направлением помощи ЕС была поддержка гражданского общества, но здесь между Тунисом и Египтом были существенные различия. В случае с Египтом с 2011 г. неоднократно возникали проблемы в связи с притеснением организаций гражданского общества правительством, предъявлением обвинений и

¹ Инструмент нацелен на приспособление законодательства страны-партнера к европейскому, содействие модернизации административного аппарата, обмен опыта между органами государственного управления государств – членов ЕС и страны-партнёра.

² Техническое содействие и информационный обмен.

³ Поддержка улучшения государственного руководства и управления. Инструмент реализуется Евросоюзом совместно с ОЭСР.

высылкой представителей американских и европейских НПО, а уже весной 2017 г. ас-Сиси подписал закон, ограничивающий деятельность местных и иностранных правозащитных НПО [Human Rights Watch, 2017]. Что касается Туниса, то помощь Евросоюза в развитии гражданского общества играет важную роль в стране. Делегация ЕС в настоящее время отвечает более чем за 70 проектов на сумму 58,5 млн евро, финансируемых Европейским инструментом демократии и прав человека (ЕИДПЧ), Инструментом гражданского общества, ЕИС и проч. Проекты, осуществляемые местными и международными НПО, охватывают широкий спектр, включая поддержку прав женщин, обеспечение свободы слова и продвижения демократических ценностей, наблюдение за выборами и т.д.

В докладе Европейской счётной палаты 2017 г., посвящённом анализу помощи ЕС Тунису после Арабского пробуждения, дается положительная оценка европейской политики в стране. Средства, выделенные Брюсселем, как правило, были потрачены с пользой и способствовали процессу демократического транзита и улучшению экономической ситуации. Тем не менее в докладе указывается ряд недостатков политики ЕС по оказанию помощи, главным из которых была попытка Еврокомиссии покрыть слишком много областей, в результате чего её помощь оказалась размытой, а управление многочисленными инициативами было трудно осуществлять [European Court of Auditors, 2017].

В свою очередь, в докладе Европейской счётной палаты о политике ЕС в Египте до и после Арабского пробуждения, подготовленном значительно раньше – в 2013 г., даётся совершенно иная оценка деятельности ЕС. Согласно докладу, бюджетная поддержка была основным механизмом, используемым Еврокомиссией для оказания помощи Египту до 2011 г., в том числе в реализации проектов в области демократии и прав человека. Однако, как указано в докладе, несмотря на отсутствие прогресса в данной области, Еврокомиссия продолжала предоставлять значительные средства египетскому правительству, хотя проекты, финансируемые ею через организации гражданского общества при гораздо меньшем финансировании, были более успешными [European Court of Auditors, 2013]. По сути, это показывает одновременно и заинтересованность ЕС в развитии отношений с Египтом, и его неспособность оказывать давление на Каир.

* * *

Сразу после событий Арабского пробуждения Евросоюз стал подчёркивать важность продвижения демократии в регионе, в первую очередь в Тунисе и Египте, но уже к середине 2010-х гг., когда ситуация в арабском мире резко обострилась и надежды на демократизацию развеялись, ЕС направил свои усилия на стабилизацию соседнего региона [Review of the ENP, 2015; A Global Strategy..., 2016; Report on the Implementation..., 2017]. Кроме того, ЕС признал, что, хотя подход “большее за большее” оказался успешен в государствах, где правительства были привержены к проведению демократических реформ, он не смог содействовать продвижению демократии в тех странах, где отсутствовала политическая воля к осуществлению подобных трансформаций [Review of the ENP, 2015: 5].

Европейский Союз придерживался довольно сбалансированного подхода к продвижению демократии в арабских странах, включающего как метод “сверху вниз”,

нацеленный на укрепление государственных учреждений и улучшение их функционирования, так и подход “снизу вверх”, предполагающий поддержку организаций гражданского общества.

Вместе с тем возникает вопрос о том, в какой мере роль Брюсселя повлияла на развитие демократического процесса в Тунисе. На наш взгляд, её нельзя считать ключевой, поскольку отсутствие желания у тунисского правительства сделало бы успех перехода невозможным. При этом стабильность в стране продолжает оставаться хрупкой, и ЕС должен быть заинтересован в решении острых проблем в сфере безопасности и экономики, поскольку провал “тунисской модели” демократического транзита поставит под вопрос саму возможность успешного содействия процессу демократизации. Что касается Египта, то финансовая помощь ЕС, будь она даже больше, не смогла бы радикально изменить ситуацию. Хотя египетские власти, исламисты или военные, стремились работать с внешними акторами в вопросах торговли и экономического развития, они крайне неохотно принимали внешнюю помощь, когда дело касалось осуществления программ в сфере демократического развития.

Важно и то, что, действуя в регионе после событий Арабского пробуждения, Евросоюз оказался в довольно конкурентной среде, где его инициативы не имели каких-либо преимуществ по сравнению с теми, которые предлагали другие акторы, включая монархии Персидского залива, чья помощь была значительно больше по объёмам и не была увязана с развитием демократии и прав человека в арабских странах.

Сегодня ЕС оказывается перед серьёзной дилеммой – либо сконцентрироваться на стабилизации и обеспечить безопасность в краткосрочной перспективе, рискуя получить новый виток турбулентности в регионе, либо быть более настойчивым в содействии его демократизации, чтобы обеспечить стабильность и процветание в долгосрочной перспективе.

Наиболее простым выходом может стать возврат к парадигме отношений до 2011 г. – сотрудничество с арабскими правительствами независимо от степени их приверженности идеалам демократии. Однако такой подход может поставить под сомнение ценности, на которых основан ЕС и которые определяют его внешнюю политику. Найдёт ли ЕС способ смягчить такого рода имиджевые риски, покажет время.

Список литературы

Бабынина, Л.О., Кузнецов, В.А. (2015) ЕС и страны Магриба // Европейский Союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность / Под общ. ред. Ал.А. Громыко, М.Г. Носова, Весь мир, Москва, с. 508–540.

Звягельская, И.Д. (2017) Ближневосточный клинч: Конфликты на Ближнем Востоке и политика России, Аспект Пресс, Москва, 208 с.

Кузнецов, В.А. (2018) Проблема укрепления государственности на Ближнем Востоке в свете теории социальных порядков, Восток Ориенс, 3, с. 6–24.

Наумкин, В.В. (2012) Вместо предисловия: круговорот Арабского пробуждения // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сборник статей / Отв. ред-ры: В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов, ИВ РАН, Москва, с. 3–20.

References

A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy (2016) Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe.

Ashton, C. (2013) Statement by EU HR C. Ashton on developments in Egypt.

Babynina, L.O., Kuznetsov, V.A. (2015) ES i strany Magriba // Evropeiskii soiuz v poiske global'noi roli: politika, ekonomika, bezopasnost' / Pod obshch. red. Al.A. Gromyko, M.G. Nosova, Ves' mir, Moskva, s. 508–540.

- Behr, T. (2013) EU Foreign Policy and Political Islam: Towards a New Entente in the Post-Arab Spring Era, *The International Spectator*, 1, c. 20–33.
- Burke, E. (2013) Running into the sand? The EU's faltering response to the Arab revolutions, *Centre for European Reform*, p. 1–17.
- Dadush, U., Dunne, M. (2011) American and European Responses to the Arab Spring: What's the Big Idea? *The Washington Quarterly*, 4, p. 131–145.
- European Commission (2017) Relations between the EU and Tunisia.
- European Commission, HR (2011) A New Response to a Changing Neighbourhood.
- European Commission, HR (2011) A Partnership for Democracy and Shared Prosperity with the Southern Mediterranean.
- European Commission, HR (2017) Report on EU-Egypt relations in the framework of the revised ENP.
- European Commission, HR (2015) Review of the ENP.
- European Commission, HR (2017) Report on the Implementation of the ENP Review.
- European Commission, TAIEX and Twinning. Activity Reports, (2012–2016). URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/tenders/taix_en
- European Court of Auditors (2013) EU Cooperation with Egypt in the Field of Governance.
- European Court of Auditors (2017) EU Assistance to Tunisia.
- Human Rights Watch (2017) Egypt: New Law Will Crush Civil Society. URL: <https://www.hrw.org/news/2017/06/02/egypt-new-law-will-crush-civil-society>
- Kuznetsov, V.A. (2018) Problema ukrepleniia gosudarstvennosti na Blizhnem Vostoke v svete teorii sotsial'nykh poriadkov, *Vostok Oriens*, 3, s. 6–24.
- Naumkin, V.V. (2012) Vmesto predisloviia: krugovorot Arabskogo probuzhdeniia // *Blizhnii Vostok, Arabskoe probuzhdenie i Rossiia: chto dal'she?* Sbornik statei / Otв. red-ry: V.V. Naumkin, V.V. Popov, V.A. Kuznetsov, Moskva, s. 3–20.
- SIGMA. Egypt, Tunisia. URL: <http://www.sigmaweb.org>
- Wolff, S. (2015) U.S. and EU Engagement with Islamists in MENA, *Transatlantic Academy*, Washington, 17 p.
- Zviagel'skaia, I.D. (2017) *Blizhnevostochnyi klinch: Konflikty na Blizhnem Vostoke i politika Rossii*, Aspekt Press, Moskva, 208 s.

Dilemmas of Democracy Promotion: the EU policies in Tunisia and Egypt after the Arab Awakening

Authors: Kuznetsov V., Associate professor at the School of World Politics, Lomonosov Moscow State University; Head of the Center for Arab and Islamic Studies of the Institute of Oriental Studies under Russian Academy of Sciences. **Address:** 1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991. **E-mail:** vasiakuznets@yandex.ru

Oganisyan L., Lecturer at the Chair of International Organisations and World Political Processes, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Researcher at the Center for Security and Development Studies. **Address:** 1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991. **E-mail:** lidaoganisyan@gmail.com

Abstract. The paper examines the European Union's democracy promotion policies in Tunisia and Egypt in the 2010s, aimed at promoting democratization. After the Arab Awakening, the EU has undertaken considerable efforts to help both states in the process of democratic transition, but the actions of Brussels had a different effect. In Tunisia, whose authorities after the 2011 revolution expressed their commitment to democracy, the EU assistance played a very constructive although not a decisive role. In Egypt, where the EU found itself in an extremely competitive environment, Brussels failed to promote the country's democratic development and advance its own agenda. Thus, the EU had to return to a pre-2011 model of relations, based on co-operation with the Arab governments, which were not democratic but capable of ensuring stability in the neighboring region the problems of which tend to spill over directly to Europe.

Keywords: European Union, Tunisia, Egypt, Arab Awakening, democracy promotion, development assistance, political Islam.

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR according to the research project No. 17-37-01018-OGN.

DOI: <https://dx.doi.org/10.15211/soveurope520182536>

УДК 327

Николай ПАВЛОВ

Карина ХДЕРИ

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ ВЕКТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ФРГ

Аннотация. В статье рассматриваются основные черты ближневосточной политики ФРГ на современном этапе, особенность которой состоит в природном антагонизме между национальными и государственными интересами Германии. Лавирование между арабским миром и Израилем, между Соединёнными Штатами и европейскими партнёрами, а также взрывоопасность ситуации в регионе приводят к снижению эффективности политики Берлина в отношении стран Ближнего Востока. Германия стремится играть роль посредника, содействуя решению региональных проблем наравне с такими глобальными игроками, как США, РФ и КНР и преследуя в конечном счёте сугубо прагматические экономические интересы как внешнего, так и внутреннего характера. В отличие от Вашингтона, который придерживается теории “управляемого хаоса”, основной целью ближневосточной политики Берлина является стабилизация “баланса сил” и поэтапное мирное продвижение демократии и правогосударственности в регионе.

Ключевые слова: Германия, Ближний Восток, иранская ядерная программа, гражданская война в Сирии, палестино-израильский конфликт.

Процессы трансформации на Ближнем Востоке, начавшиеся в начале 2011 г., привели к структурным изменениям в регионе. На смену так называемой эксклюзивистской системы, исключавшей из этого порядка такие государства, как Израиль и Турция, пришли новые центры силы, обладающие мощными ресурсами (экономический, военно-политический, человеческий) для оказания влияния на ситуацию в этом районе мира [Савичева, 2014: 14]. Следствием структурной трансформации стало снижение влияния Соединённых Штатов, что дает Берлину шанс активизировать политику и расширить сферу влияния на Ближнем Востоке. ФРГ предпочитает

© **Павлов Николай Валентинович** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России. **Адрес:** 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76. **E-mail:** kotjaio@mail.ru

Хдери Карина Юсефовна – аспирантка кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России. **Адрес:** 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76. **E-mail:** kh_der@hotmail.com

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520183748>

укреплять там свои позиции путём активного проникновения германского капитала во все значимые экономические и социальные сферы жизни арабских государств, создавая одновременно позитивный образ страны, усилия которой направлены на восстановление стабильности дипломатическими средствами.

На первый взгляд Ближний Восток не входит в шкалу приоритетов внешней политики ФРГ. В табели о рангах верхние строчки традиционно занимают Европейский Союз, атлантизм, миротворчество и отношения с Россией, без которой, как утверждают немцы, невозможно противодействие ни региональным, ни глобальным вызовам и угрозам. Но в региональной иерархии, если исключить Европу и США, Ближний Восток явно лидирует, опережая Азию, Африку и Латинскую Америку [Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD, 12 März 2018]. Повышенное внимание Берлина к происходящим там процессам неслучайно. Об этом прямо говорится в коалиционном соглашении 2018 года: “Ближний и Средний Восток характеризуются политической нестабильностью, наличием внутригосударственных конфликтов и напряженностью отношений в регионе. Война в Сирии не окончена, и террористическая деятельность “Исламского государства” не осталась в прошлом. Эти кризисы напрямую затрагивают Германию и Европу, влекут за собой потоки беженцев, а также террористические акты”.

В этой формулировке присутствует и подтекст: разного рода региональные конфликты на современном этапе предоставляют Федеративной Республике уникальную возможность заявить о себе в качестве авторитетного международного посредника и участвовать в мирных процессах наравне с мировыми державами, а это, в свою очередь, может способствовать повышению имиджа Берлина на международной арене. С экономической точки зрения для Федеративной Республики Ближний Восток является источником бесперебойного снабжения нефтью, емким рынком сбыта немецких товаров. Однако нестабильность в этой точке мира осложняет деятельность германского бизнеса. Характерно, что в 2016 г. доля региона в общей структуре внешней торговли ФРГ составила всего 2,8% [Fakten zum Deutschen Außenhandel, August 2017].

На официальном сайте МИД Германии указывается на наличие серьёзных проблем на Ближнем Востоке, которые требуют безотлагательного решения: палестино-израильский конфликт, ядерная программа Ирана, гражданская война в Сирии, финансовая поддержка процессов демократизации в арабских странах (среди её получателей Марокко, Ливия, Тунис, Египет, Иордания, Йемен, Ливан и Ирак). Очевидно, что трудности Берлина с формулированием целостной и гармоничной политики на Ближнем Востоке связаны с его разнородностью, наличием совершенно разноректорных интересов арабских государств, а также активной вовлечённостью в клубок ближневосточных проблем влиятельных внешних игроков (США, Россия, Китай, Турция), каждый из которых претендует на закрепление за собой зон влияния в этом стратегически важном районе мира и заинтересован в продвижении собственных интересов.

Между Тель-Авивом и Рамаллой

С точки зрения глобальных вызовов и угроз палестино-израильское противостояние, длящееся не одно десятилетие, с развитием военных технологий и средств доставки, одобренное радикализацией ислама на фоне увеличения числа вовлечен-

ных в конфликт сторон, по своему значению вышло далеко за рамки Ближнего Востока. Именно поэтому правительство ФРГ, претендующее на “большую глобальную ответственность”, уделяет его урегулированию такое пристальное внимание. К этому следует добавить особую историческую ответственность Германии перед народом Израиля, которая вытекает из зверств, совершенных третьим рейхом в отношении евреев в годы Второй мировой войны. По мнению немецкого правительства, достижение безопасности Израиля возможно только путём создания демократического, жизнеспособного и миролюбивого государства для палестинского народа. Участвуя наравне с другими глобальными и региональными игроками в инициативах, направленных на поиск мирного решения палестино-израильского конфликта, Берлин стремится усилить собственное влияние в регионе. После учреждения в 2001 г. по решению ООН института международных посредников ближневосточного урегулирования, в состав которого вошли США, РФ, ЕС и ООН, по инициативе России и Евросоюза в 2003 г. была разработана “дорожная карта”. Она была принята во многом благодаря усилиям немецкой дипломатии, стремящейся выступать в качестве активного посредника в ближневосточном процессе, благо Берлину не привыкать рядиться в тогу “честного маклера” и независимого третейского судьи, что не только престижно, но и полезно с точки зрения продвижения своего влияния. Именно поэтому ФРГ пользуется доверием как у сторон конфликта (Тель-Авив и Рамалла), так и у региональных игроков (Египет, Саудовская Аравия, Катар).

Появление палестинского вопроса во внешней политике ФРГ в 1970-е гг. было обусловлено осознанием западногерманскими политиками зависимости их страны от поставок энергоносителей из арабских стран, а также экономической привлекательностью их рынков для немецкого капитала и товаров. Активному расширению западногерманского, а после объединения ФРГ и ГДР в целом немецкого влияния в арабском мире способствовало то, что страны Ближнего Востока не воспринимают Германию как колониальную державу (напомним, что после поражения в Первой мировой войне Германия лишилась всех колоний), чего нельзя сказать о Великобритании и Франции. Этот факт, несомненно, влияет на привилегированный статус Федеративной Республики в арабском мире. А вот “особые отношения” с Израилем явно отягощают взаимовыгодный германо-арабский диалог.

Среди стран Европейского Союза Берлин является крупнейшим донором на палестинских территориях после Вашингтона. За все время Федеративная Республика предоставила Палестинской национальной администрации более 1,1 млрд евро [Hilfe für Palästina]. Опросы общественного мнения, проведенные в 2017 г. фондом К.Аденауэра на палестинских территориях, демонстрируют стабильно высокий имидж ФРГ: 53% палестинцев поддерживают позицию Германии в вопросе создания независимого палестинского государства и рассматривают её как проводника собственных интересов [Bochard M., Heun H. M., Januar 2015].

В отношении палестино-израильского противостояния Берлин старается проводить равноудаленную политику, которая заключается в балансировании между интересами арабских стран и Израиля, что является в последние годы источником напряженности в германо-израильских отношениях. Правительство ФРГ не раз осуждало продолжение строительства еврейских поселений на оккупированных палестинских территориях, которое, по его мнению, вредит достижению мира в

регионе. В очередной раз эта позиция была подтверждена в коалиционном договоре ХДС/ХСС – СДПГ в марте 2018 года г., где прямо указывается: “Текущая политика Израиля по созданию еврейских поселений противоречит действующему международному праву и не пользуется нашей поддержкой, поскольку затрудняет урегулирование конфликта на основе позиции “два государства для двух народов”.

Принятие израильским кнессетом закона об “экспроприации частных земель в Палестине”¹ привело к отмене запланированных на май 2017 г. германо-израильских межправительственных консультаций. Следствием состоявшейся в апреле 2017 г. в Иерусалиме встречи тогдашнего министра иностранных дел ФРГ З. Габриэля с израильскими неправительственными организациями, предающими гласности преступления официального Тель-Авива против палестинского населения на оккупированных территориях, стал отказ премьер-министра Израиля Б. Нетаньяху принять немецкого политика. Охлаждение германо-израильских отношений длилось до января 2018 г., когда З. Габриэль и Б. Нетаньяху встретились в знак примирения и преодоления кризиса в двусторонних отношениях.

В октябре 2018 г. состоялся первый за последние четыре года официальный визит А. Меркель в Иерусалим. Многие эксперты обратили внимание на то, что канцлер не посетила Рамаллу. Тем не менее канцлер подчеркнула, что Берлин продолжает выступать за урегулирование палестино-израильского конфликта на принципе “два государства для двух народов”. Меркель выразила готовность провести переговоры с президентом Палестины Махмудом Аббасом для обсуждения противоречий, существующих между Израилем и Палестиной.

Односторонние действия предпринимает и руководство Палестинской национальной администрации. Весной 2011 г. палестинский лидер заявил о своём намерении подать заявку в ООН с просьбой о признании государства Палестина. Такой шаг не нашел понимания в Берлине и стал очередным яблоком раздора.

Решение Д. Трампа признать Иерусалим столицей Израиля привело к очередной вспышке насилия на Ближнем Востоке в 2017 г. Германия выступила против, более того, она поддержала резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН в декабре 2017 г. о непризнании решения США по статусу Иерусалима в качестве столицы Израиля. Эксперты полагают, что именно З. Габриэль по неофициальным каналам оказывал давление на государства с целью добиться их голосования в ООН против инициативы Трампа. Стремление Германии играть независимую роль в регионе с учётом последних событий становится все более очевидной.

Несмотря на активную вовлеченность Берлина в судьбу региона, усилия ФРГ по урегулированию кризиса на Ближнем Востоке по большей части сводятся к поддержке инициатив региональных и глобальных игроков, таких как Соединённые Штаты, Саудовская Аравия, Египет, Катар и другие. Ведь за весь период нахождения у власти А. Меркель Берлин не выдвинул ни одной собственной инициативы в этом вопросе. С появлением на международной арене новых проблем (иранское ядерное досье, гражданская война в Сирии, борьба с радикальными группировками в регионе, миграционный кризис) проблема создания палестинского государства и прекращения насилия в регионе отступили на задний план. Отсутствие инициатив

¹ Согласно новому закону, тысячи домов, возведенных на территориях западного берега реки Иордан еврейскими поселенцами, подлежат легализации.

Германия компенсирует так называемой дипломатией чековой книжки, являясь крупнейшим донором и откупаясь от проблем, вместо того чтобы решать их за столом переговоров. Усилия немцев сводятся в основном к оказанию гуманитарной или экономической помощи сторонам конфликта.

Иран: от “мягкой” к “жёсткой силе”

Ещё одним направлением деятельности Федеративной Республики на Ближнем Востоке является урегулирование ситуации вокруг ядерной программы Ирана. Создание Тегераном атомной бомбы может иметь для Европы самые серьёзные последствия. Во-первых, существует опасность подрыва Договора о нераспространении ядерного оружия. Примеру Ирана могут последовать такие государства региона, как Саудовская Аравия или Египет). Во-вторых, наличие арсенала ракет с ядерными боеголовками даст возможность Тегерану держать на прицеле Европу, что неизбежно приведет к подрыву безопасности на континенте. Таким образом, остановка иранской ядерной программы – ключ к решению многих проблем как в Европе, так и на Ближнем Востоке.

После Исламской революции 1979 г. развитие ядерной энергетики, начатое Тегераном в конце 1960-х гг., было приостановлено, а иностранные специалисты, в том числе немцы, были вынуждены покинуть Иран. Подписанный в 2003 г. Тегераном Дополнительный протокол к Договору о нераспространении ядерного оружия расширил возможности МАГАТЭ по доступу к ядерным объектам и предусматривал проведение внезапных проверок. Однако он до сих пор не ратифицирован иранской стороной. В 2004 г. в Иране были обнаружены центрифуги для обогащения урана, не учтенные МАГАТЭ. Это стало поводом для обвинения иранцев в стремлении получить ядерное оружие.

Германия поддерживает право всех стран на развитие мирной атомной энергетики. В то же самое время Берлин выступает против использования ядерной программы в военных целях. Отношение Германии к кризису вокруг атомной программы Ирана было закреплено в так называемой Белой книге бундесвера ещё в 2006 г., где Ближний и Средний Восток были обозначены в качестве “горячей точки международной политики с увеличивающимся потенциалом для конфликта за счет фактора международного терроризма, стремления к обладанию оружием массового уничтожения и развития средств доставки большой дальности” [Das Weißbuch zur Sicherheit Deutschlands und zur Zukunft der Bundeswehr, 2006]. В аналогичном документе, принятом уже в 2016 г., говорится о важности сотрудничества *ad hoc* между странами для урегулирования региональных конфликтов, таким форматом в отношении иранской ядерной программы является евротройка +3 (также известная как “шестёрка”), состоящая из США, России, КНР, Франции, ФРГ и Великобритании [Das Weißbuch zur Sicherheit Deutschlands und zur Zukunft der Bundeswehr, 2016].

Берлин прикладывает усилия для решения иранской ядерной программы дипломатическим путём. Об особом интересе и роли Германии в урегулировании ситуации вокруг Ирана свидетельствует тот факт, что ФРГ – единственный участник “шестёрки”, не входящий на постоянной основе в Совбез ООН.

До 2006 г. политика Берлина в отношении Ирана строилась на основе концепции “мягкой силы”. Политическое руководство не поддерживало действия Вашингтона, которым не хватало легитимности, например, применение военной силы в обход решений Совета Безопасности ООН. Канцлер А. Меркель призывала президента Дж. Буша-младшего к сдержанности в отношении Ирана, рассматривая такой подход в качестве залога успеха в урегулировании конфликта вокруг ядерной программы Тегерана.

Однако ситуация изменилась в 2006 г. после заявлений иранского руководства, которое не раз угрожало Израилю применением силы, а холокост называло “вымыслом европейских политиков”. Германия же не раз заявляла, что безопасность Израиля является её государственным интересом. В декабре 2006 г. Совет Безопасности ООН поддержал санкционную политику в отношении Ирана, после чего Берлин посчитал возможным поднять вопрос о санкциях в рамках Евросоюза. С этого момента ФРГ встала на курс “жёсткой силы”, проводившийся США и подразумевавший введение санкций. Хотя экономическое сотрудничество с Тегераном представляло большой интерес для Берлина, политический фактор (исторически “особые отношения с Израилем”) остался доминантой и вынудил Германию отказаться от ряда выгодных соглашений. Берлин не захотел ставить под удар трансатлантическое партнёрство ради привилегированных отношений с Ираном и присоединился к санкциям.

В 2006 г. Берлин был одним из тех, кто высказался за ужесточение санкций ЕС против Тегерана. Некоторым гражданам Ирана был запрещён въезд в страны ЕС, было введено эмбарго на поставки вооружений и материалов для ядерной энергетики, были запрещены инвестиции в нефтегазовую отрасль. В 2008 г. Германия высказалась за заморозку активов иранского банка в ЕС.

Ввиду неэффективности санкций в 2012 г. министр обороны Германии Т. де Мезьер заявил, что “не считает незаконным превентивный удар Израиля по Ирану” [Angriff auf Iran “nicht illegitim”, 13 September 2012]. Таким образом, после десятилетия безуспешных попыток решить конфликт дипломатическим путём Германия была готова поддержать военную операцию западных союзников против Тегерана. Однако летом 2013 г. в связи с обострением ситуации вокруг Сирии Иран и его ядерная программа отступили на второй план, и внимание глобальных и региональных игроков переключилось на борьбу с распространением терроризма в Сирии.

В ноябре 2013 г. переговоры по иранской ядерной программе между Тегераном и “шестёркой” возобновились, их результатом стало подписание в июле 2015 г. в Вене совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе.

Сразу же после подписания документа в Иран с визитом прибыл министр экономики и энергетики Германии З. Габриэль для обсуждения экономического сотрудничества между странами на перспективу. Предметом переговоров стали перспективы возвращения германских фирм на иранский рынок. Более того, ввиду ситуации на Украине и введения санкций против России, которые привели к сокращению объёмов германского экспорта, открытие иранского рынка для немецких фирм могло компенсировать сокращение поставок товаров в РФ.

Приход к власти в Соединённых Штатах Д. Трампа поставил под угрозу с таким трудом заключённое с Тегераном соглашение. Американский президент пообещал ужесточить односторонние санкции против Ирана якобы за несоблюдение договоренностей. Отказ США подтвердить договор по атомной сделке с Ираном Берлин воспринял с тревогой и призвал отказаться от действий, которые могут привести к непредсказуемым последствиям как для Европы, Америки, так и для Ближнего Востока.

В июне 2018 г. премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху посетил три европейские столицы – Берлин, Лондон и Париж. Он попытался убедить глав ведущих европейских государств последовать примеру США в вопросе Ирана. Символично, что первой остановкой израильского премьер-министра стал Берлин, что говорит об особом уровне доверия между двумя странами. Несмотря на то что европейцы сочувствуют Израилю, о чем заявили А. Меркель, Т. Мэй и Э. Макрон, они не изъяснили готовности изменить свою позицию.

В октябре 2018 г. в ходе визита А. Меркель в сопровождении членов кабинета в Израиль центральной темой обсуждения была иранская ядерная программа. Канцлер выразила понимание жёсткой позиции Израиля в отношении Тегерана, дав в то же самое время понять, что Берлин не спешит последовать примеру Вашингтона и выйти из атомной сделки, как того требует Тель-Авив.

Иранский кризис отражает позицию Германии по урегулированию региональных конфликтов. В отличие от США, она не делает ставку на силу, а предпочитает постепенно наращивать политическое давление на оппонентов. Нетрудно заметить, что дипломатическая активность ФРГ на иранском направлении (при её содействии были разработаны многие резолюции Совбеза ООН) на первом этапе конфликта компенсировала неучастие немецких войск в операции против Ирака. Теперь же, столкнувшись с давлением со стороны Вашингтона, Берлин не готов пожертвовать своим имиджем и интересами бизнеса ради атлантической солидарности.

“Иракский синдром”

В начале 2000-х гг. Ирак занимал важное место среди торгово-экономических партнёров Федеративной Республики. Однако политический климат вокруг Багдада с каждым годом ухудшался. Это было связано, во-первых, с агрессивной внешней политикой Ирака (вторжение в Кувейт в августе 1990 г.), а во-вторых, с возможным обладанием им оружия массового уничтожения.

Террористические атаки 11 сентября 2001 г. против США стали поводом для обвинения иракского правительства в связях с международным террористическим движением и привели к началу не санкционированной СБ ООН военной операции стран-союзников во главе с США 20 марта 2003 г. Германия не поддержала военную акцию. Канцлер Г. Шрёдер не раз отмечал, что ФРГ не намерена принимать участие в военной интервенции. Нежелание Берлина поддержать главного союзника в лице Вашингтона привело к кризису в трансатлантических отношениях. Более того, война в Ираке обнаружила более серьёзную степень расхождения позиций по вопросам международной повестки дня внутри Североатлантического альянса, чем считалось до этого. Чем же объясняется отход ФРГ от трансатлантической солидарности?

Во-первых, участие бундесвера в военных операциях весьма чувствительно для немецкого общества, что связано с памятью о Второй мировой войне. Берлин поддерживает военные акции в обход СБ ООН лишь в исключительных случаях. Во-вторых, боевое использование вооруженных сил неизбежно влечёт за собой людские потери. Поэтому сегодня Германия предпочитает выступать за решение конфликтов дипломатическим путем. Кроме того, “иракский синдром” был обусловлен избирательной кампанией 2002 г., когда СДПГ сделала ставку на антиамериканизм, пацифизм и отказ Германии от участия в войне в Ираке.

Во время выступления перед депутатами бундестага 13 февраля 2003 г. Г. Шрёдер сказал, что “правительство ФРГ стремится добиться реализации резолюции СБ ООН №1441, которая не указывает на возможность смещения С. Хусейна или военных действий против Ирака” [Regierungserklärung von Bundeskanzler G. Schröder zur aktuellen internationalen Lage vor dem Deutschen Bundestag, 13 Februar 2003].

Падение режима С. Хусейна, приведшее к осложнению внутренней ситуации в Ираке, негативно отразилось на германо-иракских экономических отношениях. Их восстановление началось в августе 2004 г., когда были аккредитованы послы нового режима в Берлине. Была произведена перезагрузка не только политических, но и экономических контактов между двумя странами. Состоялся ряд официальных визитов высокопоставленных лиц обоих государств. После окончания военной операции в Ираке Берлин на постоянной основе предоставляет финансовую поддержку Багдаду в создании правового государства, рыночной экономики и структур гражданского общества. Особое внимание уделяется содействию верховенству права, реформированию сферы образования и подготовки кадров в судебной системе, поддерживается процесс примирения. Ирак является получателем постоянной немецкой помощи как приоритетная страна. На этой основе осуществляется гуманитарная помощь: с начала иракского кризиса федеральное правительство перечислило Багдаду около 713 млн евро, при этом 273 млн евро из этой суммы приходится на поддержку перемещенных лиц внутри страны и беженцев из Ирака в соседних странах [Unterstützung beim Wiederaufbau, humanitäre Hilfe und weitergehende Hilfsmaßnahmen in der aktuellen Krise].

Для привлечения инвестиций в Ирак в 2004 г. было положено начало ежегодным двухдневным германо-иракским экономическим конференциям с участием профильных министров и предпринимателей. Уровень участников (иракскую делегацию в ходе третьей конференции в 2007 г. возглавлял министр промышленности Ирака Ф. аль-Харири) свидетельствует о важности иракского рынка для Берлина. Однако подобные конференции имели ограниченный успех, так как немецкие инвесторы не готовы рисковать собственными средствами без получения гарантий защиты и безопасности, которые иракское правительство ввиду нестабильной ситуации в стране дать не может.

В 2010 г. в г. Эрбиле был открыт офис торгово-промышленной палаты Германии для продвижения интересов Берлина в стране. При этом основная часть немецких усилий и средств направлена на северные территории Ирака, где уровень безопасности и стабильности является более высоким, чем на юге.

Германия рассматривается Багдадом в качестве основного игрока на экономическом поле. В свою очередь, немецкий бизнес хочет сотрудничать с Ираком, видя в нем альтернативу германо-российскому сотрудничеству в энергетическом секто-

ре. Берлин осуществлял на севере Ирака инструкторскую миссию. Военнослужащие ФРГ были посланы туда в 2014 г. В их задачу входило обучение курдских военнизированных отрядов, противостоящих террористической организации “Исламское государство”. В сентябре 2017 г. действие миссии было приостановлено из-за проведения Иракским Курдистаном референдума о независимости, который не был признан центральным правительством в Багдаде. В связи с обострением ситуации на севере страны глава МИД ФРГ З. Габриэль выразил надежду на сохранение хрупкого перемирия в регионе. В декабре 2017 г. бундестаг одобрил продление пяти миротворческих и антитеррористических миссий бундесвера, в том числе в Ираке¹. В феврале 2018 г. министр обороны Германии У. фон дер Ляйен сообщила, что вооружённые силы Германии будут оказывать поддержку в борьбе с террористами не только представителям курдских формирований, но и центральному правительству. Это свидетельствует о стремлении Берлина стать посредником между центральным правительством и представителями Иракского Курдистана, отношения между которыми остаются напряжёнными. Принимая участие в феврале 2018 г. в министерской встрече стран – участниц международной антитеррористической коалиции, посвященной восстановлению Ирака, глава МИД ФРГ З. Габриэль пообещал предоставить Ираку как экономическую, так и дипломатическую поддержку.

Очевидно, что в будущем Германия будет выступать за многосторонний подход к решению проблем восстановления Ирака. Тем не менее отправка военнослужащих бундесвера в составе миссий свидетельствует о преодолении “иракского синдрома” 2003 г. и о росте роли “жёсткой силы” в подходе Берлина к урегулированию кризиса. Что касается восстановления экономических связей, то вряд ли стоит полагать, что немецкий бизнес в ближайшей перспективе будет готов вкладывать значительные средства в страну, в которой уровень безопасности варьируется от региона к региону.

Для немцев война в Сирии ещё не закончилась

В марте 2011 г. на фоне захлестнувших страны Ближнего Востока процессов демократизации в Сирии начались протесты, переросшие впоследствии в гражданскую войну. В октябре 2012 г. США, Германия и другие страны – члены ЕС стали инициаторами резолюции по Сирии, внесенной впоследствии в Совет Безопасности ООН. Резолюция осуждала систематические нарушения в области прав человека и использование силы против мирных жителей со стороны сирийских властей. Вето на резолюцию наложили Китай и Россия.

С самого начала сирийского кризиса Берлин выступил за смену режима в Сирии и уход президента Б. Асада в отставку. Изначально МИД ФРГ заявил, что Германия не рассматривает возможность участия в военной операции в Сирии. Однако в ходе саммита “большой двадцатки” в Санкт-Петербурге в сентябре 2013 г. Федеративная Республика присоединилась к группе стран во главе с США, настаивавшим на военном вмешательстве без мандата ООН. И это вопреки общественному мнению,

¹ Солдаты ФРГ участвуют в операции в Средиземном море Sea Guardian, которая обеспечивает наблюдение за морским пространством и борьбу с терроризмом, в антитеррористической миссии Counter Daesh в Ираке и Сирии, а также в Афганистане и Мали.

осуждавшему применение силы далеко за пределами Германии. Немцам предложили ответить на вопрос: “Поддерживаете ли вы возможный американский удар по Сирии”. Только 22% респондентов дали положительный ответ. Вывод очевиден: участие бундесвера в военных операциях продолжает оставаться весьма чувствительным для немецкого общества [Deutsche sehen US-Angriff in Syrien skeptisch, 7 April 2017], которое в течение всего времени существования ФРГ воспитывалось в духе пацифизма и сдержанности.

В октябре 2013 г. президент Сирии Б. Асад предложил Берлину выступить в роли посредника в конфликте, что можно было воспринимать как положительный сигнал и знак доверия по отношению к немецкой дипломатии. Тем более удивительным стал ответ министра иностранных дел Г. Вестервелле, который с порога отверг предложение сирийского президента, сославшись на то, что посредником в данном конфликте является спецпредставитель ООН и ЛАГ Л. Брахими. Ведь выступать в роли посредника – вполне естественная для Германии роль и задача.

В 2018 г. ситуация в корне изменилась. После активного вмешательства в конфликт России, Турции и как реакция на предсказуемую политику США в регионе круг переговорщиков по сирийскому вопросу переформатировался. В конце октября в Стамбуле состоялся саммит глав России, Турции, Германии и Франции, посвященный сирийскому урегулированию. Итогом переговоров стало совместное заявление, в котором стороны подтвердили приверженность суверенитету, независимости, единству и территориальной целостности Сирии. Лидеры государств пришли к согласию, что добиться стабильности в Сирии можно исключительно политико-дипломатическими средствами. От Берлина требуется материальная помощь в гражданском восстановлении страны в обмен на содействие в решении проблемы возвращения сирийских беженцев на родину. С начала кризиса в Германию из Сирийской Республики прибыло около 1 млн человек. Турция же является ключевым игроком для Берлина в этом вопросе, разместив у себя свыше 3 млн сирийцев и блокировав новые миграционные потоки в Германию. Отсутствие США среди приглашенных говорит о стремлении участников саммита ослабить влияние Вашингтона на Ближнем Востоке.

* * *

Германская ближневосточная политика имеет политическое, экономическое и гуманитарное измерение.

В вопросах палестино-израильского противостояния и иранской ядерной программы Берлин является важным посредником, преследующим в конечном счёте экономические интересы. Делая упор на проникновение немецкого капитала на Ближний Восток, Берлин не безучастен и к перспективам политического развития региона. А политика и экономика не всегда дополняют друг друга и гармонизируют между собой. Учитывая также разноплановость вызовов на Ближнем Востоке и их особенности от страны к стране, Федеративной Республике трудно сформулировать целостную линию, что вынуждает её лавировать и примыкать зачастую к более влиятельным и активным игрокам, будь то в двустороннем или многостороннем формате. При этом Берлин не приемлет сепаратных и непредсказуемых шагов, как это было с решением президента США Д. Трампа признать Иерусалим столицей

Израиля и перенести туда американское посольство. Федеративная Республика считает, что статус Иерусалима может быть установлен лишь в ходе переговоров. На позицию Берлина в этом вопросе не повлияли даже “особые отношения” с Израилем.

В целом ближневосточный вектор нынешнего правительства, зафиксированный в коалиционном договоре, подписанном в марте 2018 г., демонстрирует преемственность внешней политики ФРГ. Вместе с тем, несмотря на сохранение привычных формулировок, наблюдается смена акцентов на данном направлении. Палестино-израильский конфликт, долгое время занимавший первое место в шкале приоритетов Берлина в регионе, постепенно отходит на второй план. На первое место перемещается иранская ядерная программа, которая представляет серьёзную угрозу для безопасности Израиля. Несмотря на проявление сочувствия к Израилю, Берлин не готов идти навстречу Тель-Авиву, выйти из ядерной сделки с Ираном и прекратить с ним торговлю. Наряду с ИЯП особое внимание в последнее время Германия уделяет сирийскому кризису. В коалиционном договоре прописано, что основной интерес ФРГ – способствовать политическому процессу, направленному на преодоление сирийского конфликта, в сотрудничестве с международными партнёрами. Берлин готов расширять гуманитарное участие, что связано с тем, что Германия, испытывая на себе основное бремя миграционного кризиса, заинтересована в возвращении людей на родину. Для решения вопроса беженцев А. Меркель даже должна интенсивно искать точки соприкосновения с президентом Турции Р. Эрдоганом, который ещё недавно обвинял её в “фашизме”.

Список литературы

Корьякина Е.Ю. (2013) Политика ФРГ на Ближнем Востоке в период объединения Германии и война в Персидском заливе. *Научный диалог*. № 11(23). С. 85–94.

Савичева Е.М. (2014) К вопросу о геополитической ситуации на Ближнем Востоке: взаимодействие региональных и глобальных тенденций. *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*, № 3. С. 1–21.

Ханнанова Г.А. (2017) Особенности внешней политики ФРГ на Ближнем Востоке и в Северной Африке. *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*, № 4. С. 760–769.

References

A global “No” to a nuclear-armed Iran (2012). URL: <http://www.pewglobal.org/2012/05/18/a-global-no-to-a-nuclear-armed-iran/> (accessed 14.03.2018).

Angriff auf Iran „nicht illegitim“. 13.09.2012. Über: <https://www.n-tv.de/politik/De-Maiziere-sorgt-fuer-Wirbel-article7218536.html> (accessed 14.03.2018).

Bochard M., Heyn H.M. Das Heilige Land und die Deutschen (2015). Über: http://www.kas.de/wf/doc/kas_40104-544-1-30.pdf?150112084109 (accessed 14.03.2018).

Das Weißbuch zur Sicherheit Deutschlands und zur Zukunft der Bundeswehr (2006). Über: https://almabu.files.wordpress.com/2010/05/bmvg_100_weissbuch2006_kurzfassung.pdf (accessed 14.03.2018).

Das Weißbuch zur Sicherheit Deutschlands und zur Zukunft der Bundeswehr (2016). Über: <https://www.bmvg.de/resource/blob/13708/015be272f8c0098f1537a491676bfc31/weissbuch2016-barrierefrei-data.pdf> (accessed 14.03.2018).

Deutsche sehen US-Angriff in Syrien skeptisch. 07.04.2017. Über: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/syrien-deutsche-sehen-us-angriff-auf-flugplatz-skeptisch-a-1142470.html> (accessed 14.03.2018).

- Fakten zum Deutschen Außenhandel (2017). Über: https://www.bmwi.de/Redaktion/DE/Publikationen/Aussenwirtschaft/fakten-zum-deutschen-aussenhandel.pdf?__blob=publicationFile&v=20 (accessed 14.03.2018).
- Hannanova G.A. (2017) Osobennosti vneshnej politiki FRG na Blizhnem Vostoke i v Severnoj Afrike. *Vestnik RUDN. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija*, № 4. S. 760–769.
- Hilfe für Palästina. Über: http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Aussenpolitik/RegionaleSchwerpunkte/NaherMittlererOsten/01_KonfliktNahost/ZukunftPalaestina/Uebersicht_node.html (accessed 14.03.2018).
- Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. 12.03.2018. Über: <https://www.mdr.de/nachrichten/politik/inland/download-koalitionsvertrag-quelle-spd-100-downloadFile.pdf> (accessed am 14.03.2018).
- Koryakina E.Yu. (2013) Politika FRG na Blizhnem Vostoke v period objedinenija Germanii i vojna v Persidskom zalive. *Nauchnyj dialog*, № 11(23). S. 85–94.
- Savicheva E.M. (2014) K voprosu o geopoliticheskoi situacii na Blizhnem Vostoke: vzaimodejstvie regional'nyh i global'nyh tendencij. *Vestnik RUDN. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija*, № 3. S. 14–21.
- Regierungserklärung von Bundeskanzler Gerhard Schröder zur aktuellen internationalen Lage vor dem Deutschen Bundestag. 13.02.2003. Über: https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Bulletin/2001_2007/2003/14-1_Schr%C3%B6der.html (accessed 14.03.2018).
- Unterstützung beim Wiederaufbau, humanitäre Hilfe und weitergehende Hilfsmaßnahmen in der aktuellen Krise. Über: https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/laender/irak-node/-/203980#content_1 (accessed 14.03.2018).

German Foreign Policy in Middle East in XXI Century

Authors. Pavlov N., Doctor of Historical Science, Professor of the Department of European and American Countries of Moscow State Institute of International relations of the Ministry of Foreign Affairs (MGIMO University). **Address:** 119454, Moscow, prospect Vernadskogo, 76. **E-mail:** kotjaio@mail.ru

Khderi K., Post-graduate student, historical science, Moscow State Institute of International relations of the Ministry of Foreign Affairs (MGIMO University). **Address:** 119454, Moscow, prospect Vernadskogo, 76. **E-mail:** kh_der@hotmail.com

Abstract. In the article the authors analyze main features of the German foreign policy in the Middle East. Key point of the German policy in the region consists in its antagonism between national and state interests. Maneuvering between the Arab countries and Israel, the United States and the European partners as well as explosive situation in the region decrease efficiency of the German policy towards the Arab countries. Germany seeks to play a role of important mediator contributing to the solution of regional problems together with such global players as the USA, the Russian Federation and the People's Republic of China as well as pursuing in the end its economic interests. Unlike the US who adheres to the theory of managed chaos in the region, the main goal of the German government is to establish power balance, which will become a basis for maintaining predictable foreign policy.

Keywords: Germany, Middle East, Iran's nuclear program, civil war in Syria, Israeli-Palestinian conflict.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520183748>

УДК 32.019.5

Екатерина ЭНТИНА

Анна СМЕРНОВА

РОЛЬ ДИАСПОРЫ В ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ “МЯГКОЙ СИЛЫ” РОССИИ В СОВРЕМЕННОЙ СЕРБИИ

Аннотация. Несмотря на явное усиление тенденций к возвращению концепций неореализма в международных отношениях в современном мире, ведущие мировые силы (США, Китай, Индия, ЕС) всерьёз озабочены трансформацией собственных концепций “мягкой силы” и повышением привлекательности своих стран в различных регионах. Россия не должна являться исключением в этом ряду. Не только внешнеполитические достижения последних лет, но и международная изоляция со стороны стран Запада требуют переосмысления основ культурного позиционирования страны в мире. Балканский регион и, в частности, Сербия являются традиционной сферой российского влияния за пределами ближних российских рубежей. Российская диаспора внесла огромный вклад в становление и развитие сербского государства в XX веке. В статье даётся анализ того, что и как было претворено в жизнь российской диаспорой, анализируется её сегодняшнее состояние. Даются рекомендации, каким образом можно систематизировать российскую культурную деятельность в регионе в условиях антироссийской пропаганды в Европе.

Ключевые слова: Россия, Сербия, мягкая сила, межкультурное взаимодействие.

Почти пять веков назад Макиавелли в своём трактате “Государь” написал: “... Что лучше: чтобы государя любили или чтобы его боялись. Говорят, что лучше всего, когда боятся и любят одновременно; однако любовь плохо уживается со страхом, поэтому если уж приходится выбирать, то надёжнее выбрать страх” [Макиавелли, 1990]. Памфлет во многом соответствует возникшей позднее теории реализма – одной из трёх главных теорий в науке о международных отношениях, где принципиальными вопросами являются проблемы безопасности, а основным инструментом решения споров и степень успешности государства определяется воен-

© **Энтина Екатерина Геннадьевна** – к.полит.н., доцент департамента международных отношений Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”. **Адрес:** 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20; старший научный сотрудник Института Европы РАН. **Адрес:** 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11 стр. 3. **E-mail:** e.entina@hse.ru

Смирнова Анна Сергеевна – студентка факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”. **Адрес:** 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20. **E-mail:** annnnn.smirnova@gmail.com

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520184959>

ной силой. Однако с усилением роли СМИ, изобретением радио и телевидения, а позднее и интернета военная сила стала постепенно утрачивать своё лидерское положение. Кроме того, создание ядерного оружия и возникновение ядерных держав служило сдерживающим фактором – угроза глобальной войны заставляла государства искать новые источники для укрепления своего влияния на международной арене. Появилась концепция “мягкой силы” – степени привлекательности того или иного государства, его способности добиваться желаемого без применения “жестких инструментов”. СССР обладал колоссальным ресурсом – идеологией и многочисленными инструментами её распространения и утверждения. Однако после его распада Россия этот уникальный ресурс утратила. Сирийские, абхазско-грузинские и крымско-украинские события показали, что в целом Россия так и не смогла наработать эффективные инструменты имиджевого представления её усилий на международной арене. Западные оппоненты продолжают успешно пользоваться созданным ими на воспоминаниях периода холодной войны имиджем современной России как страны-агрессора. Учитывая обострившиеся отношения между Россией и Европейским Союзом и Россией и США, санкции, наложенные этими странами, а самое главное – усилия партнёров, в частности, Китая, по переформатированию собственного имиджа в мире, России необходимо выработать стратегию и найти подходящие инструменты для продвижения нового облика. Балканский регион и, в частности, Сербия могли бы стать прекрасным полигоном для этого. В данной статье делается попытка доказать, что не только и не столько межгосударственное взаимодействие, славянская общность и религиозное единство заложили основы современных российско-сербских отношений. В не меньшей степени этому поспособствовала деятельность российской диаспоры первой половины XX века. Тем не менее ни современная Россия, ни современная Сербия не стремятся акцентировать внимание на безусловном вкладе русской эмиграции в развитие этого южнославянского государства. В результате складывается ситуация, когда более активные международные игроки – в первую очередь ЕС и Турция стали восприниматься сербской молодежью как основные проводники культурно-исторической общности и совместного будущего. Авторы исследуют деятельность официальных представительств России в Сербии и ставят перед собой амбициозную задачу выработки рекомендаций для продвижения российской “мягкой силы” на Балканах.

Диаспора как инструмент “мягкой силы”

Джозеф Най как автор понятия “мягкая сила” выделял три её основных ресурса: культура, политические ценности и внешняя политика, когда она воспринимается как законная и имеющая моральный авторитет. Однако с течением времени и с учётом национальных особенностей каждой страны к ресурсам “мягкой силы” добавляются дополнительные критерии. К примеру, рейтинг The New Persuaders, составленный британским Независимым институтом управления совместно с аналитическим журналом “Монокль”, учитывает следующие составляющие “мягкой силы”: культура, государственное управление, дипломатия, образование, бизнес/инновации. Ещё один рейтинг британского PR-агентства Portland во многом по критериям схож с предыдущим [The SoftPower30]. Однако есть ещё и такие критерии, как благоустроенность, приветливость жителей, популярность технической продукции, производимой в данной стране.

Учёные из областей социологических, политических и исторических наук предлагают новые инструменты “мягкой силы”. Один из них – диаспора. Во-первых, развитие средств коммуникации и увеличение взаимозависимости между странами, а также глобализация в целом способствовали получению диаспорами возможности, с одной стороны, поддерживать контакты со своей исторической родиной, а с другой – легче интегрироваться во все сферы жизни принимающей страны. Это дает возможность странам происхождения использовать диаспоры в качестве инструмента мягкой силы. К таким “народным послам” выказывается большее доверие, нежели к официальным лицам или СМИ. Кроме того, члены диаспоры обладают определенными социальными связями и контактами с местным населением, что позволяет им даже неосознанно оказывать культурное воздействие и улучшать представление о стране происхождения. Разумеется, не все страны могут использовать диаспору в качестве инструмента “мягкой силы”, но преимущество России состоит в том, что ввиду многочисленных социальных потрясений и сложной внутренней обстановки на протяжении XX века у РФ сложилась многочисленная, а в некоторых странах при этом хорошо организованная русскоговорящая диаспора.

Если обратиться непосредственно к Балканскому региону, в частности к Сербии, то принято считать, что Россия априори обладает в этой стране существенной “мягкой силой”. На политическом уровне подобная позиция объясняется неприсоединением Сербии к антироссийским санкциям Запада, традиционными и многочисленными заявлениями об историческом, культурном и религиозном братстве наших народов. В целом данное утверждение доказывается и результатами социологических опросов среди граждан Сербии. Согласно одному из них, проведенному социологическим институтом Ipsos в январе 2015 г., более половины сербов, а именно 52% жителей, высказали свои симпатии России и только 32% положительно относятся к Европейскому Союзу. И это при том что желание вступить в ЕС по-прежнему сохраняется: о нём заявили 54% опрошенных [РИА ФАН, 2015]. Такое отношение по многим параметрам иррационально. Частично оно действительно объясняется историей взаимоотношений двух стран. Россия сыграла значительную роль в получении независимости сербским княжеством. Оказалась втянутой в Первую мировую войну, выполняя союзнический долг и защищая сербский суверенитет. Красная армия освобождала Белград в годы Второй мировой. На современном этапе Москва неоднократно использовала право вето в СБ ООН в отношении Косова и Сребреницы.

Однако при более детальном историческом анализе становится очевидным, что политические отношения между двумя странами всегда были скорее прагматичными, чем последовательно союзническими.

Сила русского оружия действительно обеспечила большинству балканских княжеств независимость, однако с момента образования и вплоть до 1940 г. СССР не признавал Королевство СХС, а затем Королевство Югославию как нежизнеспособное порождение Версальской системы. В предшествующий период (в течение всего XIX века) сербские политические элиты постоянно лавировали между Москвой, Лондоном, Парижем и Веной, пытаясь играть на великодержавных противоречиях. Вторая мировая война на несколько лет частично объединила советские и югославские усилия, но вслед за сближением последовал конфликт И. Тито и И. Сталина 1948 года. Несмотря на то что спустя несколько лет Н. Хрущёв восстановил отношения, Югославия вплоть до распада балансировала на межблоковом противостоянии.

Вместе с тем дипломатические провалы, вызванные конъюнктурой международных отношений, на протяжении XX века, безусловно, компенсировались обширными связями второго и третьего порядка (академическими, культурными, межчеловеческими). Порой они даже заменяли собой дипломатию (например, протесты рядовых российских граждан в ходе войн на территории бывшей Югославии и бомбардировки Югославии силами НАТО), что в итоге и создало ощущение близости и народов, и стран.

Таким образом, несмотря на то что расхожим объяснением популярности современной России в Сербии является политическая и историческая составляющие, сформировать на их основе эффективную стратегию долгосрочного присутствия России в Балканском регионе без активного использования иных, преимущественно культурных ресурсов “мягкой силы” вряд ли представляется возможным. Проводником культурного присутствия России на Балканах и в XIX, но в особенности в XX веке было не только и не столько государство, сколько русскоговорящая диаспора.

Деятельность российской диаспоры в Сербии через призму XX столетия

Революционные события в России 1917 г. обусловили массовое переселение в страны Европы и США. Королевство Сербов, хорватов и словенцев стало одной из тех стран, которая приняла наибольшее количество эмигрантов. По разным данным, через территорию КСХС прошло от 50 до 70 тыс. человек, а осталось жить на время или на постоянной основе более 40 тыс. бывших подданных Российской империи [Арсеньев, 1996: 7]. По данным статистического отдела Государственной комиссии по делам русских беженцев в Белграде, 75% русских беженцев — это лица, получившие высшее и среднее образование. И только 3% от общего числа беженцев не имели никакого образования и были неграмотными, остальные же получили начальное или домашнее образование [Арсеньев, 1996: 8]. Отсюда можно заключить, что в КСХС приехали наиболее образованные, квалифицированные слои населения Российской империи. При этом число неграмотных жителей Королевства СХС достигало 80% в некоторых регионах [Арсеньев, 1996: 12]. В КСХС приехали представители самых разных профессий: ученые, художники, архитекторы, врачи, инженеры. В целом в КСХС насчитывалось более 300 русских колоний [Танин, 2010: 77].

Сфера образования, медицины и науки

Одно из центральных мест занимала профессорская эмиграция. В одном Белградском университете в период с 1923 по 1924 год работали 34 преподавателя-эмигранта, а это 31% от общего числа. На некоторых факультетах (историческом, сельскохозяйственном) процент русских преподавателей достигал 60% [Арсеньев, 1996: 9]. Они привезли с собой новые методики и направления, некоторые стали родоначальниками ряда дисциплин, которые до этого времени не изучали и даже не существовали в Сербии. К примеру, В.К. Мошин стал основателем югославской палеографической науки, Г. Острогорский — основатель сербской византологии, Ф. Тарановский был одним из первых, кто кодифицировал сербское право [Арсеньев, 1996: 19]. А И.Н. Голенищев-Кутузов, помимо того что преподавал французский язык и литературу, стал собирателем эпического творчества народов Югославии — посещал глухие деревни и записывал старые сказки, стихи и песни, так что, как это ни парадоксально, но сербы частично обязаны сохранением собственного

фольклора именно российскому эмигранту [Арсеньев, 1996: 23]. Помимо гуманитарных специальностей, члены диаспоры преподавали технические и естественно-научные дисциплины: профессора механики Демченко и Воронеж, С. Лебедев – известный во всём мире химик, работавший в Белградском университете, А. Игнатьевский организовал новую, современную терапевтическую клинику, Рамзин – один из ведущих эпидемиологов, также основатель этой дисциплины в Югославии [Радоевич, 2014: 103]. Вообще деятельность российских врачей необходимо отметить отдельно, их в КСХС было более 450 (и это при том что собственных специалистов в Королевстве было очень мало) [Танин, 2010: 104]. Именно они заложили основы новой культуры здравоохранения, основывающейся на профилактике распространения заразных болезней, возглавляли хирургические отделения, отправлялись врачами в отдаленные сельские пункты. То же самое можно сказать и о русских учителях и священниках. На территории КСХС действовали 24 русские школы, но учителя из российских эмигрантов работали и в сербских учебных заведениях: Королевство испытывало нехватку кадров, таких учителей по всей территории было более 600 [Танин, 2010: 106]. За счёт расселения русских общин, которые находились не только в крупных городах и центрах, многие сербы, бывшие неграмотными и не умевшие возможности получить образования в силу удаленности от культурных центров, получили возможность научиться читать и писать.

Помимо этого, большое значение имел также Русский научный институт, открытый в 1928 г. Помимо того что в разные годы он объединял от 40 до 60 профессоров, институт вел активную просветительскую деятельность [Арсеньев, 1996: 62]. Благодаря приглашениям профессорского состава КСХС посещали знаменитые ученые из разных стран: Чехии (И.И. Лаппо), США (И.И. Сикорский), Германии (И.И. Ильин) и многие другие [Арсеньев, Указ.соч]. Помимо проведения открытых лекций и конференций с участием видных учёных, Русский научный институт организовывал литературные вечера, гостями которых становились такие известные поэты и писатели, как З. Гиппиус, Д. Мережковский, И. Северянин [Арсеньев, 1996: 63]. Если бы не деятельность российской эмиграции, КСХС вряд ли могло рассчитывать на приезд таких видных деятелей науки и культуры, поскольку на фоне других европейских стран, Югославия оставалась аграрной, патриархальной страной, способной мало чем привлечь иностранных специалистов.

Вклад российской диаспоры в становление сербского театра и искусства

Однако деятельность российской диаспоры первой половины XX века не ограничивается только научными достижениями. Немалый вклад эмигранты внесли и в другие области. Большое значение имел вклад бывших подданных Российской империи в театр, оперу и балет. Более того, именно русским эмигрантам сербы обязаны становлением и оперы, и балета. Если говорить о сценическом искусстве, эмигранты внедрили в сербский театр систему Станиславского. Первые спектакли ставились ещё в 20-е годы Ю. Л. Раkitиным – режиссёром Александринского театра и актёром МХАТа. Став режиссёром Народного театра в Белграде, он создал 85 спектаклей и восемь опер [Радоевич, 2014: 108]. Затем возникло Белградское русское драматическое общество, в котором состояло до 80 опытных актёров и режиссёров [Радоевич, 2014: 108]. Причём спектакли проводились не только на русском, но и на сербском языке, а среди репертуара присутствовали произведения югославских

и даже советских авторов. В дальнейшем количество трупп и объединений только росло, увеличился охват жанров – появились комедии, трагикомедии, сатирические сценки, театральные миниатюры. Но самое важное – с открытием дома культуры “Русский дом” (1933 г.), российский театр стал общедоступным, спектакли шли каждую неделю [Радоевич, 2014: 108]. Практически сразу российские эмигранты организовали обширную издательскую деятельность: выходило более 220 различных газет и журналов. На сербский, словенский и хорватский язык переводились произведения русских классиков, открывались общественные библиотеки – только в одном “Русском доме” содержалось около 200 тысяч изданий [Арсеньев, 1996: 66]. Помимо уже упомянутых литературных вечеров, союзами писателей и журналистов организовывались приезды и открытые лекции российских писателей-эмигрантов, таких как И.А. Бунин, А. Куприн, К. Бальмонт [Арсеньев, 1996: 13]. Не оставались в стороне и художественные объединения. Они организовывали выставки не только российских и зарубежных художников, но также и югославских авторов – таким образом знакомя не только подданных КСХС с творчеством иностранных художников, но жителей Европы и США с творчеством художников югославских. В разное время были проведены выставки И. Репина, А. Бенуа, К. Коровина, Н. Рериха [Арсеньев, 1996: 67]. Возвращаясь к теме театрального искусства и, в частности, оперы и балета, нельзя не отметить, что благодаря стараниям русской диаспоры в Югославии давали концерты и выступления Ф. Шаляпин, С. Прокофьев, А. Павлова [Арсеньев, 1996: 67]. Однако нельзя забывать, что помимо работы таких заслуженных классиков, русская диаспора дала пианистов, духовников, виолончелистов, которые не только играли во всех главных театрах и концертных залах, но также вели уроки в музыкальных школах и практиковали частные уроки.

Россия в архитектурном облике современного Белграда

Немаловажную роль сыграли российские архитекторы и инженеры. Самой заметной фигурой является Н.П. Краснов – главный архитектор, спроектировавший всемирно известный Ливадийский дворец. Не меньше он сделал и для Белграда: оформлял резиденцию династии Карагеоргиевичей, проектировал мемориальную церковь Карагеоргиевичей, участвовал в проектировании нынешнего здания парламента Сербии, полностью спроектировал здание правительства Сербии, здание МИД, здание Государственного архива. Помимо проектов, осуществлённых Н.П. Красновым, другие российские архитекторы и инженеры-строители спроектировали и принимали участие в постройке Министерства торговли и промышленности, здания медицинского факультета Белградского университета, здания Управления Генерального штаба, а также более 250 частных домов в Белграде [Танин, 2010: 95]. Все эти сооружения до сих пор являются одними из главных достопримечательностей города.

Российские военные части, прибывшие вместе с Деникиным и Врангелем, прокладывали горные дороги, преподавали в военных академиях, знакомили югославских военных с принципами работы военных самолётов. Последнее, на что необходимо обратить внимание: российские специалисты различных областей были настолько востребованы, что многие из них работали в министерствах, занимали государственные посты. Только в управе Белграда насчитывалось 130 русских эмигрантов, а в министерстве строительства их было 90 [Танин, 2010: 96].

Для Королевства, пережившего Первую мировую войну, разоренного оккупацией, с аграрно-патриархальным строем, приезд специалистов такого уровня стал решающим событием в культурном, политическом и экономическом развитии. Но самое важное – сербская и российская культуры оказались тесно связаны между собой. Диаспора обеспечила Россию “мягкой силой” ещё в те времена, когда такого понятия даже не существовало.

“Отношения СССР и Югославии в 60–80 гг. XX века хорошо отражает название книги советского историка Ю.С. Гиренко “Советский Союз – Югославия: традиционная дружба, всестороннее сотрудничество” (работа издана “Политиздатом” в 1975 г.). Темные страницы в истории взаимоотношений двух стран, прежде всего период 1948–1953 гг., были преданы забвению. В Югославии функционируют советские дипломатические и торговые представительства, работают российские специалисты. Бывший Русский дом им. Императора Николая II, вместилище эмигрантских организаций и научных институтов, становится Домом советской науки и культуры. В помещениях, где до Второй мировой войны находилась русская гимназия, размещается Средняя школа при посольстве СССР. Вольно или невольно, но культурные институты Советского Союза в Югославии по форме в значительной степени копируют довоенные эмигрантские структуры” [Русская беседа, 2009].

Акторы продвижения российской культуры в Сербии в постюгославский период

С окончанием войн на территории бывшей Югославии приток российских эмигрантов в Сербию возобновился. По данным последней переписи населения, проводившейся в Сербии в 2011 г., в республике проживает более 3 тыс. русских и 250–300 тыс. людей русского происхождения [ИТАР–ТАСС, 2009]. Также считается, что с 2014 г. в Сербию эмигрировали порядка 2000 российских граждан, а общая численность российских граждан превышает 12000 человек [Vecrnje novosti, 2015]. Несмотря на то что основой притока, как и столетие назад, преимущественно стали граждане с высшим образованием и высокой профессиональной квалификацией, а также сотрудники представительств крупных российских компаний (Лукойл, Газпром, РЖД, ряд других) говорить о консолидированности российской диаспоры не приходится. Скорее, мы имеем дело с разными, никак не объединёнными концептуально, точечными акциями и мероприятиями. В этой связи основная нагрузка по продвижению российского имиджа в Сербии легла на плечи официальных представительств: посольства и в первую очередь Русского дома – Российского центра науки и культуры в Белграде (РКНЦ).

РКНЦ в Белграде, как и сто лет назад, остаётся одной из известных и потенциально притягательных культурных площадок. Он известный объект и среди старшего поколения, и среди молодёжи.

За 2017 г. по данным, предоставленным на официальном сайте культурного центра “Русский дом”, на базе или при поддержке Русского дома было проведено более 180 мероприятий. Таким образом, фактическая активность очень высока: в среднем одно мероприятие в два дня.

Деятельность Русского дома можно разделить на несколько больших блоков: выставки (31), кинопоказы (34), фестивали и концерты (28), лекции и семинары (в основном посвящённые преподаванию русского языка в Сербии – 17), встречи, свя-

занные с помощью при поступлении и привлечению студентов в российские вузы (3), литературно-художественные, тематические и торжественные вечера (8), популярные общественные акции, такие как “Тотальный диктант” и “Бессмертный полк” (6), презентации книг (7), проведение спектаклей (8), прочие мероприятия, такие как совместные встречи праздников, мастер-классы и т.д. (39) [Русский дом, 2017].

Как видим, одними из самых часто проводимых и популярных мероприятий являются кинопоказы. Если вспомнить о том, что Джозеф Най называл киноиндустрию и Голливуд главными инструментами “мягкой силы” США, то можно предположить, что Русский дом культуры также ориентируется на данный посыл. Однако из 34 кинопоказов, проведённых в 2017 г., только пять представляли фильмы или мультфильмы, способные заинтересовать широкую аудиторию, а именно: “Добрыня Никитич и Змей Горыныч”, “Мы из будущего”, “Статский советник”, “Ёлки” и *Duxless* [Русский дом, 2017]. Эти фильмы и мультфильмы были созданы в РФ в промежутке с 2005 по 2012 г. и отражают так или иначе современную Россию. Остальные 29 фильмов являлись продукцией советского производства. В разные месяцы были показаны фильмы “Чапаев”, “Девчата”, “Волга-Волга”, “Большая перемена” и другие советские киноленты. С точки зрения имиджевого продвижения России непонятно, на кого ориентированы такие кинопоказы. Кроме того, не все фильмы снабжены сербскими субтитрами, лишь у 50% от всех показанных в 2017 г. они были, что автоматически лишает возможности людей, не знающих русский язык, приобщиться к российской культуре [Русский дом, 2017]. Таким образом, получается, что один из самых эффективных инструментов по продвижению имиджа страны используется частично.

В сфере продвижения образования РКНЦ сталкивается с определенными сложностями объективного порядка. Не многие российские университеты стремятся к сотрудничеству с сербскими коллегами и привлечению в большинстве своем не знающих русский язык, с одной стороны, с другой – мало платёжеспособных сербских абитуриентов. В результате в течение 2017 года на базе РКНЦ были проведены всего три встречи по привлечению абитуриентов в российские вузы [Русский дом, 2017]. Возможность студенческого обмена является наравне с распространением культурных ценностей базисом, за счёт которого формируется позитивное представление о государстве.

Ещё одна важная проблема – многие мероприятия РКНЦ ориентированы исключительно на членов диаспоры. Этим работа современного Русского дома серьёзно отличается от его же деятельности столетней давности. С одной стороны, логично, поскольку диаспоры потому и образуются, что её члены хотят хотя бы отчасти сохранить свою идентичность, культуру, язык. Но в современных условиях диаспора уже не нуждается в такой закрытости. Сохранить связь с прародиной стало намного легче благодаря открытости границ и современным ИКТ.

Другим важным сюжетом в оценке деятельности Русского дома в Белграде для понимания, каким образом можно повысить привлекательность России, является анализ того, каким историческим или культурным событиям уделяется особое внимание, что преподносится в качестве культурных основ РФ. За 2017 г. 17 выставок, акций, концертов, показов фильмов были посвящены Великой отечественной войне, ещё четыре – в целом воинской славе России и шесть так или иначе связаны с покорением космоса [Русский дом, 2017]. Безусловно, все эти темы являются важными для понимания российской культуры, и они занимают особое место в ис-

торическом сознании русских людей. В случае с Сербией, признавая героизм и заслуги советского народа в победе над фашизмом, стоит учитывать, что внутри Сербии не было и нет консенсуса по поводу отношения к событиям Второй мировой войны. В этой связи гораздо важнее делать акцент и на других объединяющих наши народы моментах. Например, несмотря на исторический контекст и широкую деятельность русской диаспоры, не многие знают о её роли в КСХС как в России, так и в Сербии.

Деятельность Русского дома в социальных сетях

Помимо организации мероприятий и конкурсов, Русский дом также стремится популяризировать деятельность России через социальные сети, в частности Facebook. В сравнении с другими представительствами России за рубежом, РКНЦ в Белграде объективно демонстрирует высокую активность. Страница на Facebook обновляется в среднем несколько раз в неделю. Число подписчиков в Facebook на конец июня 2018 года – 4840 человек, общее количество отметок “мне нравится” – 4695. Необходимо признать, что последний показатель слишком мал, а в среднем под каждым постом стоит от 20 до 60 “Мне нравится”, что крайне малое количество. Из основных плюсов, которые выгодно отличают страницу в Facebook от сайта Русского дома, – большее количество фотоотчетов, по которым можно определить посещаемость мероприятий и основную возрастную категорию посетителей. В основном это школьные группы и люди пожилого возраста [Facebook, 2018].

Другой положительный момент – в большинстве своём посты публикуются на двух языках, что облегчает коммуникацию и увеличивает число потенциальных подписчиков. Что касается содержания постов, то в целом по тематике оно повторяет содержание сайта. Работа группы строится на модели “публикация поста о мероприятии – отчёт о его проведении”, иногда в ленту попадают новостные сообщения. Основной недостаток такого подхода в том, что группа малосодержательна, она знакомит только с деятельностью самого РКНЦ “Русский дом”, но никак не знакомит с Россией, её историей, интересными фактами и т.д. Поэтому эта группа может быть полезна и интересна только для тех, кто уже посещал РКНЦ. Вместе с тем в современном мире самый простой и легкий способ заинтересовать людей в возрасте от 15 и до 45 – использовать интернет-пространство. Если бы работа группы была не так сильно привязана к публикациям отчетов о своей деятельности, а сосредотачивалась на ознакомлении граждан Сербии с Россией, то возрос бы интерес как к стране, так и к самому Русскому дому.

В освещаемых сюжетах полностью отсутствует информация о проводимых научных конференциях, многочисленных экспертных встречах с участием представителей России. Наконец, о мероприятиях представителей общины и аффилированных с Россией компаний. В сумме, несмотря на высокую фактическую активность, эффективность мероприятий оценить крайне сложно. Очевидно, что их количество не складывается в общую систему продвижения России и в самой Сербии, и в регионе.

Выводы и рекомендации

Первая треть предыдущего столетия ознаменовалась “русским взлетом”, заложившим основы общего непоколебимо позитивного отношения сербской нации к России. Югославский период оставил в сознании советских людей миф о зажиточ-

ной южнославянской стране и почти “настоящей загранице”. Соответственно трагический распад Югославии, совпавший по времени и отчасти явившийся следствием крушения советской социалистической системы, был воспринят россиянами крайне эмоционально. Зачастую как пример того, что “мог сделать” Запад с их собственной родиной, и поэтому создал особую интимную атмосферу в диалоге российского и сербского народов и политических элит.

С начала же XXI века при общей интенсификации российского присутствия в регионе, роль и диаспоры, и культурно-научных связей сводится к минимуму. Российскую диаспору в качестве самостоятельного и консолидированного актора выделить невозможно. Официальные российские представительства, судя по их деятельности, сводят задачи своего присутствия в регионе в сфере межкультурного взаимодействия практически строго к поддержанию минимальных связей с русскоговорящими гражданами в Сербии и постольку-поскольку – к наращиванию “мягкой силы” России в Республике. Таким образом, к настоящему моменту при блестящей исторической базе и религиозно-культурологической близости российского и сербского народов сложилась опасная ситуация, грозящая России вытеснением из региона в среднесрочной перспективе. Это связано с тем, что другие международные игроки, в частности ЕС, Китай и Турция а) имеют больше возможностей (экономических, военно-политических, информационного продвижения), б) выстраивают балканское направление своей внешней политики на порядок более последовательно и системно, в) целенаправленно действуют против России либо лишь отностительно заинтересованы в её несомненном присутствии.

Поэтому в рамках существующей внешней политики, роль России на Балканах может снизиться до минимума. Основной инициативой со стороны Москвы должна стать разработка общей концепции культурного продвижения России в мире, где Балканы в общем и Сербия в частности могли бы занять отдельное место. Одним из элементов данной стратегии должен стать канал российской диаспоры, которая, как и прежде, покидая Россию по самым разным основаниям, продолжает связывать себя и собственную идентичность с Родиной. В силу исторических особенностей взаимоотношений двух стран выходцами из России на Балканах факт принадлежности к российской нации обычно не просто не скрывается, но и является предметом особой гордости. Их профессионализм, знания, особенно в современных областях крайне востребованы среди сербского населения. У сербской молодёжи, в целом ориентированной на Запад и находящейся в определённом “информационном вакууме” относительно того, что происходит к Востоку от их границ, существует запрос на “новую Россию”, с новым набором кумиров и сувениров. Культура современной России, классические театр, искусство, разработки в сфере традиционной медицины, высокий уровень научных и экспертных кадров при должной систематизации уже имеющихся усилий в данных направлениях и выстраивании концепции по интеграции новых способны обеспечить платформу для системного политического и экономического присутствия России в регионе.

Список литературы

- Арсеньев А.Б., Кириллова О.Л. (1996) Русская эмиграция в Югославии. – М.: Индик.
Макиавелли Н. (1990) Государь. - М.: Планета.
Официальная страница Российского центра науки и культуры в Белграде на Facebook. Режим доступа: <https://www.facebook.com/ruskidombeograd/>

- Российско-сербские отношения. Досье // ИТАР-ТАСС. Режим доступа: <http://tass.ru/info/1588513>
Россия и русские в Сербии // Сайт Русская беседа. Режим доступа:
<http://forum.rusbeseda.org/index.php?topic=5160.0;wap2>
Русский дом. Российский центр науки и культуры в Сербии. Режим доступа:
<https://ruskidom.rs/ru/события/программа-мероприятий/>
Русский некрополь в Белграде: Символ исторической дружбы (2014) / Под ред. М. Радоевич и М. Кович. – Белград.
Сербы по-прежнему относятся к России лучше, чем к Евросоюзу // РИА Федеральное агентство новостей. Режим доступа: <https://riafan.ru/188413-serbyi-po-prezhnemu-otnosyatsya-k-rossii-luchshe-chem-k-evrosoyuzu>
Танин С.Ю. (2010) Русский Белград. - М.: Вече.
Srbija je Rusima obećana zemlja // Сайт Vecrnje novosti. Режим доступа:
<http://www.novosti.rs/vesti/naslovna/drustvo/aktuelno.290.html:536236-Srbija-je-Rusima-obecana-zemlja>
The SoftPower30 // USC Center on Public Diplomacy. Режим доступа: <https://softpower30.com/>

References

- Arsen'ev A.B., Kirillova O.L. (1996) Russkaya eh migraciya v Yugoslavii. – М.: Indrik.
Makiavelli N. (1990) Gosudar'. - М.: Planeta.
Official'naya stranica Rossijskogo centra nauki i kul'tury v Belgrade na Facebook. Available at:
<https://www.facebook.com/ruskidombelgrad/>
Rossijsko-serbskie otnosheniya. Dos'e // ИТАР-ТАСС. Available at: <http://tass.ru/info/1588513>
Rossiya i russkie v Serbii // Sajt Russkaya beseda. Available at:
<http://forum.rusbeseda.org/index.php?topic=5160.0;wap2>
Russkij dom. Rossijskij centr nauki i kul'tury v Serbii. Available at:
<https://ruskidom.rs/ru/события/программа-мероприятий/>
Russkij nekropol' v Belgrade: Simvol istoricheskoy druzhby (2014) / Pod red. M. Radoevich i M. Kovich.
– Belgrad.
Serby po-prezhnemu odnosyatsya k Rossii luchshe, chem k Evrosoyuzu // RIA Federal'noe agentstvo novostej. Available at: <https://riafan.ru/188413-serbyi-po-prezhnemu-otnosyatsya-k-rossii-luchshe-chem-k-evrosoyuzu>
Tanin S.Y. (2010) Russkij Belgrad. - М.: Vechе.
Srbija je Rusima obećana zemlja // Sajt Vecrnje novosti. Available at:
<http://www.novosti.rs/vesti/naslovna/drustvo/aktuelno.290.html:536236-Srbija-je-Rusima-obecana-zemlja>
The SoftPower30 // USC Center on Public Diplomacy. Available at: <https://softpower30.com/>

The role of the Diaspora in the formation and the development of Russia's “soft power ” in modern Serbia

Authors: Entina E., PhD in Political Science, Associate Professor at National Research University Higher School of Economics, Senior Research Fellow at Institute of Europe RAS. **E-mail:** e.entina@hse.ru

Smirnova A., student, National Research University “Higher School of Economics”. **E-mail:** annnnn.smirnova@gmail.com

Abstract. Despite the apparent strengthening of trends towards the return of concepts of neorealism in international relations in the modern realities, the world's leading forces (USA, China, India, EU) are seriously concerned about the transformation of their own concepts of “soft power” and the increase in the attractiveness of their countries in different regions. Russia should not be an exception. Not only the foreign policy achievements of recent years, but also the isolation imposed on Russia by Western countries requires rethinking of the foundations of the cultural positioning of the country in the world. The Balkans and particularly Serbia are the traditional Russian sphere of influence. The Russian Diaspora has made a huge contribution to the formation and development of the Serbian state in the 20th century. The article analyzes what and how was implemented by the Russian Diaspora and also its current state. Recommendations are given on how to systematize Russian cultural activities in this region in the context of anti-Russian propaganda in Europe.

Key words: Russia, Serbia, soft power, intercultural interaction.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520184959>

УДК 3278

Игорь КРЮЧКОВ

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА ЧЕШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ С АЗЕРБАЙДЖАНОМ

Аннотация. В последние годы государства Центрально-Восточной Европы развивают сотрудничество со странами Южного Кавказа. Наибольших успехов в данном процессе достигли Чехия и Азербайджан. Данная проблематика не нашла широкого отражения в российской и отчасти в зарубежной политологии. Поэтому целью представленного материала является исследование динамики развития взаимоотношений Чехии с Азербайджаном в начале XXI в. В статье с помощью статистического и компаративного методов проводится анализ сотрудничества двух стран в политической и экономической сфере. В результате автор приходит к выводу, что Чехия занимает лидирующие позиции среди государств Центрально-Восточной Европы в развитии сотрудничества с Азербайджаном и Южным Кавказом в целом. Налаживание политического диалога между Прагой и Баку стимулирует расширение связей между ними в различных сферах. Прагматизм отодвигает на второй план проблему соблюдения прав человека в Азербайджане, периодически поднимаемую различными политическими силами в Чехии. Стороны заинтересованы в решении проблемы Нагорного Карабаха, развитии сотрудничества Азербайджана с ЕС, в расширении взаимной торговли. Баку проявляет интерес к чешским инвестициям и технологиям, а Прага нуждается в азербайджанских энергоносителях для ослабления своей зависимости от России.

Ключевые слова: Чехия, Азербайджан, Европейский Союз, нефть, внешняя торговля, “Восточное партнёрство”, инвестиции.

Введение

В условиях глобализации, ведущие акторы мировой политики определяют общий фон взаимоотношений между государствами в начале XXI в., формируя правила игры и создавая новые формы взаимодействия. Многие регионы, включая Южный Кавказ и Центрально-Восточную Европу, становятся объектом их при-

© **Крючков Игорь Владимирович** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета. **Адрес:** 355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина 1, Корпус 20, ауд. 417. **E-mail:** igory5@yandex.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520186070>

стального внимания. В данных условиях государства Южного Кавказа и Центрально-Восточной Европы стремятся найти собственную нишу в современных международных отношениях, тем более в условиях обострения отношений между основными акторами мировой политики (ЕС, России, США, Китай).

Контакты Чехии с Азербайджаном имеют исторические предпосылки. Чешские учителя, инженеры, инвесторы сыграли определённую роль в развитии Баку и его нефтяной промышленности в последней трети XIX – начале XX вв. В период существования СЭВ Азербайджан налаживал сотрудничество с Чехословакией. Становление взаимоотношений Азербайджана и Чехии после развала СССР начинается с 8 января 1992 г., когда Прага признала независимость Азербайджана, через год страны установили дипломатические отношения. 24 ноября 1995 г. Чехия и Азербайджан заключают первое соглашение о сотрудничестве в области торговли и экономики [Мамед-Заде, 2006: 115].

Азербайджан стремится выстраивать тесные контакты с государствами Центрально-Восточной Европы, используя собственный экономический потенциал. Он значительно опережает Грузию и Армению во внешней торговле с данным регионом ЕС. Из всех государств Центрально-Восточной Европы Чехия становится крупнейшим инвестором и внешнеэкономическим партнёром Азербайджана.

Новый этап в отношениях Чехии и ЕС с Азербайджаном наступает в 2008 г., с обострением ситуации на Южном Кавказе. ЕС принимает решение о необходимости активизации политики в регионе. Государства ЕС с помощью развития всестороннего сотрудничества со странами Южного Кавказа предпринимают меры по стабилизации ситуации в регионе и укреплению в нем собственных геополитических позиций [Гусейнов, 2010: 47]. Одновременно пример Чехии и Азербайджана позволяет проследить развитие прямых связей региональных лидеров, помимо их сотрудничества в рамках общей политики Брюсселя на Южном Кавказе.

В российских исследованиях основные направления внешней политика Азербайджана нашла отражение в работах Колисниченко М.А., Чернявского С.И., Алиева Н.О. и др. Ряд авторов особо выделяют проблемы взаимоотношений Азербайджана с ЕС, в том числе в области энергетической безопасности (Пашковская И.Г., Шабельникова О.В.). Среди азербайджанских авторов, рассматривающих основные направления внешней политики Азербайджана следует отметить работы Гасанова А., Аббасбейли А., Шакирзаде Н., Самедова А. Большое внимание перспективам развития контактов Азербайджана с ЕС уделяет Гусейнов Ф. Впервые сотрудничество Азербайджана со странами СНГ и Восточной Европой, в том числе Чехией, рассматривает Мамед-заде Н.С. Среди зарубежных авторов, поднимающих проблемы безопасности на Южном Кавказе в контексте развития внешней политики Азербайджана необходимо выделить исследования Гольца Т., Моргана Д., Джейсона Е., Херцог З. Внешняя политика Чехии отражена в работах Кузнецовой З.Н., Тамарчиной Н.А. и др. Взаимоотношения Чехии и Азербайджана пока не стали предметом отдельных исследований. Некоторые аспекты данной проблематики (помощь стран Вишеградской группы государствам Южного Кавказа в рамках программы “Восточное партнёрство”) нашли отражение в работах Котулевич-Вишиньской К. Специфическая тема военного сотрудничества Чехии и Азербайджана поднимается в исследовании Ниязова Н.С.

Политические контакты Чехии с Азербайджаном

Политические связи Азербайджана с Чехией представляют исследовательский интерес с точки зрения выстраивания отношений ЕС с государствами Южного Кавказа, с использованием потенциала своих “периферийных членов”. Кроме этого, следует признать, что традиционно Южный Кавказ и Центрально-Восточная Европа входят в сферу особых интересов внешней политики России. Поэтому Москве необходимо пристально отслеживать расширение политического и экономического сотрудничества Южного Кавказа и Центрально-Восточной Европы, в том числе в энергетической сфере.

После 1993 г. Азербайджан выстраивает отдельное центрально-европейское направление во внешней политике, включая налаживание контактов с Чехией [Гасанов, 2007: 417]. “Концепция национальной безопасности Азербайджанской Республики” от 23 мая 2007 г. к приоритетным регионам, с которыми Баку планирует развивать экономическое и политическое сотрудничество относит Восточную и Центральную Европу [Концепция, 2007].

Особое место Прага и ЕС отводили контактам с Азербайджаном в рамках программы “Восточное партнёрство” и проекта расширения сотрудничества с государствами, входящими в ГУАМ. Неслучайно в апреле 2012 г. на встрече президента Чехии В. Клауса и президента Азербайджана И. Алиева обе стороны подчёркивали важность активизации программы “Восточное партнёрство” и предания ей нового дыхания [Кукол, 2012].

Среди стран Вишеградской группы Чехия и Польша выделяли значительные средства на оказание помощи странам, вошедшим в программу “Восточное партнёрство”. С 2009 по 2014 г. Чехия предоставляет на финансирование проектов в данных государствах 83,07 млн долларов. Правда, из них Азербайджан получил меньше всего – 660 тыс. долларов, или 0,79% [Котулевич-Вишиньска, 2016: 77].

Постепенно в Баку нарастает разочарование по поводу участия в программе “Восточное партнёрство”. Неурегулированность конфликта с Арменией, нахождение за рамками ВТО не позволяли стране участвовать в многосторонних проектах, предусмотренных программой. В 2013 г. Азербайджан заявил о желании заключить отдельное соглашение о стратегическом партнёрстве с ЕС [Шабельникова, 2015: 115]. В 2015 г. Азербайджан не стал подписывать соглашение об ассоциации с ЕС, ещё раз подчеркнув о необходимости развития партнёрских отношений ЕС с Азербайджаном. С этого момента контакты Баку и ЕС в рамках “Восточного партнёрства” фактически замораживаются. Прага в целом с пониманием отнеслась к позиции Азербайджана в данном вопросе.

Важным фактором, определяющим контакты Азербайджана с другими государствами, является их отношение к конфликту в Нагорном Карабахе [Колисниченко, 2011: 65–66]. Прага официально подчёркивает приверженность принципу территориальной целостности Азербайджана, в то же время она не приемлет силовые методы решения конфликта. В 2002 и 2005 гг. чешская столица выступала в качестве места для проведения переговоров между Арменией и Азербайджаном. В 2016 г.

президент Чехии М. Земан вновь предложил сторонам встретиться в Праге для возобновления переговоров.

Азербайджан внимательно отслеживает информацию о возможных контактах чешских граждан и компаний с Нагорным Карабахом, применяя против них различные санкции. В конце 2017 г. власти страны запретили деятельность на её территории чешской платежной системе MoneyPolo. Она обвиняется в нарушении международно-правовых норм и принципа территориальной целостности Азербайджана после появления в Баку информации о её деятельности на территории Нагорного Карабаха [Кашапов, 2017b].

Тесные связи Чехии и Азербайджана не мешают чешским правозащитникам постоянно обвинять Баку в нарушении прав человека. Политику Праги по отношению к Азербайджану критикует и азербайджанская оппозиция, находящаяся в эмиграции, в частности Э. Маммадли и азербайджанский Центр мониторинга выборов и обучения демократии [Вашкова, 2014].

В марте 2013 г. разразился скандал по поводу высказываний министра иностранных дел Чехии К. Шварценберга на вручении премии организации “Человек в беде” азербайджанскому правозащитнику И. Алиеву, где чешский политик подверг критике официальные власти Азербайджана из-за несоблюдения прав человека, а сложившийся в стране режим он назвал “семейной диктатурой”. Баку резкоотреагировал на эти высказывания. Более того, в Азербайджане под сомнение ставится целесообразность дальнейшего сотрудничества двух стран в области экономики. Президент М. Земан осудил действия К. Шварценберга и для нормализации отношений встретился 6 июня 2013 г. с послом Азербайджана в Праге Т. Тагизаде [Чеканова, 2013]. Прага и Баку не были заинтересованы в дальнейшем обострении ситуации, поэтому конфликт быстро улаживается. К тому же 10 июля 2013 г. К. Шварценберг оставляет пост министра иностранных дел.

С 2008 г. обе стороны ежегодно проводят регулярные встречи на уровне глав государств, правительств, парламентов или отдельных министров в Баку, Праге или во время многосторонних международных форумов. С 2008 г. по май 2013 г. состоялось 13 таких мероприятий. В мае 2009 г. и в апреле 2012 г. президент И. Алиев посещал Прагу [Посольство Чешской Республики...]. В мае 2011 г. состоялась встреча президентов В. Клауса и И. Алиева в Баку. В феврале 2014 г. в Сочи прошли переговоры президента М. Земана и И. Алиева. В сентябре 2015 г. состоялся визит М. Земана в Баку, где стороны вели активные переговоры об экономическом и политическом сотрудничестве, причём чешская сторона опустила из повестки дня болезненную тему соблюдения прав человека в Азербайджане. Во время визита 15 сентября 2015 г. подписывается Декларация о стратегическом партнёрстве Азербайджана и Чехии [Васинкевич, 2015].

В 2016–2017 гг. стороны продолжили консультации на высшем уровне. В марте 2016 г. азербайджанскую столицу посетила представительная делегация во главе с председателем палаты депутатов парламента Чехии Я. Хамачеком [Президент Азербайджана...]. В апреле 2016 г. во время визита премьер-министра Чехии Б. Сobotки в Баку чешский политик признал, что Азербайджан является ключевым партнёром Чехии на Южном Кавказе [Ильхам Алиевым провел переговоры...]. В сентябре 2016 г. и в январе 2017 г. в Баку приезжали делегации во главе с министром про-

мышленности и торговли Чехии. В июне 2018 г. Прагу посетила делегация во главе с председателем Конституционного суда Азербайджана Ф. Абдуллаевым, в октябре 2018 г. в Чехию приезжает министр обороны Азербайджана З. Гасанов и т.д.

Экономическое сотрудничество Чехии с Азербайджаном

Примерно 80% ВВП Чехии приходится на экспорт, страна заинтересована в дальнейшем расширении внешней торговли. Экономический кризис 2008 г. заставил Прагу обратить внимание на необходимость развития отношений с государствами постсоветского пространства. После обострения отношений России с Западом в 2014 г. и введения санкций против Москвы, чешская сторона берёт курс на расширение торговых связей с Белоруссией, Казахстаном и Азербайджаном, стремясь компенсировать потери чешских экспортёров. Эту позицию лоббировали министр промышленности и торговли Я. Младак и президент М. Земан.

В 2008 г. доля государств СНГ в экспорте Чехии в сравнении с предыдущим годом увеличилась с 3,7% до 4,3%, а в импорте – с 6,6% до 8,8% [Кузнецова, (2009): 370]. Однако несмотря на все усилия, эту задачу пока не удастся решить радикальным образом. В 2016 г. во внешней торговли Чехии на страны СНГ приходилось всего 3%, из них 2% на Россию, 0,5% Украину и 0,2% Азербайджан [Обзор состояния экономики..., 2017: 65].

Азербайджан является экономическим лидером на Южном Кавказе, его ВВП по паритету покупательной способности по данным МВФ в 2017 г. достиг 166,8 млрд долларов. Для сравнения: ВВП Грузии составил 39,3 млрд долларов, а Армении – 27,2 млрд долларов [International Monetary Fund]. Азербайджан имеет ёмкий внутренний рынок, численность населения страны в 2015 г. достигла 9 млн 730 тыс. человек, включая Нагорный Карабах (около 60% всего населения Южного Кавказа), в то время как Грузии – 3 млн 720 тыс. человек без учёта численности населения Абхазии и Южной Осетии (более 22 %), а Армении – 3 млн (около 18,2%) [Статистический комитет Республики Армения...; National Statistics Office of Georgia...; 2016-с1...]. Несмотря на кризис 2014–2016 гг. Азербайджан получает значительную прибыль от продажи нефти и газа. Поэтому более 80% торгового оборота Чехии с государствами Южного Кавказа занимает Азербайджан.

Интерес Праги к Азербайджану подогревался и её желанием найти новые источники нефти и газа для ослабления зависимости от России, особенно после запуска в строй в 2006 г. нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан и в 2007 г. газопровода Баку – Тбилиси – Эрзерум.

Азербайджанская сторона также стремится активизировать сотрудничество с чешской стороной в экономической сфере. Баку заинтересован в расширении поставок нефти, а впоследствии возможно и газа, Азербайджан создает благоприятные условия для привлечения инвестиций из Чехии. Баку важен чешский опыт в развитии курортного дела и туризма.

В январе 2017 г. на состоявшемся заседании постоянной чешско-азербайджанской межправительственной комиссии приняли участие представители 134 чешских компаний, это свидетельствует о дальнейшем нарастании интереса чешского бизнеса к Азербайджану.

Активное развитие экономического сотрудничества между двумя государствами отмечается в связи с началом поставок Азербайджаном нефти в Чехию, их осуществляет Госнефтекомпания Азербайджана (SOCAR). Данное обстоятельство ведет к увеличению объёмов торговли между двумя государствами. В 2005 г. товарооборот между ними достиг 14,9 млрд крон, а в 2010 г. увеличился до 24,8 млрд крон [Report on the Foreign Policy, 2010: 221]. В 2014 г. он превысил 41,4 млрд крон (1,5 млрд евро), экспорт из Чехии в Азербайджан составил 2,4 млрд крон, а импорт азербайджанских товаров 39 млрд крон [Туречкова, 2015]. По сравнению с 2013 г. товарооборот увеличился на 23%. Однако почти 80% взаимной торговли приходится на экспорт азербайджанской нефти. Почти треть необходимой нефти Чехия получает из Азербайджана. Чешские производители поставляют в Азербайджан широкий спектр товаров, включая техническое оборудование, автомобили, автобусы Iveco, стекольную продукцию, предметы гигиены и т.д.

В 2015 г. произошёл обвал взаимной торговли на 31% до 1,05 млрд евро. Это во многом связывается с падением цен на нефть и газ. В 2016 г. товарооборот между двумя государствами сокращается до 316,3 млн долларов (1,79% всего внешнеторгового оборота Азербайджана), в том числе экспорт товаров из Азербайджана падает до 214,4 млн долларов (2,34% всего экспорта), а импорт составил 101,9 млн долларов (1,19% всего импорта). Одной из причин падения товарооборота между странами явилась остановка работы в 2016 г. на пять месяцев нефтеперерабатывающего завода в Кралупи-над-Влтавоу, в основном потребляющего азербайджанскую нефть. По итогам 2017 г. ситуация несколько улучшается. Торговый оборот между странами достигает 664,5 млн долларов (2,94% от всего внешнеторгового оборота Азербайджана), в том числе азербайджанский экспорт 556,8 млн долларов (4,03%), а импорт из Чехии 107,7 млн долларов (1,23%) [Обзор экономики..., 2018: 47–48].

Баку и Прага постоянно подчёркивают необходимость диверсификации взаимной торговли, в том числе за счет возможных поставок в Чехию азербайджанского газа. Прага во время своего председательства в ЕС в 2009 г. активно лоббировала проект строительства газопровода “Набукко”. В мае 2009 г. президент И. Алиев посетил чешскую столицу в рамках участия в саммите “Восточное партнёрство”, где обсуждались и перспективы создания Южного газового коридора. В январе 2017 г. на встрече с И. Алиевым в Баку министр промышленности и торговли Чехии Я. Младек заявил о стратегической значимости Азербайджана для Чехии с точки зрения развития ее нефтегазового комплекса.

Важное место в экономических связях Праги с Баку занимает участие чешской стороны в реализации крупных инфраструктурных проектов на территории Азербайджана. В 2011 г. чешская компания Moravia Steelполучает большой контракт на реконструкцию 600 км азербайджанских железных дорог, его стоимость достигает 750 млн евро. Данный контракт застраховало “Экспортное и гарантийное общество” Чехии, а в качестве его кредитора выступил консорциум из шести чешских банков. После успешной реализации контракта в апреле 2017 г. стороны договорились о новом проекте, предполагающем реконструкцию 300 км железных дорог от Баку вдоль границы с Ираном. Проект планируется завершить в начале 2019 г. От реконструкции железных дорог Азербайджана прежде всего выиграл Тршинский металлургический комбинат, главный акционер Moravia Steel [Вашкова, 2017]. Кроме этого, Мо-

gavia Steel участвовала в строительстве железной дороги Баку – Тбилиси – Карс. Чешские банки, в частности “Экспортный банк”, финансировали данный проект наряду с другими зарубежными банками. Чешская строительная компания OHL ZS получила заказ на строительство высокоскоростных шоссе в Азербайджане, в том числе в сторону России. Для чего “Коммерческий банк” Чехии предоставил правительству Азербайджана кредит в 352 млн долларов. Всего банки Чехии выделили почти 1,8 млрд евро на реализацию различных проектов в Азербайджане. В начале 2017 г. чешские компании принимали участие в выполнении контрактов на 16 млрд долларов.

Новым направлением развития экономического сотрудничества между двумя странами становится организация производства на предприятиях Азербайджана продукции известных чешских фирм. В декабре 2017 г. представители компании “Татра” и Гянджинского автомобильного завода подписали соглашение о начале производства с 2018 г. различных моделей чешских автомобилей в Азербайджане [На Гянджинском автозаводе...]. Отдельным направлением сотрудничества двух государств является военная сфера.

Чешская сторона выступает в качестве одного из крупных инвесторов в экономику Азербайджана. На 1 января 2017 г. чешские компании вложили в народное хозяйство страны более 1,3 млрд долларов, особенно активно инвестиции наращивались в 2015–2016 гг. [Азербайджан и Чехия будут сотрудничать...]. После чего Чехия вошла в десятку ведущих иностранных инвесторов Азербайджана. Азербайджанские инвестиции в Чехии незначительны, они в основном вкладываются в недвижимость и в сферу услуг, и не превышают 2% всех иностранных инвестиций в чешскую экономику.

Большое место в развитии народного хозяйства Чехии занимает туризм. В условиях падения турпотока из России чешская сторона начала проявлять значительный интерес к возможности увеличения количества туристов из Азербайджана, в том числе с помощью организации регулярных и чартерных авиарейсов, соединяющих Чехию с Азербайджаном. В июле 2017 г. чешский посол в Баку В. Пивонька заявил о возможности заключения между двумя государствами соглашения в области здравоохранения, предполагающего сотрудничество в сфере развития курортов [Кашапов, 2017a]. Азербайджан заинтересован в использовании чешского опыта при модернизации собственной туристкой индустрии и курортов. Чешская сторона принимает участие в поставках оборудования для модернизации санаториев в Азербайджане.

В апреле 2016 г. в Баку открывается один из крупнейших в городе торговых центров Ganjlik Mall, спроектированный чешским филиалом Charpan Taylor. Чешская фирма Lasvit поставляла люстры при оформлении торгового центра. Торговый центр становится одним из символов набирающего силу сотрудничества Азербайджана и Чехии в области экономики.

Показателем заинтересованности чешской стороны в развитии экономического сотрудничества с Азербайджаном является открытие в Баку в 2014 г. офиса Государственного агентства для поддержки экспорта из Чешской Республики (Czech Trade). За три года деятельности в офис за помощью обратилось около 400 чешских компаний, он оказывает содействие и азербайджанским предпринимателям при поиске партнёров в Чехии.

Выводы

Таким образом, Чехия и Азербайджан активизировали сотрудничество с 2008 г. по всем направлениям. Стороны стремятся взаимодействовать как на двухстороннем уровне, так и в рамках сотрудничества Азербайджана с ЕС. Наибольший интерес у Праги вызывает возможность получения энергоносителей из Азербайджана для ослабления зависимости от России и реализация крупных инфраструктурных проектов в прикаспийском государстве. Завершение строительства нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан позволило Чехии стать одним из крупнейших потребителей азербайджанской нефти. В то же время в Чехии вызывает озабоченность значительный диспаритет во взаимной торговле. Прага стремится увеличить экспорт своей продукции в Азербайджан. Однако этот процесс сопряжён с решением ряда серьёзных проблем. Во-первых, основные чешские экспортные товары либо не востребованы в Азербайджане, либо эту нишу уже заняли конкуренты. Во-вторых, после падения цен на нефть в 2014–2016 гг. упала покупательная способность населения в Азербайджане и финансовые возможности его правительства. В долгосрочной перспективе экономические отношения между двумя странами будут стабильными, несмотря на временные трудности.

Вопрос о соблюдении прав человека в Азербайджане не является определяющим в диалоге между государствами, так как Прага ориентирована на поддержание устойчивых отношений с Баку.

Большие перспективы открываются перед сторонами в развитии связей в области туризма. Азербайджан очень заинтересован в модернизации индустрии туризма и курортов, где востребованным может оказаться чешский опыт и инвестиции.

Главным залогом стабильности в чешско-азербайджанских взаимоотношениях является желание сторон сохранять прагматичные и обоюдовыгодные отношения, а также поддержка Прагой принципа территориальной целостности Азербайджана.

Список литературы

- Азербайджан и Чехия будут сотрудничать в сельском хозяйстве, *Вестник Кавказа*. 3 марта 2014. URL: <http://vestikavkaza.ru/news/Azerbaijdhan-i-CHekhiya-budut-sotrudnichat-v-selskom-khozyaystve.html> (дата обращения: 20.01.2018).
- Васинкевич, О. (2015) Президент Милош Земан умолчал в Азербайджане о правах человека, *Czech Radio*. 16.09.2015. URL: <http://www.radio.cz/ru/rubrika/radiogazeta/prezident-milosh-zeman-v-azerbajdzhane-umolchal-o-pravax-cheloveka> (дата обращения: 20.01.2018).
- Вашкова, Л. (2017) Тршинец отремонтирует 300 км. пути на ж/д Азербайджана, *Czech Radio*. 10.04.2017. URL: <http://www.radio.cz/ru/rubrika/ekonomika/trshinec-otremontiruet-300-km-puti-na-zhd-v-azerbajdzhane> (дата обращения: 20.01.2018).
- Вашкова Л. (2014) Эмин Маммадли: прискорбно, что ЧР поддерживает Баку, *Czech Radio*. 1.10.2014. URL: <http://www.radio.cz/ru/rubrika/novosti/emin-mammadli-priskorbno-cto-chr-podderzhivaet-baku> (дата обращения: 20.01.2018).
- Гасанов, А. (2007) Современные международные отношения и внешняя политика Азербайджана. Баку.
- Гусейнов Ф., (2010) Азербайджан в геополитической стратегии Европейского Союза, *Кавказ и глобализация*. Т.4. Вып. 3–4.

Ильхам Алиев провел переговоры с Богуславом Сobotкой, *Вестник Кавказа*. 2 апреля 2016. URL: <http://vestikavkaza.ru/news/Ilkham-Aliev-provel-peregovory-s-Boguslavom-Sobotkoy.html> (дата обращения: 25.01.2018).

Кашапов, Т. (2017a) Витезслав Пивонька: Чехия заинтересована в сотрудничестве со странами ГУАМ, *Czech Radio*. 20.07.2017. URL: <http://www.radio.cz/ru/rubrika/novosti/vitezslav-pivonka-chexiya-zainteresovana-v-sotrudnichestve-so-stranami-guam> (дата обращения: 25.01.2018).

Кашапов, Т. (2017b) Мoneypolo запрещена в Азербайджане, *Czech Radio*. 28.12.2017. URL: <http://www.radio.cz/ru/rubrika/novosti/moneypolo-zapreshchena-v-azerbajdzhan> (дата обращения: 25.01.2018).

Кузнецова, З.Н. (2009) Чешская Республика/Центральная и Юго-Восточная Европа – 2008: испытание мировым кризисом. Отв. ред. Н.В. Кулакова. М.: Институт экономики РАН.

Котулевич-Вишиньска, К. (2016) Вишеградская помощь странам “Восточного партнёрства”, *Современная Европа*. 2016. №6.

Колисниченко, М.А. (2011) Азербайджан в системе международных отношений, *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета*. Серия 6: Политология. Международные отношения. Вып.3.

Концепция (2007), Концепция национальной безопасности Азербайджанской Республики от 23 мая 2007 г. // <http://miqrasiya.nakhchivan.az/ru/images/stories/Serencam/6ru.pdf> (дата обращения: 1.02.2018).

Кукол, Л. (2012) Клаус и Алиев за реанимацию программы ЕС “Восточное партнёрство”, *Czech Radio*. 5. 04. 2012. URL: <http://www.radio.cz/ru/rubrika/novosti/klaus-i-aliev-za-reanimaciyu-programmy-es-vostochnoe-prostranstvo> (дата обращения: 25.01.2018).

Мамед-заде, Н.С. (2006) Взаимоотношения Азербайджанской Республики со славянскими странами СНГ и Восточной Европы. Баку: Ганун.

На Ганджинском автозаводе будут выпускать чешские грузовики “Tatra”, *Вестник Кавказа*. 19 декабря 2017 г. URL: <http://vestikavkaza.ru/news/Na-Gyandzhinskom-avtozavode-budut-vypuskat-cheshskie-gruzoviki-Tatra.html> (дата обращения: 30.01.2018).

Обор состояния экономики и основные направления внешнеэкономической деятельности Чехии в 2016 г. Прага, 2017.

Обзор экономики Азербайджанской Республики за 2017 г. Баку, 2018.

Пашковская, И.Г. (2009) Европейский Союз: энергетическая политика в отношении новых независимых государств. Аналитические доклады Центра международных исследований МГИМО (У) МИД России. Вып. 1 (22). Июль.

Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев // <https://ru.president.az/articles/18105> (дата обращения 3.02.2018).

Посольство Чешской Республики в Баку // https://www.mzv.cz/baku/ru/x2009_10_23_3/x2013_01_21/index.html (дата обращения 3.02.2018).

Статистический комитет Республики Армения // <https://www.armstat.am/ru/?nid=12&id=11001>

Турчкова, Э. (2015) Земан летит в Азербайджан, *Czech Radio*. 14.09. 2015. URL: <http://www.radio.cz/ru/rubrika/novosti/zeman-letit-v-azerbajdzhan> (дата обращения 30.01.2018).

Чеканова, А. (2013) Президент Земан осудил слова главы МИДа о “семейной диктатуре” в Азербайджане, *Czech Radio*. 6.06. 2013. URL: <http://www.radio.cz/ru/rubrika/novosti/prezident-zeman-osudil-slova-glavy-mida-o-semejnoj-diktature-v-azerbajdzhan> (дата обращения: 30.01.2018).

Чешский бизнес заинтересован в продолжении сотрудничества с Баку. Интервью посла Чехии в Баку. URL: <https://ru.sputnik.az/economy/20170724/411201778/posol-chehii-azerbajdzhan-sovmestnyj-biznes.html> (дата обращения: 6.02.2018).

Шабельникова, О.В. (2015) Основные приоритеты внешней политики Азербайджанской Республики 1991–2015 гг., *Внешняя политика новых независимых государств*. М.

Шабельникова, О.В. (2012). Участие Азербайджанской Республики в Европейской политике сотрудничества, *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. №4.

References

Azerbaidzhan i Chekhiya budut sotrudnichat' v sel'skom khozyaistve, *Vestnik Kavkaza*. 3 marta 2014. URL: <http://vestikavkaza.ru/news/Azerbajdzhan-i-Chekhiya-budut-sotrudnichat-v-selskom-khozyaistve.html> (accessed: 20.01.2018).

Vasinkevich, O. (2015) Prezident Milosh Zeman umolchal v Azerbajdzhanе o pravakh cheloveka, *Czech Radio*. 16.09.2015. URL: <http://www.radio.cz/ru/rubrika/radiogazeta/prezident-milosh-zeman-v-azerbajdzhanе-umolchal-o-pravax-cheloveka> (accessed: 20.01.2018).

Vashkova, L. (2017) Trshinets otremontiruet 300 km. puti na zh/d Azerbajdzhana, *Czech Radio*. 10.04.2017. URL: <http://www.radio.cz/ru/rubrika/ekonomika/trshinets-otremontiruet-300-km-puti-na-zhd-v-azerbajdzhanе> (accessed: 20.01.2018).

Vashkova, L. (2014) Emin Mammadli: priskorbno, chto ChR podderzhivaet Baku, *Czech Radio*. 1.10.2014. URL: <http://www.radio.cz/ru/rubrika/novosti/emин-mammadli-priskorbno-chto-chr-podderzhivaet-baku> (accessed: 20.01.2018).

Gasanov, A. (2007) Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya i vneshnjaja politika Azerbajdzhana. Baku.

Gusejnov F., (2010) Azerbajdzhan v geopoliticheskoy strategii Evropejskogo Sojuza, *Kavkaz i globalizacija*. Vol.4. Issue. 3–4.

Il'kham Aliev provel peregovory s Boguslavom Sobotkoi, *Vestnik Kavkaza*. 2.04.2016. URL: <http://vestikavkaza.ru/news/Ilkham-Aliev-provel-peregovory-s-Boguslavom-Sobotkoy.html> (accessed: 20.01.2018).

Kashapov, T. (2017a) Vitezslav Pivon'ka: Chekhiya zainteresovana v sotrudnichestve so stranami GUAM, *Czech Radio*. 20.07.2017. URL: <http://www.radio.cz/ru/rubrika/novosti/vitezslav-pivonka-chexiya-zainteresovana-v-sotrudnichestve-so-stranami-guam> (accessed: 20.01.2018).

Kashapov, T. (2017b) Money polo zapreshchena v Azerbajdzhanе, *Czech Radio*. 28.12.2017. URL: <http://www.radio.cz/ru/rubrika/novosti/moneypolo-zapreshchena-v-azerbajdzhanе> (accessed: 20.01.2018).

Kolisnichenko, M.A. (2011) Azerbajdzhan v sisteme mezhdunarodnyh otnoshenij, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. Series6: Politologija. Mezhdunarodnye otnosheniya. Issue.3.

Kontseptciia (2007), Kontseptciia natsionalnoi bezopasnosti Azerbajdzhanskoj Respubliki ot 23 maia 2007 g. URL: <http://miqrasiya.nakhchivan.az/ru/images/stories/Serencam/6ru.pdf> (Accessed: 1.02.2018).

Kotulevich-Vishin'ska, K. (2016) Vishegradskaya pomoshch' stranam "Vostochnogo partnerstva", *Sovremennaya Evropa*. 2016. №6.

Kuznecova, Z.N. (2009) Cheshskaja Respublika/Central'naja i Jugo-Vostochnaja Evropa – 2008: ispytanie mirovym krizisom. Executive editor N.V.Kulakova. Moscow: Institute of Economics, RAS.

Kukol, L. (2012) Klaus i Aliev za reanimatsiyu programmy ES "Vostochnoe partnerstvo", *Czech Radio*. 5.04.2012. URL: <http://www.radio.cz/ru/rubrika/novosti/klaus-i-aliev-za-reanimatsiyu-programmy-es-vostochnoe-prostranstvo> (accessed: 20.01.2018).

Mamed-zade, N.S. (2006) Vzaimootnosheniya Azerbajdzhanskoj Respubliki so slavyanskimi stranami SNG i Vostochnoj Evropy. Baku.

Na Gandzhinskom avtozavode budut vypuskat' cheshskie gruzoviki "Tatra", *Vestnik Kavkaza*. 19.12.2017 g. URL: <http://vestikavkaza.ru/news/Na-Gyandzhinskom-avtozavode-budut-vypuskat-cheshskie-gruzoviki-Tatra.html> (accessed: 30.01.2018).

Obor sostoyaniya ekonomiki i osnovnye napravleniya vneshneekonomicheskoi deyatel'nosti Chekhii v 2016 g. Prague: Economic Institute of RAS, 2017.

Obzor ekonomiki Azerbajdzhanskoj Respubliki za 2017 g. Baku, 2018.

Pashkovskaja, I.G. (2009) Evropejskij Sojuz: jenergeticheskaja politika v otnoshenii novyh nezavisimyh gosudarstv. Analiticheskie doklady Centra mezhdunarodnyh issledovanij MGIMO (U) MID Rossii. Issue. 1 (22). Ijul'.

Prezident Azerbajdzhanskoj Respubliki Ilkham Aliev URL: <https://ru.president.az/articles/18105> (Accessed: 3.02.2018).

Posolstvo Cheshskoi Respubliki v Baku URL:

https://www.mzv.cz/baku/ru/x2009_10_23_3/x2013_01_21/index.html (Accessed: 3.02.2018).

Sakhvadze, A.Sh. (2017) Etnodemograficheskii balansna Yuzhnom Kavkaze, *Demoskop Weekly*. 2017. No. 723 – 724. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0723/tema01.php>

Turechkova, E. (2015) Zeman letit v Azerbajdzhan, *Czech Radio*. 14.09.2015. URL: <http://www.radio.cz/ru/rubrika/novosti/zeman-letit-v-azerbajdzhan> (accessed: 30.01.2018).

Chekanova, A. (2013) Prezident Zeman osudil slova glavy MIDa o "semeinoj diktature" v Azerbajdzhanе, *Czech Radio*. 6.06.2013. URL: <http://www.radio.cz/ru/rubrika/novosti/prezident-zeman-osudil-slova-glavy-mida-o-semejnoj-diktature-v-azerbajdzhanе> (accessed: 30.01.2018).

Cheshskii biznes zainteresovan v prodolzhenii sotrudnichestva s Baku. Interv'yu posla Chekhii v Baku. URL: <https://ru.sputnik.az/economy/20170724/411201778/posol-chehii-azerbajdzhan-sovmestnyj-biznes.html> (accessed: 6.02.2018).

Shabel'nikova, O.V. (2015) Osnovnye priority vneshnej politiki Azerbajdzhanskoj Respubliki 1991–2015 gg., Vneshnjaja politika novyh nezavisimyh gosudarstv. Moscow.

Shabel'nikova, O.V. (2012). Uchastie Azerbajdzhanskoj Respubliki v Evropejskoj politike sotrudnichestva, *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov*. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija. No. 4.

CzechTrade. URL: <http://www.czechtradeoffices.com/ru/az> (accessed: 6.02.2018).

International Monetary Fund Report for Selected Countries and Subjects. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2017/02/weodata/weorept.aspx?> (accessed: 6.02.2018).

National Statistics Office of Georgia http://www.geostat.ge/index.php?action=page&p_id=473&lang=eng

Report on the Foreign Policy of the Czech Republic. 2010. Prague: Ministry of Foreign Affairs of Czech Republic, 2011.

2016-cı ilin yanvar-aprel aylarında ölkənin iqtisadi və sosial inkişafının makroiqtisadi göstəriciləri/<https://www.stat.gov.az/news/?id=3233>

Main Areas of Collaboration Between the Czech Republic and Azerbaijan

Author: Kryuchkov I., Doctor of Sciences of History, Professor, head of the Department of foreign history, political science and international relations, North Caucasus Federal University. **Address:** 417 aud, 20 korp., 1, Pushkina Street, Stavropol, 355009. **E-mail:** igory5@yandex.ru

Abstract. In recent years the states of Central and Eastern Europe have been developing collaboration with the states of the South Caucasus. The greatest success has been achieved by the Czech Republic and Azerbaijan. The topic has not been examined thoroughly in Russian and foreign Political Science. Therefore, the purpose of the given paper is to study the dynamics of the development of relationships between the Czech Republic and Azerbaijan in the early XX-th century. The author uses statistical and comparative methodologies with the aim of analyzing the political and economic collaboration of the two states. The conclusion is made that the Czech Republic holds the leading position among the states of Central and Eastern Europe in the development of collaboration with Azerbaijan and the whole region of the South Caucasus. The building of political dialogue between Prague and Baku boosts the *enhancement of* relationships in various areas. Pragmatic approach overshadows human rights issue in Azerbaijan, which is occasionally brought up by some political groups in the Czech Republic. Both parts take an interest in resolution of the Nagorno-Karabakh conflict, in expanded collaboration of Azerbaijan and the EU as a well as expanded bilateral trade links. Baku has an interest in Czech investments and technologies whereas Prague needs Azerbaijan energy resources in order to lessen its dependence on Russia.

Keywords: the Czech Republic, Azerbaijan, the European Union, oil, foreign trade, “Eastern partnership”, investments.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520186070>

УДК 339.562, 339.564

Владимир ФАЛЬЦМАН

Маргарита КРАХИНА

АНАЛИЗ И ПРОГНОЗ ИНТЕГРАЦИИ И КОНВЕРГЕНЦИИ РОССИИ В МИРОВУЮ ЭКОНОМИКУ

Аннотация. Статья включает анализ и генетические прогнозы воздействия мирохозяйственных связей России на её экономический рост. Обоснована концепция будущего устойчивого роста страны в условиях снижения, а в отдалённой перспективе обнуления нефтяной ренты. Показано, как благодаря дорогой нефти и во многом благодаря внешне-торговым контактам с Европой стране удалось преодолеть последствия разрушительного кризиса 1990-х годов и выйти на европейский уровень в сфере ИКТ, связи, автомобилестроения, гражданского авиастроения, восстановить обороноспособность страны. Однако вследствие монопродуктовой зависимости от мировых цен на нефть экономика стала испытывать избыточное влияние мирового рынка, стала внешне уязвимой со стороны мирового финансового кризиса, обрушения цен на сырьевые товары, санкций. Произошёл кризис российской ВЭД. Предложены три варианта прогноза внешнеторгового оборота и экономического роста России с разбросом возможных темпов прироста ВВП в диапазоне от 6,6% (оптимистический вариант) до 3,5% (реалистичный прогноз) и 0,4% (пессимистический вариант). Измерена эластичность темпов прироста ВВП по отношению к внешнеторговому обороту, которая позволяет предположить, что экономический рост России на 1/3 определяет мировой рынок, а на 2/3 – внутренний рынок. Если бы высокие темпы роста внешнеторгового оборота в 2000–2008 гг. снизились до уровня 2009–2016 гг., экономика России была бы отброшена на пять лет назад.

Ключевые слова: внешнеторговый оборот, темпы роста, прогноз, нефтяная рента, импортозамещение, институциональная реформа.

Проблемы интеграции и конвергенции обычно рассматриваются применительно к телекоммуникационным системам [Weiland, 2002; Соколов, 2007]. Экономическую интерпретацию этой проблемы начнём с определений. Интеграция (от лат.

© **Фальцман Владимир Константинович** – д. э. н. профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института прикладных экономических исследований РАНХ и ГС при Президенте Российской Федерации. **Адрес:** 119571, Россия, Москва, пр-т Вернадского, д. 82. **E-mail:** m975032@gmail.com

Крахина Маргарита Владимировна – магистрант Московского государственного института международных отношений (университет) МИД РФ. **Адрес:** 119571, Россия, Москва, пр-т Вернадского, д. 26. **E-mail:** krakhina.m@gmail.com

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520187181>

Integratio) – это объединение разнородных явлений в единую систему. Конвергенция (от лат. Convergo) – это сближение разнородных явлений. Интеграция российской экономики в мировую прежде всего осуществляется в процессе внешнеторгового обмена, особенно в сфере импорта машин, оборудования и транспортных средств, обмена технологиями. Большую роль играет международная кооперация, прямые иностранные инвестиции, благодаря которым удалось преодолеть отсталость российского автопрома и войти в число производителей легковых автомобилей мирового уровня. Подобно выравниванию уровня жидкости в сообщающихся сосудах, интеграция ведёт к сближению, конвергенции, выравниванию уровней сотрудничающих стран.

Экономика постсоветской России прошла сложный путь интеграции и конвергенции с мировой, прежде всего с европейской экономикой. Благодаря этому во многих отраслях ликвидировано накопленное в прошлом технологическое отставание. Но интеграция и конвергенция – это не дорога в один конец: европейские страны и другие партнёры, в свою очередь, получили доступ к сырьевой базе России и ненасыщенным её рынкам продукцией обрабатывающих отраслей. Во всём мире распространяются российские достижения в области атомной энергетики и космоса. Правда, возросшая интеграция российской экономики в мировую сделала ее более уязвимой к внешним негативным воздействиям со стороны мирового рынка – мировым кризисам, турбулентности мировых цен, экономическим санкциям.

В будущем предстоит переход на принципиально новую модель интеграции и конвергенции, в которой Россия будет вынуждена преодолеть сырьевую зависимость. Нефть и газ будут отодвинуты на второй план, а на первом плане окажутся другие российские товары.

Анализ интеграции и конвергенции в 2000–2016 годах

Этот период можно подразделить на два примерно равных по продолжительности этапа, коренным образом отличающихся по итогам и результатам экономического развития.

2000–2008 годы – это период высоких цен на углеводороды, роста их добычи и экспорта. Бурно растёт импорт в Россию: с 42 до 267 млрд долл. Чем интенсивнее идет продуктообмен, тем заметнее результаты выравнивания технологического уровня между странами. Более всего растут поставки из Европы машин, оборудования, транспортных средств. Благодаря этому, как в сообщающихся сосудах, в ряде областей происходит выравнивание технологических уровней России и европейских стран. Приведём некоторые примеры успешной экономической деятельности в двухтысячные годы, которые создают предпосылки для будущего роста в условиях ожидаемого убывания добычи нефти [Фальцман, 2017а].

Прорыв в компьютеризации страны и ИКТ произошёл вследствие импорта техники, в основном из Китая. Число персональных компьютеров на 100 работающих составляет примерно 50. На 100 домашних хозяйств в России приходится 113 компьютеров, в Германии – 61, в Китае – 49. Процент организаций, использующих компьютеры, достиг 94%, интернет – 89%, электронную почту – 84%. Большие успехи достигнуты в разработке *программного обеспечения*. За короткий срок экспорт российского ПО вырос с нуля до 7 млрд долл. Удалось преодолеть накопленное катастрофическое отставание в области *связи*. Прорыв достигнут благодаря сотовой свя-

зи, импорта телефонных аппаратов, но с использованием услуг отечественных операторов и российской спутниковой связи. В эти годы была введена одна из двух мировых систем глобальной навигационной спутниковой связи – ГЛОНАСС. В 2008 г. началось массовое ее применение в гражданской сфере. Без этих достижений интеграция российской экономики в мировое хозяйство была бы невозможна.

Классический пример успешной конвергенции в этот период – выравнивание технического уровня европейских и российских легковых автомобилей в их производстве и парке. Процесс начался в кризисные 1990-е годы с приобретения в Германии поддержанных автомобилей. Сильно изношенные иномарки с большим автопробегом были надёжнее в эксплуатации по сравнению с новыми машинами советского периода. В 2000-х годы процесс пошёл тремя путями: по пути импорта новых иномарок, создания в России сборочных производств с доступно высокой локализацией и по пути коренной модернизации отечественного автопрома. При этом российские автопроизводители балансировали на грани банкротства. Столичный завод АЗЛК эту грань переступил. Выравниванию качества автомобилей в парке способствовал рост доходов населения. Из приведенного примера видно, что источником конвергенции является все та же конкуренция.

Аналогичный процесс конвергенции происходил в российском авиапроме. Различие состояло только в том, что в возрождении гражданского самолётостроения ведущая роль принадлежала оборонным предприятиям. В 2000–2008 гг. России удалось возродить инновационный потенциал оборонной промышленности, едва не загубленный в годы кризиса 1990-х годов из-за сокращения затрат на оборонные НИОКР. В мировой торговле вооружениями Россия сохранила за собой второе место после США. В рамках международных договоров Россия, по-видимому, будет и дальше наращивать экспорт вооружений. Как сказал один американский коллега: “Таков рынок. Если не вы, то мы или какая-нибудь третья страна”. В перспективе инновационный потенциал ОПК предполагается и дальше использовать для повышения конкурентоспособности гражданской продукции. Ракетно-космическая промышленность, например, открывает широкий спектр международных услуг по освоению космоса, запуску спутников, развитию навигационных систем, исследований земной коры и атмосферы. Атомная промышленность страны конкурентоспособна на мировых рынках по всей технологической цепочке производства атомной электроэнергии, начиная от добычи и обогащения урановых руд, продукции атомного машиностроения и кончая строительством энергоблоков АЭС, атомных ледоколов, транспортировки и захоронения радиоактивных отходов.

Большие перспективы у роста услуг здравоохранения, образования, туризма, причем не только на внутреннем, но и на международном рынке. Так, например, Россия тратит на личные поездки за рубеж около 23 млрд долл. – в три раза больше, чем на приобретение лекарственных средств. Получает наша страна от приезда зарубежных граждан всего 3 млрд долл. Чистый убыток в 20 млрд долл. также оплачивается за счет экспорта сырья. Между тем наша страна располагает уникальными природно-климатическими условиями для будущего развития туризма.

В 2000-е годы в России был достигнут рекорд по вводу жилья. В 2016 г. было построено 81 квартира на 10 тыс. жителей. Для сравнения: в Германии этот показатель составляет 27 квартир, во Франции – 46 квартир. Но и при этих успехах ликвидировать накопленное десятилетиями отставание в обеспеченности жильём не

удалось. Рынок жилья далеко не насыщен. Большие перспективы для роста строительства жилья открывает развитая база цементной промышленности, производство железобетонных конструкций, наличие трудовых ресурсов, необходимых компетенций в проектировании и строительно-монтажных работах. При том что уже сейчас 40% жилья вводится за счёт средств населения. Не менее значительными возможностями располагает Россия в строительстве дорог. Причём как жильё, так и дороги – это работа на внутренний рынок, неторгуемая продукция, спрос на которую не зависит от превратностей мирового рынка.

Многие виды экономической деятельности, перспективные для будущего экономического роста, включены в состав приоритетных национальных проектов (программ). В их числе национальные проекты (программы) в сфере здравоохранения, демографического развития, образования, жилья и городской среды, экологии, создание безопасных и качественных дорог, в сфере развития малого и среднего предпринимательства и поддержки индивидуальной предпринимательской инициативы, международной кооперации и бизнеса, модернизации и расширения магистральной инфраструктуры [Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г.].

Период 2009–2016 годов контрастно отличался от предшествующих лет. В 2009 г. Россия испытала воздействие мирового финансового кризиса. В 2014–2016 годах произошло обрушение мировых цен на нефть. Синхронно обрушился внешнеторговый оборот России. Против нашей страны были введены экономические санкции, которые год от года ужесточаются. Высокая импортозависимость российской экономики во многом способствовала ее восприимчивости и уязвимости со стороны мирового рынка. Но главные трудности еще впереди: иссякают российские запасы нефти [Перспективы развития экономики России: прогноз до 2030 года, 2013]. При существующих объёмах добычи нефти России хватит своих запасов на 27–28 лет.

Негативными последствиями избыточной интеграции и конвергенции российской экономики особенно значимо отразились на состоянии гражданского машиностроения. Импорт вытеснил с рынка многие виды отечественной продукции. В стоимости российского импорта примерно 50% приходится на импорт машин, оборудования и транспортных средств. Чистый экспорт (экспорт за вычетом импорта) по машиностроительной продукции вырос в 2000–2013 гг. с -1,5 до -124 млрд долл. (3,6% ВВП). На оплату этого убытка страна истратила примерно одну треть поступлений от экспорта нефти, нефтепродуктов и газа [Фальцман, 2018: 85]. По некоторым жизненно важным видам машин и оборудования импорт практически полностью вытеснил отечественное производство. Например, по металлорежущим станкам, которые являются основным технологическим оборудованием оборонной промышленности и гражданского машиностроения, в 2010 г. импорт составлял 562 тыс. штук, в то время как собственное производство – 2,9 тыс. штук.

В сфере технологических машин, станков и оборудования Россия оказалась в **сырьевой ловушке**: средства на приобретение импорта тают вместе с нефтяной рентой, а возможности восстановления производства, даже при наличии незагруженных мощностей, весьма проблематичны. Возникает угроза остаться и без нефти, и без импортной продукции, и без собственного её производства. Ограничения на восстановление собственного производства возникают не только из-за устаревания незагруженных мощностей в сравнении с современными требованиями, но

в первую очередь из-за сложности восстановления технологических и логистических производственных цепочек: в выпуске технически сложной продукции принимают участие многие десятки российских и зарубежных предприятий. Однажды потеряв эти связи, восстановить их достаточно сложно.

Проще восстановить импортнезависимость в производстве продовольственных товаров. Поэтому в этой области процесс успешно идет на базе возрождающегося производства сельскохозяйственного сырья. Не будет преувеличением сказать, что Россия уже достигла уровня продовольственной безопасности, в основном ликвидировав существовавшую здесь зависимость от импорта. В настоящее время речь уже идёт об увеличении экспорта сельхозсырья и продовольственных товаров.

Трудно разрешимая задача – сокращение большого по стоимости импорта *лекарственных средств*. Над их созданием работают лучшие университетские умы Европы, Китая, других стран и континентов. Поэтому рассчитывать только на собственные силы в области фармацевтики не приходится. Потерянный импорт лекарственных средств необходимо частично восстановить.

У России большая, неучтенная официальной статистикой зависимость от импорта одежды, обуви, бытовой техники и утвари. Успехи будущего импортозамещения в этих сферах во многом будут зависеть от развития индивидуального, малого и среднего предпринимательства в регионах и муниципалитетах.

Завершая анализ прошлого опыта, следует отметить необходимость повышения ответственности государства за регулирование ВЭД. Рынок, конечно же, не мог предвидеть обрушение мировых цен на нефть, исчерпание её российских запасов, мировой финансовый кризис, санкции и многие другие негативные явления в мировой экономике. Эти явления в меру доступности для предвидения могут предсказывать прогнозисты. Задача правительства использовать эти прогнозы при формировании госрезервов, с учётом рисков с осторожностью принимать любые обязательства на будущее.

Россия много выиграла, но и дорого заплатила за интеграцию и конвергенцию в мировую экономику.

Прогноз интеграции, конвергенции и роста российской экономики

Генетический прогноз основан на экстраполяции прошлых тенденций на будущее. Ключевым явлением будущей российской экономики станет сокращение добычи и экспорта нефти. Поэтому в прогнозе предложены антикризисные меры, компенсирующие убывание природной ренты. В таблице 1 приведены показатели, необходимые для разработки прогноза.

Таблица 1.

Фактические среднегодовые темпы прироста ВВП и их эластичность по внешнеторговому обороту (%%)

	2001–2008	2009–2016	2001–2016
ВВП	6,6	0,4	3,5
Внешнеторговый оборот	23,0	1,3	10,2
Эластичность	0,29	0,31	0,34

Эластичность¹ темпов прироста ВВП по внешнеторговому обороту равняется примерно 0,3: за каждым процентом роста внешнеторгового оборота следует прирост ВВП на 0,3% в год. На основании этого можно полагать, что внешнеторговая интеграция и мировой рынок примерно на 1/3 определяют рост российской экономики. На 2/3 рост зависит от факторов внутреннего рынка. Если бы высокие темпы прироста внешнеторгового оборота в 2001–2008 гг. (23%) находился на уровне 10%, как в среднем за 15 анализируемых лет, то в своём развитии экономика была бы отброшена на пять лет назад.

Ниже рассмотрены три варианта прогноза. *Вариант 1 – это пессимистический прогноз*, основанный на сохранении тенденций развития, сложившихся в последние семь лет (2009–2016). Это были годы турбулентного развития, когда снижение ВВП в кризисные 2009 и 2015 годы перемежалось с годами умеренного роста в 2010–2014 гг., а темпы прироста колебались от 4,5% в 2010 г. до 0,7% в 2014 г. В 2016 г. темпы роста оказались на уровне, близком к нулевой отметке. Среднегодовые темпы прироста ВВП и внешнеторгового оборота в эти годы также мало отличались от нуля. Причинами произошедшего сбоя в экономическом росте явились такие экстраординарные события, как мировой финансовый кризис, обрушение мировых цен на углеводородное сырьё, экономические санкции. Все они пришли в российскую экономику извне и в значительной степени явились следствием высокой глобализации экономики в предшествующий период. Надо заметить, что модели экономического развития западных стран также проявили свою уязвимость к “шокам” финансовой глобализации, вызвавшей системный кризис в Евросоюзе [Спартак, Французов, Хохлов, 2015: 5].

Несмотря на чрезвычайно неблагоприятные внешние обстоятельства, российская экономика выстояла, показав в среднем за период неотрицательный рост. Сказались достижения прошлых лет, в частности, подъем сельского хозяйства и пищевой промышленности, к чему неоднократно призывали ученые Института Европы [Фёдоров, 2004].

Может ли Россия в будущем развиваться хуже, чем в 2009–2016 годах? Если не произойдёт ничего чрезвычайного, на наш взгляд, пессимистический вариант 1 можно считать худшим из всех возможных в будущем. Такого неблагоприятного стечения внешних обстоятельств, как в 2009–2016 гг., страна ранее не испытывала.

Не следует ли в этих условиях рассматривать произошедшее обрушение ВЭД как путь к повышению устойчивости будущего роста? Отчасти да. Потому что для России зависимость от продажи углеводородов на мировом рынке оказалась явно избыточной. В результате запасы нефти близки к исчерпанию, за высокий импорт платить будет нечем, а собственное производство заменителей импорта непродуманно ликвидировано. Предстоит неизбежно ликвидировать чрезмерную зависимость от экспорта сырья и импорта готовой продукции, на этой основе повысить технологический суверенитет экономики [Фальцман, 2018]. По мере убывания нефтяной ренты, роста импортозамещения в машиностроении и производства неторгуемой продукции в строительстве связь между ростом внешней торговли и ростом ВВП может ослабевать.

¹ Эластичность (от англ. Elasticity) – это мера чувствительности одной переменной к изменениям другой.

Экономическое развитие с такими низкими показателями, как в варианте 1, означало бы снижение доли России в мировой экономике, и так весьма скромной. Нулевой рост внешнеторгового оборота привел бы к консервации отсталости страны в ряде важных видов экономической деятельности или даже к её наращиванию. Низкая устойчивость экономического роста могла бы иметь отрицательные социальные последствия.

Обратимся к варианту 2 – реалистичному, поскольку он базируется на экстраполяции темпов прироста внешнеторгового оборота и ВВП за предшествующий длительный 15-летний период с 2001 по 2016 год. В варианте 2 среднегодовые темпы прироста внешнеторгового оборота находятся на уровне около 10%, а соответствующий им прирост ВВП составляет 3,5%, то есть находится на среднемировом уровне роста или даже превышает его. Доля России в мировом хозяйстве растёт.

Что для этого надлежит сделать? Наряду с антикризисными мерами варианта 1, этот вариант предусматривает развитие экспорта автомобилей, авиационной техники гражданского назначения, других видов техники. Развитие импортозамещения и рост экспорта в этом варианте основан на диверсификации оборонной промышленности и кооперации с Китаем, европейскими и другими зарубежными странами. Он предполагает рост услуг здравоохранения, образования, туризма, в первую очередь связанный с реализацией национальных проектов (программ). Важным фактором реализации этого варианта явится рост строительства жилья и дорог, где у России накоплены большие заделы и компетенции. Реализация варианта 2 позволит завершить догоняющий этап развития российской экономики. По опыту других стран после этого её ожидает снижение темпов экономического роста: заимствования здесь уже невозможны. На этот случай представляет интерес вариант 3.

Вариант 3 (оптимистический) предусматривает возврат к темпам экономического роста 6–7%, достигнутым в 2001–2008 гг. Но возможности заимствования на мировом рынке, по нашему сценарию, уже в основном исчерпаны на стадии догоняющего развития. Поэтому темпы внешнеторгового оборота в этом варианте хотя и могут быть двузначными, но они будут меньше, чем в 2001–2008 гг.: возрастает роль внутреннего рынка. С другой стороны, хотя возможности догоняющего развития в основном исчерпаны, но функции интеграции и конвергенции постоянно обновляются, так как в мире создаются все новые и новые инновации.

С позиций текущей экономической ситуации темпы экономического роста в 6–7% могут показаться утопией, фантастикой. Но для подтверждения такой возможности можно сослаться на авторитет экспертов Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, в работах которых рассматривается возможность роста с темпами 6–8% ВВП в год [Ивантер, 2018: 3]. На наш взгляд, во многом основанном на изучении опыта Китая, существуют по крайней мере две кардинальные антикризисные меры, которые дополнительно к мерам первых двух вариантов могут обеспечить выход на высокие показатели роста 3-го оптимистического варианта: 1) кардинальная институциональная реформа экономического механизма, направленная на развитие второго экономического уклада – индивидуального, малого и среднего предпринимательства; 2) рост экономического лидерства на внутреннем и мировых рынках как следствие запланированного роста человеческого и инновационного потенциала.

Индивидуальное, малое и среднее предпринимательство способно, например, возродить в стране производство одежды и обуви, спрос на которые предполагает индивидуальное изготовление, недоступное крупным производителям массовой продукции. Оно будет способствовать ускорению развития торговли, пищевой промышленности, жилищного строительства, ремонтных и других услуг населению, где роль малого бизнеса традиционно высока.

Лидерство в росте и накоплении человеческого капитала и инновационного потенциала – это путь России к внешней торговле технически сложной и высокотехнологичной продукцией и услугами, к увеличению прироста российского экспорта с темпами до 10% в год [Структурно-инвестиционная политика, 2017: 9].

Хватит ли России времени для реализации этих прогнозов до полной потери промышленных запасов нефти? При существующих масштабах добычи, своей нефти России хватит примерно на четверть века. Примерно столько же времени потребовалось Китаю для перехода от суперотсталой страны в суперразвитую державу. Для России дело за малым: нужен свой Дэн Сяопин.

О последствиях и угрозах смещения центра интеграции России из Европы в Китай

Удорожание европейского импорта и экономические санкции побуждают обратиться к перспективе роста международной кооперации с китайскими товаропроизводителями. Тем более что китайская продукция доказала свою конкурентоспособность, завоевав рынки США и Европы. Процесс смещения на Восток центра интеграции и конвергенции России уже интенсивно идёт.

Конечно, главным центром интеграции и конвергенции России по-прежнему остается Большая Европа, особенно страны ЕС. На них в 2016 г. приходилось 2/3 внешнеторгового оборота нашей страны. Главными преимуществами сближения российской экономики с европейской является освоение мировых достижений науки и техники, выравнивание технологического уровня и производительности труда. В 2000-е годы, когда доходы от продажи нефти позволяли расплачиваться за дорогие европейские товары, российский импорт из стран ЕС вырос за 14 лет с 11 до 118 млрд долл. Доля стран ЕС во внешнеторговом обороте России увеличилась с 34 до 42% (таблица 2). Особенно быстро она росла в годы дорогой нефти (2000–2010 гг.), но затем стала сокращаться.

Таблица 2.

Доля во внешнеторговом обороте России (%%)

	2000	2010	2014	2015	2016
Страны ЕС	34,0	48,1	46,8	44,0	42,4
Китай	4,3	9,3	11,0	11,9	13,5

Китай завоевывает российский рынок: в годы дорогой нефти его товарооборот с Россией растёт быстрее, чем с европейскими странами, а в кризисные годы он снижается медленнее. В период сжатия российского рынка более дешёвые товары Китая оказались более устойчивыми, чем европейские. Тем более что торговые санкции на китайские товары не распространяются. До полного вытеснения ЕС с российского рынка ещё очень далеко: объём торгового оборота со странами ЕС у России в три раза больше, чем с Китаем. Но Китай наступает.

Мировой рынок признал конкурентные преимущества китайских товаров перед европейскими. В мировом товарном экспорте доля Китая выросла с 3,9% в 2000 г. до 11,7% в 2013 г., в то время как доля Европы сократилась с 40,4 до 34,5% [Спартак, Французов, Хохлов, 2015: 12]. В мировой торговле услугами Китай поднялся с 14-го на пятое место. В 2013 г. Китай вышел на первое место в мире по объёму экспорта (2,2 трлн долл.), обогнав лидеров прошлых лет – США (1,6 трлн долл.) и Германию (1,4 трлн долл.). Китай – главный экспортёр машинно-технической продукции и электроники (первое место в мире). Сегодня это мастерская мира. Китай занимает второе место в мире по экспорту чёрных металлов (Россия – восьмое место), третье место по экспорту лесобумажной промышленности (Россия – восьмое место), шестое место по экспорту цветных металлов (Россия – седьмое место). Исключительно велика роль КНР в экспорте товаров лёгкой промышленности (1/3 глобального экспорта). И все эти грандиозные экономические успехи произошли на глазах одного поколения. Вот не полный перечень товаров, конкуренция с которыми для России несёт смертельную угрозу.

В чём же состоит угроза конкуренции китайских товаров? *В высоком, признанном мировым рынком их качестве.* Благодаря тихим и скромным заимствованиям, без вполне обоснованных амбиций и претензий на мировое лидерство, не имея собственной сырьевой базы, но развивая собственную науку, Китай вышел на мировой уровень качества продукции по большому кругу товаров и услуг, в том числе по технически сложным наукоёмким продуктам. *При этом китайские товары имеют конкурентные преимущества из-за сравнительно низких издержек и цен.* Среднемесячная номинальная зарплата наёмных работников составляет в КНР 5,2 тыс. юаней¹. В пересчёте на рубли по официальному курсу она составляет 51,8 тыс. руб. В Великобритании зарплата составляет 208,8 тыс. руб., во Франции – 191,4 тыс. руб. в месяц. В автомобильной промышленности Германии расходы на труд составляют 40 евро в час, а в Китае – менее 10 евро [Федоров, 2018: 10]. В России среднемесячная зарплата в 2016 г. равнялась 36,7 тыс. руб. Но при этом не прекращаются призывы к её дальнейшему повышению. И зарплата россиян растёт. Пока такое соотношение в оплате труда оставляет ценовые преимущества российских товаров не только по отношению к европейским, но китайским товарам тоже. Правда, надо ещё дополнительно проанализировать соотношения в налогах.

Китай создал собственную эффективную систему поддержки экспорта в форме явного и скрытого его субсидирования, зон свободной торговли с льготными ставками налогообложения, сокращения или полного освобождения от платежей за использования земли, воды, электричества, газа, Интернета [Спартак, Французов, Хохлов, 2015].

В условиях растущей конкуренции со стороны Китая вопросы повышения зарплат, доходов и налогов в России нужно решать с ориентацией не столько на Европу, сколько на Китай. В противном случае мы создаём дополнительные ценовые преимущества для китайской продукции. Дополнительные конкурентные преимущества китайским товарам создают на российском рынке также западные санкции, газовая война за европейский рынок. Несмотря на это, экономическая интеграция и конвергенция российской экономики с европейской будет расти. Но многие достижения европейской науки и техники мы будем получать из вторых рук.

¹ Российский статистический ежегодник. 2017: стат. сб. /Росстат. – М., 2017, с. 627.

* * *

В обозримом будущем российскую экономику неизбежно ожидает крупная структурная перестройка, прежде всего связанная с оскудением, а затем и с исчерпанием запасов нефти. Проведенный анализ, с одной стороны, показал немалые успехи, достигнутые Россией в 2001–2008 гг. за счёт интеграции и конвергенции в мировую, особенно европейскую экономику. С ростом экспорта сырья вырос импорт машин, оборудования, транспортных средств и других товаров. Сократилось отставание. Но из-за неконкурентоспособности было ликвидировано их отечественное производство. С другой стороны, Россия попала в ловушку избыточной интеграции, конвергенции и зависимости от внешней среды, что в 2009–2016 гг. негативно проявилось с приходом кризиса 2009 г., обрушением мировых цен на нефть, экономических санкций, ограничивших доступ к заимствованию инвестиций и инноваций.

Стране предстоит переход на новую, преимущественно инновационную модель экономического развития. При этом нового трансформационного кризиса можно избежать. Из трех рассмотренных вариантов прогноза наиболее вероятным является второй вариант со среднегодовыми темпами прироста ВВП в 3,5%. Развитие российской экономики с темпами не ниже мировых может обеспечить догоняющий тип развития, основанный на заимствованиях и обеспечивающий ликвидацию накопленных в прошлом отставаний в гражданском машиностроении и некоторых других видах экономической деятельности. При этом у России имеются три возможности заимствования: а) за счёт диверсификации собственной оборонной промышленности (требуется глубокая научная проработка вопроса, возможно, дополнительный национальный проект), б) у наиболее продвинутых компаний развитых стран, особенно стран Евросоюза (в той мере, в какой этому не препятствуют санкции), в) у Китая и других быстро развивающихся стран, в тех сферах, где им удалось выйти на современный технологический уровень.

Последующее возвращение России к более высоким темпам прироста ВВП на уровне 6–7% в год, на наш взгляд, реально при выполнении двух необходимых условий: а) проведении глубокой институциональной реформы, формирующей благоприятную предпринимательскую среду для реализации местных инициатив индивидуального, малого и среднего предпринимательства, б) реализации национальных проектов (программ) в сфере демографического развития, здравоохранения, образования, культуры, экологии, науки, формирующих будущий человеческий и инновационный потенциал для достижения лидерства на мировых рынках.

Список литературы

Перспективы развития экономики России: прогноз до 2030 года. (2013)./ Коллективная монография под ред. В. В. Ивантера, М. Ю. Ксенофонтова. // М.: Анкил. – 408 с.

Соколов Н. (2007) Процессы конвергенции, интеграции и консолидации в современных коммуникационных системах. // Мир связи, октябрь, 2007.

Спартак А. Н., Французов В. В., Хохлов А. В. (2015). Мировой и российский экспорт: тенденции и перспективы развития, системы поддержки. // М.: ВАВТ. – 384 с.

Структурно-инвестиционная политика в условиях модернизации экономики России.(2017). // Проблемы прогнозирования, №4.

Указ Президента РФ от 07 мая 2018 года. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г. (2018) // *Экономист*, №5, с. 3–13.

Фальцман В. К. (2017а). Подвижки 2000-х гг. в отраслях и технологиях. // *Экономист*, №5, с. 16–26.

- Фальцман В. К. (2017в). Кризис ВЭД России: пути преодоления. // *Мировая экономика и международные отношения*, том 61, №5, с. 17–25.
- Фальцман В. К. (2018). Технологический суверенитет России. // *Современная Европа*, №3, с. 83–91.
- Федоров В. П. (2004). Россия: внутренние и внешние опасности. // М.: Из-во ОГНИ-Пресс-“Крафт +”. – 333 с.
- Федоров В. П. (2018). Германия: оптимизация Европы. // *Современная Европа*, №3, с. 5–15.
- International Trade Statistics. 2017.
- Wieland K. (2002) Whatever happened to FMC. // *Telecommunications International*, 2002, October.

References

- International Trade Statistics. 2017.
- Faltsman V. K. (2017a). Podvizhki 2000-h gg. v otraslyah i tekhnologiyah. // *Ehkonomist*, №5, s. 16–26.
- Faltsman V. K. (2017v). Krizis VEHD Rossii: puti preodoleniya. // *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, tom 61, №5, s. 17–25.
- Faltsman V. K. (2018). Tekhnologicheskij suverenitet Rossii. // *Sovremennaya Evropa*, №3, s. 83–91.
- Fedorov V. P. (2004). Rossiya: vnutrennie i vneshnie opasnosti. // М.: Из-во ОГНИ-Пресс-“Крафт +”, 333 с.
- Fedorov V. P. (2018). Germaniya: optimizaciya Evropy. // *Sovremennaya Evropa*, №3, s. 5–15.
- Perspektivy razvitiya ehkonomiki Rossii: prognoz do 2030 goda. (2013). / Kollektivnaya monografiya pod red. V. V. Ivantera, M. YU. Ksenofontova. // М.: Ankil. – 408 s.
- Spartak A. N., Francuzov V. V., Hohlov A. V. (2015). *Mirovoj i rossijskij ehksport: tendencii i perspektivy razvitiya, sistemy podderzhki*. // М.: VAVT. – 384 s.
- Strukturno-investicionnaya politika v usloviyah modernizacii ehkonomiki Rossii. (2017). // *Problemy prognozirovaniya*, №4, 2017.
- Ukaz Prezidenta RF ot 07 maya 2018 goda. O nacional'nyh celyah i strategicheskikh zadachah razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2024 g. (2018) // *Ehkonomist*, №5, s. 3–13.
- Wieland K. (2002) Whatever happened to FMC. // *Telecommunications International*, 2002, October.

Analysis and Forecast on Whether Russia Will Integrate into and Converge with the World Economy

Authors: Faltsman V., Doctor of Sciences (Econjmy), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Principal Research Scientist, Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA). **Address:** 82, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119571. **E-mail:** m975032@gmail.com

Krakhina M., Master's Degree Student, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. **Address:** 76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454. **E-mail:** krakhina.m@gmail.com

Abstract. The paper put forward considerations and genetic forecasts concerning the impact of Russia's world economic relations on its economic growth. The authors substantiate the concept of future sustainable growth of Russian economy in conditions when oil rent is declining and will fade away in the long run. It is shown how, due to high oil prices and not least because of foreign trade contracts with European countries, Russia managed to recover from the devastating crisis of 1990s, caught up with the European level in the development of information and communication technologies, auto and civil aircraft industries and restored its defense capabilities. However as a result of a single-product economic structure and heavy dependency on world oil prices Russia has found itself excessively affected by the world market situation and thus externally vulnerable to global financial crises, a slump in raw commodities prices and effects of economic sanctions. The paper provides three different scenarios with GDP growth rates ranging from 6.6% (the optimistic scenario) to 3.5% (the realistic scenario) to 0.4% (the worst-case scenario). Also the elasticity of GDP growth rate on foreign-trade turnover was calculated as the basis to hypothesize that the world market contributes about one third of Russia's economic growth while the rest is provided by the domestic market.

Keywords: foreign-trade turnover, growth rates, forecast, oil rent, imports substitution, institutional reform.

DOI: <https://dx.doi.org/10.15211/soveurope520187181>

УДК 327.7, 327.8

Матвей Фёдоров

ЕС И УРЕГУЛИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ И КРИЗИСОВ: АДАПТАЦИЯ К НОВЫМ ВЫЗОВАМ

Аннотация. В статье анализируется влияние внешних и внутренних по отношению к Европейскому Союзу факторов на его деятельность по урегулированию региональных конфликтов и кризисов, реализуемую странами – членам ЕС в рамках общей политики безопасности и обороны (ОПБО). В последние годы обстановка во внешней среде безопасности ухудшилась – дестабилизация Северной Африки, Сахеля и Ближнего Востока спровоцировала рост неконтролируемой миграции и распространение терроризма. Новые вызовы, однако, не привели к существенным изменениям в работе антикризисного механизма ОПБО ЕС. Отсутствие подвижек объясняется прежде всего политическими разногласиями между странами – членами ЕС, которые не проявляют желания увеличивать свои обязательства в сфере урегулирования конфликтов и передавать какие-либо полномочия на наднациональный уровень, тем самым ограничивая свой суверенитет. В целом миротворчество в рамках ОПБО, предполагающее добровольное участие на основе общности интересов, имеет ограниченную эффективность. Активизации работы по противодействию кризисам и конфликтам могут способствовать новые форматы сотрудничества европейских стран, в том числе вне институциональных рамок ЕС.

Ключевые слова: ОПБО, ЕС, урегулирование кризисов, региональные конфликты, прогнозирование.

Одной из целей создания Европейского Союза (ЕС) в начале 1990-х гг. было увеличение международно-политического веса вошедших в него стран и приведение его в соответствие с их мощным экономическим потенциалом. Окончание холодной войны и разгоревшиеся в постбиполярном мире региональные конфликты, а также наметившееся отдаление США от европейских дел поставили вопрос об увеличении ответственности стран Старого Света за собственную безопасность и стабильность соседних регионов. Для решения всех этих задач в рамках ЕС была за-

© **Фёдоров Матвей Сергеевич** – аспирант кафедры интеграционных процессов МГИМО МИД России. **Адрес:** 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.
SPIN-код: 7879-4281. **E-mail:** fedorov.m.s@my.mgimo.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520188289>

пущена общая внешняя политика и политика безопасности (ОВПБ). Неудачное участие “объединённой Европы” в урегулировании югославских конфликтов продемонстрировало, что коллективная дипломатия должна подкрепляться военной силой. Чтобы обрести способность проводить самостоятельные антикризисные операции и в целом повысить свою стратегическую автономию страны ЕС разработали общую политику безопасности и обороны (ОПБО), ставшую частью ОВПБ.

За время существования ОПБО (с 1998 г.) в её рамках было проведено 35 внешнеполитических акций: восемь военных операций, три военно-обучающие миссии и 24 гражданские миссии различных типов¹. Несмотря на такой внушительный опыт, эффективность ОПБО оценивается неоднозначно. В недавнем прошлом ЕС оказался неспособен предпринять необходимые действия для урегулирования ряда острых конфликтов, затрагивавших его безопасность: в Ливии в 2011 г., в Мали в 2012–2013 гг., в ЦАР в 2014 г. Изменения внешней по отношению к ЕС среды безопасности требуют активизации ОПБО. На коллективную антикризисную деятельность также оказывают влияние политические процессы внутри Евросоюза. Анализ этих факторов позволяет оценить перспективы развития миротворческой деятельности ЕС.

В отечественной исследовательской литературе сохраняется интерес к обозначенной проблематике [Журкин, 2014; Арбатова, Кокеев, 2017; Данилов, 2017; Institute of Europe, 2017]. Представляется необходимым продолжить освещение и осмысление событий и тенденций последних нескольких лет в области ОПБО и, в частности, уделить внимание вероятным сценариям её эволюции.

Политические аспекты развития антикризисной деятельности ЕС на современном этапе

Антикризисная деятельность (гражданские миссии и военные операции) является одним из направлений ОПБО наряду с развитием совместного оборонного потенциала и военно-техническим сотрудничеством стран Евросоюза. На политико-стратегическом уровне развитие этих областей задают Европейский совет и Совет ЕС.

После принятия Лиссабонского договора и вплоть до 2013 г. вопросы интеграции в сфере обороны оставались на втором плане политической повестки ЕС, тогда как основное внимание было сосредоточено на финансово-экономических трудностях. За это время в сфере безопасности накопилось немало проблем, в том числе связанных с реакцией ЕС на дестабилизацию Северной Африки, Сахеля и Ближнего Востока в первой половине 2010-х гг. В декабре 2012 г. после многолетней паузы Евросоюз вернулся к обсуждению вопросов ОПБО на высшем уровне [European Council Conclusions, 2012].

В 2013 г. в экспертных кругах обсуждались различные проекты обновления ОПБО, однако на саммите Европейского совета в декабре 2013 г. был заявлен “минимальный уровень амбиций” в этой области, что указывало на существовавшие у членов ЕС расхождения по поводу будущего оборонной интеграции. Против разви-

¹ Полицейские, по развитию правоохранительных органов, реформе государственных институтов, помощи в организации пограничного контроля.

тия наднациональных структур безопасности вновь выступила Великобритания, опасавшаяся, что это может привести к отвлечению ресурсов от НАТО и соответственно к ослаблению альянса. В итоге акцент был сделан на более оперативном задействовании “боевых групп” и гражданских специалистов, укреплении материальной базы миротворчества [European Council Conclusions, 2013: 4]. Следует, однако, отметить, что, несмотря на некоторые ограничения (связанные прежде всего со стратегическим транспортом, системами связи и наблюдения), страны ЕС в целом обладают достаточным потенциалом для вмешательства в конфликты невысокой интенсивности. Это подтверждают ряд операций, проведённых в индивидуальном порядке Францией в Африке (“Сервал” в Мали, “Сангарис” в ЦАР, “Бархан” в Сахеле).

С начала 2014 г. развитие ОПБО проходило в изменившейся геополитической обстановке. Новые внешние вызовы в разной степени повлияли на общеевропейский антикризисный потенциал. Так, события на Украине не оказали на него прямого воздействия, а скорее активизировали дискуссии о роли НАТО в Европе. Это вполне естественно, поскольку возможности полноценно задействовать механизмы ОПБО в сложившейся ситуации были невелики. Евросоюз ограничился отправкой в Киев консультативной гражданской миссии EUAM Ukraine, цель которой заключается в оказании помощи по реформированию украинских правоохранительных органов (действует с 1 декабря 2014 г., насчитывает около 150 европейских специалистов). Появление ИГИЛ и распространение терроризма также не привели к заметной активизации ОПБО: страны ЕС предпочли наносить удары по исламистам в составе коалиции, возглавляемой США, а противодействие экстремистам внутри Евросоюза остаётся прерогативой национальных правительств.

Иначе обстоит дело с таким вызовом, как неконтролируемые миграционные потоки, беспрецедентное увеличение которых в 2015 г. (когда число беженцев в Европу превысило 1 млн человек) обернулось для Союза масштабным кризисом и высветило стирание границы между внутренней и внешней безопасностью для стран – членов ЕС. Противодействие нелегальной миграции не входит в перечень “петербургских задач”, перечисленных в ст.43 Договора о ЕС, однако острая ситуация требовала применения широкого набора инструментов. В изменившихся условиях ОПБО должна была пройти своеобразную проверку на дееспособность. Изначально эта политика была нацелена на работу с региональными конфликтами за пределами ЕС, то есть на внешнюю среду безопасности. Теперь было необходимо адаптировать её для противодействия новым вызовам непосредственно на границах Союза. Соображения по этому поводу были изложены в докладе Высокого представителя Ф. Могерини, представленном 8 июня 2015 г. [HRVP, 2015] Вопросам развития ОПБО предполагалось посвятить саммит Европейского совета 25–26 июня 2015 г., однако его главной темой стало противодействие “миграционному кризису”. В частности, лидеры одобрили проведение морской операции ОПБО “София”, которая началась 22 июня 2015 г. и была направлена на перехват и спасение мигрантов в Средиземном море.

Евросовет, проходивший в июне 2015 г., также поручил Высокому представителю разработать к лету 2016 г. новую стратегию внешней безопасности ЕС. Документ был представлен главам стран ЕС 28 июня 2016 г. Его полное название – “Общее видение, совместные действия: более сильная Европа. Глобальная страте-

гия для внешней политики и политики безопасности ЕС” (Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union’s Foreign and Security Policy). Следует отметить, что последняя аналогичная стратегия была принята в 2003 г. “Глобальная стратегия” (ГС) содержала концептуальное осмысление трансформаций во внешней среде. Подчёркивалось, что необходимо “укрепить ЕС как сообщество безопасности” (security community): “Европейцы должны быть способны защищать Европу, отвечать на внешние кризисы <...> реагировать на вызовы, имеющие (для ЕС. – *М.Ф.*) как внутреннее, так и внешнее измерение” [European Union, 2016: 19]. Отмечалось, что НАТО остаётся главной военной и оборонной структурой, однако Евросоюз должен обрести способность действовать самостоятельно, то есть проводить собственные операции и миссии [European Union, 2016: 20]. Таким образом, страны ЕС декларировали намерение активизировать антикризисную деятельность и укрепить потенциал ОПБО. На деле, однако, эти планы были реализованы в ограниченных масштабах.

Вторым значимым событием 2016 г. для ОПБО стало решение Великобритании начать выход из Европейского Союза. Это дало двойственный эффект. С одной стороны, исчезновение “вето Лондона” в Совете ЕС открывало возможности для укрепления структур планирования и управления ОПБО. Так, в соответствии с заключениями Совета по иностранным делам 14 ноября 2016 г. и Европейского совета 15 декабря 2016 г. в июне 2017 г. начало работу “Подразделение военного планирования и управления”, ПВПУ (Military Planning and Conduct Capability, МРСС) – постоянный орган, фактически представляющий собой оперативный штаб для “неисполнительных” военных операций (обучающих, консультативных). ПВПУ стал аналогом ПГПУ (“Подразделение гражданского планирования и управления”, СРСС) и перенял функции деактивированного оперативного центра ОПБО, взяв на себя централизованное управление на стратегическом уровне военными обучающими миссиями Евросоюза в Мали, Сомали и ЦАР. Появление ПВПУ стало значимым политическим событием: многолетний запрет на создание военных структур штабного типа был преодолен.

С другой стороны, Великобритания наряду с Францией является ведущей военной силой ЕС: она имеет самый большой оборонный бюджет (около 55 млрд долл. в 2017 г., примерно 25% от суммарных расходов стран Евросоюза [NATO, 2018: 7]), на неё приходится значительная доля различных типов вооружений “объединённой Европы” (например, почти 50% тяжёлой военно-транспортной авиации [Giegerich B., Mölling C., 2018: 7]). В то же время вклад британской стороны в антикризисную деятельность ЕС весьма скромнен: Лондон обеспечил всего 2,3% личного состава всех операций и миссий ОПБО (или 4,3% личного состава 25 из 35 миссий и операций, в которых Великобритания принимала участие), взял на себя около 15% общих расходов на военные операции и гражданские миссии [House of Lords, 2018: 36–42]. В настоящее время Великобритания наиболее активно вовлечена в морскую операцию “Аталанта” по противодействию пиратам у берегов Сомали (штаб операции расположен в британском Нортвуде), в морскую операцию “София” (предоставила значительную часть судов), а также играет важную роль в осуществлении операции “Алтея” в Боснии и Герцеговине (руководство операцией осуществляется с использованием штабных структур НАТО по формуле “Берлин-плюс” – ей командует заместитель главнокомандующего ОВС НАТО

в Европе, пост которого традиционно занимает британский генерал). Перечисленные операции стали своего рода исключениями, при этом Лондон, по всей видимости, заинтересован в продолжении участия в них и готов определить особый формат взаимодействия с ЕС по линии ОПБО в случае завершения выхода из Союза [House of Lords, 2018: 58–59].

Пример Великобритании ещё раз показывает, что вплоть до сегодняшнего дня страны Евросоюза использовали лишь малую часть своих военных возможностей для проведения самостоятельных операций (говоря простыми словами, могут больше, но не хотят). В этом контексте представляется, что механизм “постоянного структурированного сотрудничества” в сфере ОПБО, активированный в конце 2017 г., также не окажет в ближайшей перспективе существенного воздействия на миротворческую деятельность европейцев, поскольку он направлен в первую очередь на углубление сотрудничества в области “внутренней обороны”.

Актуальный опыт урегулирования конфликтов средствами ОПБО

Произошедшие за последние пять лет изменения во внешней среде безопасности предполагали активизацию антикризисной деятельности ОПБО. Соответствующее намерение было подтверждено странами ЕС на политическом уровне. Европейцы сосредоточили внимание на неконтролируемых миграционных потоках и нестабильности в Южном Средиземноморье. Для противодействия этим главным вызовам ЕС задействовал инструменты ОПБО на ливийском направлении.

22 мая 2013 г. Европейский Союз запустил в Ливии гражданскую миссию EUBAM (EU Border Assistance Mission) по оказанию помощи и консультированию ливийских властей в вопросах обеспечения безопасности сухопутных, морских и воздушных границ страны [European Union, 2013: 15]. Специалисты ЕС организовали курсы для местных пограничников и таможенных работников. В первые месяцы численность миссии составляла около 100 человек, через год она уменьшилась вдвое, а в августе 2014 г. в связи с резким ухудшением обстановки в Ливии европейские эксперты были эвакуированы в Тунис. К апрелю 2015 г. в составе EUBAM насчитывалось всего три человека, её проведение было приостановлено. В середине 2016 г. миссия была перезапущена, в настоящее время в ней задействовано около 40 специалистов, остающихся в Тунисе. Их деятельность сводится к налаживанию взаимодействия между различными ливийскими органами пограничного контроля и правоохранительными инстанциями [EEAS, 2018a]. При этом государственность Ливии по-прежнему не восстановлена, регионы страны контролируются противоборствующими военно-политическими группировками.

Вторым и главным коллективным начинанием ЕС, направленным на регулирование миграционных потоков на ливийском направлении, является военно-морская операция ОПБО “София” (EUNAVFOR MED – EU Naval Force in Southern Central Mediterranean), начатая 18 мая 2015 г. Задача операции – “ликвидация бизнеса по незаконной перевозке людей через центральную часть Средиземного моря, <...> поиск, задержание и изъятие судов и оборудования, используемых для нелегальной транспортировки” [European Union, 2015: 32]. Выполнение этой задачи разделено на несколько этапов. 7 ноября 2015 г ЕС перешёл к фазе 2-а, предполагающей про-

тивдействие контрабандистам в открытом море (международные воды). Следующим шагом – фаза 2-б – должна стать работа в территориальных и внутренних водах Ливии. На третьем этапе с контрабандистами будут бороться на ливийской территории. Изначально в EUNAVFOR MED было задействовано более 2 200 военных и обслуживающего персонала из 25 стран ЕС, в середине 2017 г. их численность составляла около 1 600 человек. [European Union Institute... 2017: 25]. Задачи операции выполняет многонациональная корабельная группа с ротирующимся составом (в мае 2018 г. в неё входили пять кораблей, два вертолёта и четыре самолёта) [EEAS, 2018b]. Патрулирование осуществляется на территории площадью в 525 000 км² – от Туниса до Греции вдоль ливийского побережья. В 2016 г. в мандат операции было включено обучение береговой охраны Ливии. К середине 2017 г. в общей сложности силами “Софии” была прекращена эксплуатация около 500 судов, задержаны более 100 контрабандистов, спасены свыше 33 000 мигрантов (большинство из них были доставлены в лагеря беженцев в Европе), обучены около 100 ливийских пограничников [House of Lords, 2017: 10]. Но на фоне общей статистики эти результаты выглядят скромно. Так, например, за 2015 г. в Италию по морю прибыли почти 154 000 мигрантов, за 2016 г. – 181 000 человек, за 2017 г. – 120 000 человек. [International Organization for Migration, 2018].

Эффективное противодействие нелегальной транспортировке мигрантов требует работы непосредственно на ливийском побережье. Сегодня “София” фактически представляет собой спасательную операцию, а европейские военные корабли (в том числе итальянский авианосец “Гарибальди”) охотятся за резиновыми лодками. Переход к следующим фазам EUNAVFOR MED связан с затруднениями политического и правового характера: для расширения своих действий Европейскому Союзу необходимо получить либо санкцию Совета Безопасности ООН, либо запрос ливийских властей. Переговоры с СБ ООН не дали конкретных результатов, а сформированное в конце 2015 г. и получившее международное признание Правительство национального единства Ливии не контролирует всю страну и не спешит давать европейским военно-морским силам возможность проводить силовые акции (то есть “хозяйничать”) на своей территории. Кроме того, сами страны ЕС не проявляют желания более активно вмешиваться в нестабильную ситуацию в Ливии.

* * *

Проведённый анализ показывает, что изменения во внешней среде безопасности и различные политические факторы, имеющие отношение к ОПБО, оказали незначительное влияние на антикризисную деятельность ЕС, масштабы которой в целом не позволяют дать полноценный ответ на региональную нестабильность и новые вызовы, прежде всего на беспрецедентный наплыв мигрантов. Безусловно, нельзя ожидать от ЕС прямого вмешательства в, например, внутрививийский конфликт, однако Евросоюз мог оказать более существенную помощь местным официальным властям в установлении контроля над мятежными районами.

Попытки европейцев углубить интеграцию в оборонной и военно-промышленной сфере также не привели к активизации миротворческих усилий ЕС. Укрепление материально-технической базы ОПБО повышает её потенциал, однако

на практике страны Евросоюза не использовали в полной мере существующие у них военные возможности. Не меняет ситуации и появление новых структур общей политики безопасности и обороны – ПВПУ.

Таким образом, главной проблемой механизма реагирования ЕС на региональные конфликты и кризисы представляется его сильная зависимость от политических отношений между членами ЕС. Надежды на то, что 28 (или 27) стран будут осуществлять коллективные внешнеполитические акции ради “общего блага” – безопасности (в том числе в ситуациях, не имеющих сиюминутных последствий для тех или иных государств) оказались преувеличенными, как и оценки единства интересов Старого Света. Призывы укрепить ОПБО наталкиваются на нежелание стран Евросоюза ограничивать свой суверенитет и передавать полномочия наднациональным органам. В результате кризисное регулирование в рамках ОПБО осуществляется по принципу “наименьшего общего знаменателя”.

Одним из вариантов активизации коллективной миротворческой деятельности представляется создание новых форматов сотрудничества наиболее заинтересованных европейских государств вне институциональных рамок Евросоюза. Так, 25 июня 2018 г. девять стран (Бельгия, Великобритания, Германия, Дания, Испания, Нидерланды, Португалия, Франция, Эстония) подписали “Письмо о намерении по развитию европейской инициативы по вмешательству” (Letter of intent concerning the development of the European Intervention Initiative). Участники соглашения договорились о более тесном взаимодействии в военной сфере для оперативного развёртывания совместных операций. Фактически, речь идёт о клубе стран, готовых к более решительным действиям в миротворческой области.

С учётом сказанного весьма вероятно, что миротворческая деятельность, осуществляемая с помощью структур ЕС, в ближайшие несколько лет не претерпит существенных изменений: она будет представлена в основном консультативными миссиями, направленными на развитие внутреннего потенциала безопасности стран – реципиентов помощи, тогда как военные операции ОПБО будут проходить (если будут) в виде вспомогательных акций по урегулированию конфликтов низкой интенсивности.

Список литературы

Глобальная стратегия безопасности ЕС 2016. Аналитический доклад [Сетевое издание] (2017) / Под ред. Н.К. Арбатовой, А.М. Кокеева. М.: ИМЭМО РАН, 31 с.

Данилов Д.А. (2017). Глобальная стратегия ЕС: восточный вектор. *Современная Европа*. №1 (73). с.10–21.

Журкин В.В. (2014). Военная политика Евросоюза. М.: Международные отношения: Институт Европы РАН. 256 с.

References

Danilov D. (2017). Global'naja strategija ES: vostochnyj vektor [EU's Global Strategy: Eastern Vector]. *Sovremennaja Evropa*. No.1, Vol.73. p.10-21.

EEAS (2018a). EU Integrated Border Assistance Mission in Libya (EUBAM Libya) [Factsheet]. April 2018.

EEAS (2018b). EUNAVFOR MED “Sophia” [Factsheet]. 10 April 2018.

European Council Conclusions (2012). EUCO 205/12. 14 December. Brussels. 12 p.

European Council Conclusions (2013). EUCO 217/13. 20 December. Brussels. 25 p.

European Union (2013). Council Decision (CFSP) 2013/233/CFSP of 22 May 2013. Official Journal of the European Union. L 183, 24.5.2013. pp. 15–18.

European Union (2015). Council Decision (CFSP) 2015/778 of 18 May 2015 on a European Union military operation in the Southern Central Mediterranean (EUNAVFOR MED). Official Journal of the European Union. L 122, 19.5.2015. pp. 31–35.

European Union (2016). Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. 60 p.

European Union Institute for Security Studies (2017). Yearbook of European Security 2017. May 2017, Paris. 163 p.

Giegerich B., Mölling C. (2018). The United Kingdom's contribution to European security and defence. The International Institute for Strategic Studies. February. 16 p.

Arbatova N., Kokeev A. (eds.) (2017). Global'naja strategija bezopasnosti ES 2016. Analiticheskij doklad [EU Global Strategy 2016. Analytical Report]. Moscow. IMJeMO RAS. 31 p.

House of Lords, European Union Committee (2018). Brexit: Common Security and Defence Policy missions and operations. 16th Report of Session 2017-19. (HL Paper 132). 93 p.

House of Lords, European Union Committee (2017). Operation Sophia: a failed mission. 2nd Report of Session 2017-19. (HL Paper 5). 12 July. 29 p.

HRVP/Head of the EEAS (2015). Report ahead of the June 2015 European Council. 19 p. Available at: http://eeas.europa.eu/archives/docs/csdp/documents/pdf/report-ahead_european-defence-agency.pdf (accessed 14.06.2018)

Institute of Europe RAS (2017). The EU Global Strategy: Implications for Russia. Ed. by Olga Potemkina. Institute of Europe RAS, Egmont – The Royal Institute for International Relations. 90 p.

International Organization for Migration (2018). Mixed Migration Flows in the Mediterranean and Beyond. URL: <http://migration.iom.int/europe/> (accessed 14.06.2018)

NATO (2018). Defence Expenditure of NATO Countries (2010–2017) [Press release]. 15 March. 15 p.

Zhurkin V.V. (2014) "Voennaja politika Evrosojuza" [EU's Military Policy]. Mezhdunarodnye otnoshenija. Institute of Europe, RAS. Moscow. 256 p.

EU and Crisis Management: Adaptation to New Challenges

Author: Fedorov M., PhD student, Department of Integration Studies, Moscow State Institute of International Relations. **Address:** 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia. **E-mail:** fedorov.m.s@my.mgimo.ru

Abstract. The article analyses the influence of external and internal factors on the European Union's crisis management activities within the framework of the Common Security and Defence Policy (CSDP). Despite the deterioration of external security conditions caused by illegal migration and the spread of terrorism, the EU members do not succeed in improving their collective crisis management capabilities. The UK decision to leave the EU did not influence the CSDP either though for many years London had been blocking the development of defence structures that could be used for carrying out CSDP operations and missions. The inability to intensify crisis management efforts can be explained by political disputes among the EU members, which do not want to take more responsibilities in the security field and to strengthen supranational structures thus limiting their sovereignty. The whole CSDP mechanism, based on volunteer participation and converging interests, seems to have restricted capacity. In order to intensify crisis management efforts, the European countries may boost cooperation outside the EU's institutional framework. One of the recent examples of that is the development of the "European Intervention Initiative".

Key words: CSDP, EU, CFSP, crisis management, regional conflicts, forecasting.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520188289>

УДК 327

Алексей ИВАНЦОВ

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ПРЕДПОСЫЛКИ ПОСТСОВЕТСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Аннотация. Статья рассматривает основные современные стратегии, реализуемые Российской Федерацией и Республикой Беларусь в международных отношениях. В ней характеризуются векторы направленности носящей согласованный характер внешней политики двух стран, в результате чего Москва и Минск активно выступают с единых или близких позиций по основным международным проблемам, тесно взаимодействуют в ООН, других универсальных и региональных организациях. Раскрывается позитивная динамика носящего долговременный стратегический взаимовыгодный характер современного российско-белорусского сотрудничества, начиная с 1992 г., когда страны обрели независимость и начали суверенный путь развития. Подчеркивается, что интеграция российской и белорусской экономик в рамках Союзного государства расширяется и находится в постоянном развитии. Она не имеет аналогов в других государствах постсоветского пространства. Союзники реализуют несколько десятков совместных отраслевых программ. Особое внимание уделяется созданию новейшей наукоемкой продукции, стимулированию бизнеса к активному внедрению инноваций в реальный сектор экономик России и Белоруссии.

Ключевые слова: международные отношения, национальный интерес, политические стратегии международного сотрудничества, интеграция, внешняя политика, региональное сотрудничество.

Российско-белорусские векторы деятельности

Внешнеполитические взаимовыгодные отношения России и Белоруссии продолжают вот уже более четверти века. За этот относительно недолгий промежуток времени они прошли несколько периодов: от установления дипломатических отношений до их современного состояния, характеризующегося поэтапно организуемым единым политическим, экономическим, военным, таможенным, валютным, юридическим, культурно-гуманитарным пространством в рамках Союзного государства.

Характеризуя направления российской внешней политики в целом, а не только в отношении Республики Беларусь, следует отметить, что Российская Федерация в

© **Иванцов Алексей Васильевич** – аспирант общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Московского городского педагогического университета. **Адрес:** 129226, Россия, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4. **E-mail:** Aliaksei.Ivantsou@yandex.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520189097>

настоящее время реализует свою внешнеполитическую стратегию с учётом достижения государством статуса сверхдержавы, практически аналогичного СССР. Россия продолжает активную политику, направленную на расширение зон своего политического влияния как в имеющих стратегическое значение для Москвы регионах мира, так и в авторитетных международных организациях. Одновременно Россия прилагает значительные усилия для повышения своей роли на региональном уровне в отношении государств бывшего СССР и ближайших соседей. Международная политика, осуществляемая Москвой, отражает сугубо прагматическую внешнеполитическую позицию России, основанную на том, что процесс повышения её политико-экономического авторитета и влияния в мире базируется на налаживании равноправных и взаимовыгодных отношений с партнёрами, отказе от использования военных, экономических угроз. Следует отметить, что Россия при этом также не избегает использования “мягкой силы” в международных отношениях [Лекции. Орг., 2018].

Таким образом, общегосударственные интересы Российской Федерации формируются в том числе на внешнеполитическом поле, на внеидеологической основе, видоизменяются в зависимости от складывающейся на международном пространстве ситуации [Корзун, 2004] и имеют целью эффективное решение актуальных международных задач России, связанных с выработкой и реализацией политики в отношении к трем основным группам своих внешнеполитических контрагентов: к союзникам, к Западу, к странам “третьего мира”.

В соответствии с концепцией внешней политики Российской Федерации, утверждённой президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г., приоритетное развитие уделяется двустороннему и многостороннему сотрудничеству с государствами – участниками Содружества Независимых Государств (СНГ) и дальнейшему укреплению действующих на пространстве СНГ интеграционных структур с российским участием. Кроме того, предусмотрено расширение стратегического взаимодействия России с Белоруссией в рамках Союзного государства в целях развития интеграционных процессов во всех сферах [МИД РФ – Концепция внешней политики, 2018].

С учётом изложенного основными приоритетными направлениями внешней политики Российской Федерации являются:

- создание страной новой системы доверительных взаимовыгодных отношений с бывшими социалистическими странами;
- вхождение Российской Федерации в европейское и мировое политическое общество;
- разработка Российской Федерацией новых принципов в межгосударственных отношениях с бывшими республиками СССР;
- разработка Российской Федерацией в изменившемся геополитическом пространстве новой военно-политической доктрины;
- активизация отношений России с Китаем, а также странами Юго-Восточной Азии;
- равноправное и последовательное развитие отношений Российской Федерации с США, при противодействии реализации политики “однополюсного” мира под эгидой США;
- участие Российской Федерации в миротворческих акциях под эгидой ООН [Лекции. Орг., 2018].

Внеэкономические отношения

При оценке внешнеэкономической политики России следует учитывать, что её экономика и в настоящее время продолжает в большой степени зависеть от экспорта сырья. Это делает страну зависимой от конъюнктуры мировых рыночных цен. Несмотря на то что страна обладает богатейшими природными ресурсами, большинство полезных ископаемых находится на труднодоступных территориях, их добыча является весьма сложной и дорогостоящей. Это обстоятельство также снижает конкурентоспособность российского экспорта. В непростом положении находится сельскохозяйственный сектор экономики Российской Федерации. Вместе с тем можно констатировать заметную активизацию российского аграрно-промышленного комплекса, вызванную санкционной политикой Запада в отношении страны. Отмечается устойчивый рост производства сельскохозяйственной продукции, в том числе зерна [Thomas E. Sherer Jr., 2010].

Характеризуя отношения Российской Федерации и Республики Беларусь, следует учитывать историческую и культурную общность братских народов. Начиная с постсоветского периода, Россия и Беларусь являются стратегическими партнёрами во многих сферах. При этом такое партнёрство строится при соблюдении суверенитета и национальных интересов государств. Высокий потенциал российско-белорусских отношений неоднократно подчёркивали главы России и Белоруссии. Так, президент России В.В. Путин в поздравлении А.Г. Лукашенко в связи с 73-й годовщиной Победы в Великой Отечественной войне выразил уверенность, что традиции братской дружбы и взаимопомощи, закалённые в годы Великой Отечественной войны, «останутся надёжной основой для развития отношений между нашими странами». 10 мая 2018 г. в поздравительном послании Д.А. Медведеву по случаю его назначения на должность председателя правительства России президент Белоруссии А.Г. Лукашенко отметил, что «...В Республике Беларусь высоко ценят отношения братской дружбы и стратегического партнёрства с Российской Федерацией, вместе с которой мы реализуем масштабные интеграционные проекты» [БелаПАН, 2018].

Концептуальные положения внешней политики Республики Беларусь в современном мире основываются на исторически сложившихся в конце XX – начале XXI в. императивах, главными из которых являются обеспечение территориальной целостности, сохранение государственного суверенитета и независимости. Международное признание Белоруссии значительно расширилось. Базисом международной стратегии государства стало его дальнейшее включение в общемировые политические, экономические, культурные процессы. Характерной особенностью внешнеполитического курса Белоруссии является многовекторность. Этот принцип обеспечивает выполнение главной задачи внешней политики страны – отстаивание национальных интересов на международной арене, которые рассматриваются в широком контексте формирования нового демократического мироустройства, соблюдения принципа равноправия и невмешательства во внутренние дела. Среди основных интересов государства – геополитические, экономические и военно-политические. Геополитические связаны с поддержанием баланса между европейским и евроазиатским политическим, экономическим и стратегическим пространством, а также борьбой с терроризмом. Экономические направлены на интеграцию белорусской экономики в европейский и мировой процесс. Военно-политические обеспечивают эффективную защиту суверенитета и территориальную целостность государства [Вестник БГУ, 2018].

Республика Беларусь стремится к налаживанию равноправных отношений и взаимовыгодного сотрудничества со всеми странами, готовыми идти на контакт при соблюдении этих условий.

Белоруссия имеет выгодное географическое положение, обусловленное её нахождением в центре Европы на перекрестке важнейших торгово-коммуникационных путей. Экономика республики носит открытый характер и ориентирована на экспорт. Важнейшими её целями являются обеспечение реализации конкурентных преимуществ страны при осуществлении внешней торговли, создание политических, экономических и правовых условий для закрепления позиций белорусских товаропроизводителей на имеющихся и новых рынках сбыта, расширение торгово-экономических связей с различными странами, региональными союзами, международными экономическими организациями. Интеграция Белоруссии в глобальную систему мирохозяйственных связей способствует процессу её вступления в ВТО, а также формирование в рамках страны и мирового сообщества финансово-промышленных групп, транснациональных корпораций, развитие СЭЗ, евро-регионов и инновационных центров [Корзун, 2004].

Российско-белорусские отношения находятся в перечне основных приоритетов внешней политики обеих стран, установивших дипломатические отношения между собой 25 июня 1992 года.

В апреле 1996 года было создано Сообщество России и Белоруссии, в апреле 1997 г. образован Союз Белоруссии и России.

8 декабря 1999 г. был подписан Договор о создании Союзного государства Белоруссии и России. Этот документ стал вехой в новейшей истории развития России и Белоруссии и определил пути и принципы их дальнейшего сотрудничества.

Руководящим органом Союзного государства является Высший государственный совет, в состав которого входят главы государств, руководители их парламентов и правительств. В Совет министров входят главы правительств, министры иностранных дел, экономики и финансов России и Белоруссии. В рамках Союзного государства действует также парламентское собрание. Рабочим органом Союзного государства является постоянный комитет под руководством государственного секретаря Г.А. Рапоты [Залесский, 2011].

Прямым результатом интеграционных процессов, действующих в рамках Союзного государства, стал выход двух стран на уровень тесного взаимодействия. Правовую базу двусторонних отношений России и Белоруссии составляют более 160 межгосударственных и межправительственных договоров и соглашений в различных областях общественно-политической жизни [Дунец, 2014].

В соответствии с Договором о равных правах граждан, подписанным двумя странами 25 декабря 1998 г., в рамках Союзного государства проводится планомерная работа в социальной сфере. Важным шагом в реализации этого документа стало обеспечение равных возможностей в получении российскими и белорусскими студентами бесплатного образования и их дальнейшее трудоустройство по специальности, а также обеспечение гражданам двух стран одинаковых имущественных прав. Работа в данном направлении существенно активизировалась после вступления в 2006 г. в силу пакета соглашений об обеспечении равенства прав российских граждан, находящихся в Белоруссии, и белорусских граждан, находящихся в России, в сфере здравоохранения, социального обеспечения и налогообложения. Равными правами в сфере образования в настоящее время пользуются более 20 ты-

сяч белорусских студентов, обучающихся в Российской Федерации, и более 2 тысяч россиян, которые проходят обучение в белорусских вузах. Также ведётся работа по гармонизации в рамках Союзного государства законодательства в экономической сфере, в области налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики и валютного регулирования [Посольство РФ в РБ, 2018].

В настоящее время Россия и Белоруссия по сути находятся в едином миграционном пространстве, благодаря чему обеспечиваются выгодные и удобные условия взаимных поездок по внутренним национальным документам без прохождения гражданами обеих стран таможенного и пограничного контроля. Граждане двух стран имеют возможность находиться на территории другого государства (России или Белоруссии, соответственно) без регистрации и постановки на миграционный учёт в течение 30 дней [Посольство РФ в РБ, 2018].

Активно развиваются российско-белорусские торгово-экономические связи. Региональное сотрудничество двух государств базируется на производственной кооперации, взаимной торговле, оказании различных видов услуг, а также на информационном обмене [Бородин, 2010].

На V форуме регионов России и Белоруссии, состоявшемся в октябре 2018 года в г. Могилеве, В.В. Путин подчеркнул, что Россия дорожит союзническими отношениями с Белоруссией. Москва и Минск стремятся наращивать связи по всем направлениям на принципах добрососедства и взаимной выгоды. Большое значение придается торгово-экономическому сотрудничеству, торгово-экономическим связям, укреплению инвестиционного взаимодействия. В рамках Союзного государства осуществляются несколько десятков отраслевых программ. При этом особый упор делается на создание передовой наукоёмкой продукции, стимулирование российского и белорусского бизнеса к более энергичному внедрению инноваций в реальный сектор экономики. А.Г. Лукашенко, в свою очередь, заявил о взаимной заинтересованности в развитии межрегиональных связей, о чём свидетельствует высокая интенсивность обмена визитами делегаций различного уровня. Подписано порядка 80 договоров о сотрудничестве с 36 субъектами Российской Федерации. В настоящее время почти с 60 регионами России созданы совместные рабочие группы и советы по деловому сотрудничеству.

Несмотря на некоторые разногласия по вопросам качества поставляемой из Белоруссии в Россию молочной продукции, Россия продолжает оставаться для нее ключевым рынком.

Международная кооперация

Взаимодействие России и Белоруссии на международной арене характеризуется своей согласованностью. Многосторонние соглашения о сотрудничестве России и Белоруссии связывают их также в рамках таких организаций, как СНГ, ОДКБ, ЕАЭС и других международных объединений. Россия и Белоруссия совместно работают над продвижением интеграционных процессов на евразийском пространстве. По линии Евразийского экономического союза формируется единый рынок товаров, услуг, капиталов и рабочей силы.

Успешно реализуется программа согласованных действий России и Белоруссии в сфере внешней политики. Выработке общих решений на внешнеполитическом направлении во многом способствуют проводимые с 1999 г. в регулярном порядке совместные заседания коллегий министерств иностранных дел этих стран и систематические встречи глав их внешнеполитических ведомств.

Важнейшим направлением сотрудничества двух стран является укрепление российско-белорусских отношений в сфере обороны и безопасности. В 2001 г. была принята военная доктрина Союзного государства. 3 февраля 2009 г. между Российской Федерацией и Республикой Беларусь подписано Соглашение о совместной охране внешней границы Союзного государства в воздушном пространстве и создании Единой региональной системы противовоздушной обороны. 10 декабря 2009 г. подписан Договор о развитии военно-технического сотрудничества. Вошли в практику совместные российско-белорусские военные учения, проводимые на территории сторон [Учебные материалы онлайн, 2018].

Следует подчеркнуть, что Россия и Белоруссия осуществляют также взаимодействие в области безопасности в рамках Организации Договора о коллективной безопасности, где обе страны принимают участие в совместных с другими членами этого международного объединения учениях по различной проблематике.

19 июня 2018 г. в Минске прошло заседание Высшего государственного совета в Минске, где обсуждались актуальные вопросы повышения эффективности Союзного государства.

В целом к вопросу повышения эффективности Союзного государства главы Белоруссии и России отнесли дальнейшее расширение двустороннего сотрудничества, развитие интеграционных процессов и наращивание взаимодействия в экономической сфере.

Подчёркивалась важность закрепления положительных тенденций и обеспечения дальнейшего наращивания торговых отношений, в том числе за счёт устранения взаимных барьеров, изъятий, а также создания равной конкурентной среды.

Глава Белоруссии подчеркнул увеличивающуюся роль постоянного комитета Союзного государства, которому с целью повышения эффективности Союзного государства надо обеспечить системное и регулярное сотрудничество профильных министерств и ведомств Белоруссии и России.

Внешнеполитическое сотрудничество между Белоруссией и Россией представляет собой важный аспект сотрудничества. Планируется улучшение координации подходов к проблемам региональной и общеевропейской безопасности, совместно-му противодействию новым вызовам и угрозам.

По мнению Владимира Путина, большие перспективы дальнейшего сотрудничества Белоруссии и России в рамках Союзного государства имеются в сфере энергетики. В конце 2019 г. состоится запуск первого энергоблока Белорусской атомной электростанции, а в 2020-м – второго энергоблока. Белоруссия и Россия также реализуют совместные проекты по модернизации газотранспортной системы.

Также, российский лидер отметил, что обеим сторонам необходимо приложить больше усилий для того, чтобы увеличить выпуск наукоёмкой продукции.

* * *

Российская Федерация и Республика Беларусь являются стратегическими партнёрами на международной политической арене. Страны создали Союзное государство и, несмотря на трудности, успешно реализуют этот уникальный, не имеющий аналогов в мировой практике межгосударственных отношений, совместный интеграционный проект, создающий реальные предпосылки обеспечения национальной безопасности и устойчивого поступательного развития российского и белорусского народов.

Список литературы

Белорусская информационная компания БелаПАН (2018). [Электронный ресурс]. URL: <https://naviny.by/new/20180509/1525847857-sdelal-po-svoemu-lukashenko-v-otlichie-ot-putina-pozdravil-margvelashvili-i>. (дата доступа: 10.05.2018).

Белорусская информационная компания БелаПАН (2018). [Электронный ресурс]. URL: <https://naviny.by/new/20180508/1525779360-putin-pozdravil-lukashenko-s-dnem-pobedy>. (дата обращения: 10.05.2018).

Бородин П. (2010) Регионы Беларуси и России — основа торгово-экономического взаимодействия / П. Бородин // Беларусь – Россия: сотрудничество регионов: информ.-интеграц. проект / сост. Б.Л. Залесский, Е.А. Коровкин М.Е. Коровкина. Минск: БЕЛТА. С. 6–13.

Вестник БГУ (2018). Шарапо А.В. Внешняя политика Республики Беларусь на современном этапе. [Электронный ресурс]. URL: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/39829/1/sharapo.pdf>. (дата обращения: 04.05.2018).

Дунец Н.А. (2014) Ключевые аспекты военно-политического сотрудничества Беларуси и России на современном этапе / Н. А. Дунец // Беларусь в современном мире = Беларусь у сучасным свеце: материалы XIII Международной конференции, посвящённой 93-летию образования Белорусского государственного университета, 30 октября 2014 г. / редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. — Минск: Изд. центр БГУ. С. 46–48.

Залесский Б.Л. (2011) Движение побратимства и региональная пресса Союзного государства Беларуси и России / Б. Л. Залесский // Сборник научных статей студентов, магистрантов, аспирантов: в 2-х т. Т. 1 / сост. С.В. Анцух; под общ. ред. В.Г. Шадурского. — Минск: Издательство “Четыре четверти”. С. 37–39.

Информационно-аналитический портал Союзного государства. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.soyuz.by/news/daytheme/bel/40019.html> (дата обращения: 16.08.2018).

МИД РФ (2018) Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.). С. 2–3.

Корзун В.М. (2004) Внешнеэкономическое сотрудничество Республики Беларусь в контексте устойчивого развития / В.М. Корзун // Беларусь в современном мире: материалы III Республиканской научной конференции, 28–29 октября 2004 г. / редкол.: А.В. Шарапо [и др.]. Минск: РИВШ. С. 273–275.

Лекции. Орг (2018). Основные направления внешней политики РФ на современном этапе. [Электронный ресурс]. URL: <https://lektsii.org/9-64246.html> (дата обращения: 01.05.2018).

Посольство Российской Федерации в Республике Беларусь (2018). Российско-белорусские отношения. [Электронный ресурс]. URL: https://belarus.mid.ru/spravocnye-materialy/asset_publisher/9CH6VzS6hIWV/content/rossijsko-belorusskie-otnosheniya (дата обращения: 02.05.2018).

Учебные материалы онлайн (2018). Современное состояние отношений России и Беларуси. [Электронный ресурс]. URL: https://studwood.ru/1332304/ekonomika/sovremennoe_sostoyanie_otnosheniy_rossii_i_belarusi. (дата обращения: 02.05.2018).

Электронное периодическое издание “Парламентская газета”. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pnp.ru/politics/rossiya-dorozhit-otnosheniyami-s-belorussiey-zayavil-putin.html> (дата обращения: 13.10.2018).

Thomas E. Sherer Jr., Thom Werthman, Joseph Gonzalez (2010) “*The Complete Idiot's Guide to Geography*”. 351 p.

References

Belarusian information company BelaPAN (2018), available at: <https://naviny.by/new/20180509/1525847857-sdelal-po-svoemu-lukashenko-v-otlichie-ot-putina-pozdravil-margvelashvili-i> [Accessed: 10.05.2018].

Belarusian information company BelaPAN (2018), available at: <https://naviny.by/new/20180508/1525779360-putin-pozdravil-lukashenko-s-dnem-pobedy> [Accessed: 10.05.2018].

Borodin P., (2010), “*Regions of Belarus and Russia – the basis of trade and economic cooperation*” [“*Regiony Belarusi i Rossii – osnova torgovo-ekonomicheskogo vzaimodeistviya*”] / P. Borodin // Belarus – Russia: cooperation of regions: inform.-integr. project [Belarus – Rossiya: sotrydnichestvo regionov: inform.-integr. proekta] / auth. B.L. Zalesky, E.A. Korovkin, M.E. Korovkina. – Minsk: BELTA. P. 6–13.

Dunets, N.A. (2014), “*Key aspects of military and political cooperations between Belarus and Russia at present time*” [“*Kluhevie aspekty voenno-politicheskogo sotrudnichestva Belarusi i Rossii na sovremennom etape*”] / N.A. Dunets // Belarus in modern world = Belarus in modern world: materials of XIII International conference, devoted to the 93 anniversary of creation Belarusian State University [Belarus v sovremennom mire = Belarus v sovremennom mire: materialy XIII Mezdynarodnoi konferentsii, posvyaschennoi 93-letiu

obrazovaniya Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta], 30 October 2014. / auth.: V.G. Shadursky [and other]. – Minsk: publishing center BSU. P. 46–48.

Educational material online (2018), “Current state of relations between Russia and Belarus” [“Sovremennoe sostoyanie otnoshenii Rossii i Belarusi”], available at: https://studwood.ru/1332304/ekonomika/sovremennoe_sostoyanie_otnosheniy_rossii_i_bearusii [Accessed: 02.05.2018].

Elektronnoe periodicheskoe izdanie “Parlamentskaya gazeta” (2018) available at: <https://www.pnp.ru/politics/rossiya-dorozhit-otnosheniyami-s-belorussiei-zayavil-putin.html> (Accessed: 13.10.2018).

Embassy of the Russian Federation in the Republic of Belarus (2018), “Russian-Belarusian relations” / [Rossiisko-belorusskie otnosheniya / Posolstvo Rossiiskoi Federatsii v Respublike Belarus], available at: https://belarus.mid.ru/spravocnye-materialy/-/asset_publisher/9CH6VzS6hIWV/content/rossijsko-belorusskie-otnosheniya [Accessed: 02.05.2018].

Korzyn, V.M. (2004), “Foreign economic cooperation of the Republic of Belarus in the context of sustainable development” [“Vneshneekonomicheskoe sotrydnichestvo Respubliki Belarus v kontekste ystoichivogo razvitiya”] / V.M. Korzyn // Belarus in modern world: Materials of III Republican scientific conference [Belarus v sovremennom mire: materialy III Respublikanskoi naychnoi konferentsii], 28–29 October 2004 / auth.: A.V. Sharpo [and other]. – Minsk: RIKC. 273–275 p.

Lektsii.org (2018), “The main directions of foreign policy of the Russian Federation at present stage” [“Osnovnye napravleniya vneshney politiki Rossiiskoi Federatsii na sovremennom etape”], available at: <https://lektsii.org/9-64246.html> [Accessed: 01.05.2018].

Ministry of foreign Affairs of the Russian Federation (2018). Conception of foreign policy of Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation V.V. Putin 30 November 2016) [Konseptiya vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii (ytverzhdена Prezidentom Rossiiskoi Federatsii)] 2–3 p.

Thomas E. Sherer Jr., Thom Werthman, Joseph Gonzalez (2010) “*The Complete Idiot's Guide to Geography*”. 351 p.

Union State information analysis portal (2018), available at: <https://www.soyuz.by/news/daytheme/bel/40019.html> [Accessed: 16.08.2018].

Vestnik BSU (2018) Sharapo, A.V. “Foreign policy of the Republic of Belarus at the present stage” [Vneshnyaya politika Respubliki Belarus na sovremennom etape] available at: <http://elibrary.by/bitstream/123456789/39829/1/sharapo.pdf> [Accessed: 04.05.2018].

Zalessky, B.L. (2011), “Movement of sworn brotherhood and regional media of Union State of Belarus and Russia” [“Dvizhenie pobratimstva i regionalnaya pressa Souznogo gosudarstva Belarusi i Rossii”] / B.L. Zalessky // Collection of scientific articles of students, undergraduates, postgraduates: in 2 p. P. 1 [Sbornik naychnykh statey studentov, magistrrov, aspirantov: v 2-h t. T.1] / auth. S.V. Ancuh; under gen.edit. V.G. Shadurskogo. – Minsk: Publishing house “Four quarters”. P. 37–39.

The main stages and preconditions for post-Soviet integration in Russian Federation and the Republic of Belarus

Author. Ivantsov A., Graduate student of the department of Philosophy and Social Sciences of Moscow City Pedagogical University **Address:** 129226, Russia, Moscow, 2-nd Selskokozyaistvenniy proezd, 4. **E-mail:** Aliaksei.Ivantsou@yandex.ru

Abstract. The article examines the main modern strategies implemented by the Russian Federation and the Republic of Belarus in international relations. It describes the directional vectors of a coherent nature of the foreign policy of the two countries, as a result of which Moscow and Minsk are actively speaking with one or similar voices on the major international issues, working closely in the UN and other universal and regional organizations. The positive dynamics of the long-term strategic mutually beneficial nature of modern Russian-Belarusian cooperation is revealed, beginning in 1992, when the countries gained independence and began a sovereign path of development. It is emphasized that the integration of the Russian and Belarusian economies within the framework of the Union State is expanding and is in constant development. It has no analogues in other states of the post-Soviet space. Allies implement several dozen joint industry programs. Particular attention is paid to the creation of the latest high-tech products, stimulating business to actively introduce innovations in the real sector of the economies of Russia and Belarus.

Key words: international relations, national interest, political strategies of international cooperation, integration, foreign policy, regional cooperation.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520189097>

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

УДК 338.26

Ксения ВЛАСОВА

Наталья ГОВОРОВА

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ГРЕЦИИ 2008–2018 ГГ.: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация: социально-экономическая парадигма, существовавшая в Греции с начала 1980-х гг., стала рушиться после наступления мирового финансового кризиса. Главными из условий предоставления финансовой помощи Греции со стороны международных кредиторов стали требование срочного проведения внутренних реформ, прежде всего в социальной сфере, и настоятельный призыв к жёсткой экономии. С одной стороны, в течение 2008–2018 гг. Афинам удалось провести реформирование социальной сферы, что в конечном итоге привело к фактическому краху греческого социального государства. С другой – греческая экономика после длительного спада стабилизировалась, продемонстрировала положительный рост и начала понемногу расти. Однако кризисное наследие и незавершённые программы реформ в большинстве областей негативно влияют на перспективы Греции в плане повышения производительности, конкурентоспособности, улучшения бизнес-среды и социальной интеграции.

Ключевые слова: Греция, Европейский Союз, социальное государство, социально-экономические реформы.

Социально-экономическая модель, наблюдающаяся в Греции до недавнего времени, начала складываться с начала 1980-х гг., когда в результате вхождения страны в Европейское Экономическое Сообщество в 1981 г. стали проводиться полномасштабные социальные реформы, подкреплённые приходом к власти в том же году правительства социалистов (партии “Всегреческое социалистическое движение”, ПАСОК) [Matsaganis, 2005: 24 – 64].

© **Власова Ксения Викторовна** – к.и.н., старший научный сотрудник отдела Черноморья-Средиземноморья Института Европы РАН. **Адрес:** 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3, доцент Вятского государственного университета. **Адрес:** 610002, Россия, Киров, ул. Ленина, д. 111. **E-mail:** vlasovaksen@gmail.com

Говорова Наталья Викторовна – к.э.н., ведущий научный сотрудник отдела экономических исследований Института Европы РАН. **Адрес:** 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3, доцент кафедры экономики Московского технологического института. **Адрес:** 119334, Россия, Москва, Ленинский проспект, д. 38А. **E-mail:** n_govorova@mail.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope5201898109>

С приходом ПАСОК “были существенно пересмотрены социальные цели, а также введены новые правила для всеобщего социального страхования, улучшения доступа к социальным услугам, сглаживания регионального неравенства, перераспределения ресурсов для нуждающихся и слоёв населения с более низкими доходами” [Yfantopoulos, 2007: 329]. Так, например, правительство А. Папандреу определило продолжительность отпуска в четыре недели для всех категорий трудящихся, а рабочую неделю – в 40 часов с 1 января 1983 г. Были также разработаны программы занятости для инвалидов, повышены пенсии, предоставлены различные льготы средним и мелким предпринимателям, “что должно было дать толчок развитию периферии, сельского хозяйства и выровнять темпы экономического развития по всей стране” [Рытов, 2006: 80].

Однако единой и безотказно работающей социальной сферы построить не удалось, поскольку все структуры по большей части остались разрозненными. С одной стороны, ключевыми достижениями социальных реформ стало значительное увеличение пенсий и принятие национального трудового законодательства, а с другой – системы образования и здравоохранения остались по большей части недоработанными.

Крах социального государства

В 2007 г. разразился мировой финансовый кризис, оказавший серьезное влияние на внутреннюю ситуацию в Греции. Тогдашний премьер-министр К. Караманлис, лидер партии “Новая демократия”, назначил досрочные парламентские выборы, в результате которых в октябре 2009 г. к власти вновь пришли социалисты.

Новое правительство, возглавляемое Г. Папандреу-младшим, было вынуждено обратиться к мировым кредиторам за финансовой помощью и вслед за этим приступить к серьёзным внутренним реформам на фоне резкого увеличения государственного долга и нарастающих показателей экономического спада.

Одно из главных требований так называемой Тройки кредиторов (МВФ, ЕЦБ и Еврокомиссии) по предоставлению финансовой помощи Греции состояло в требовании масштабных внутренних преобразований и повышения качества управления страной при одновременном существенном снижении уровня коррупции и свёртывании ранее принятых социальных льгот.

В ходе длительных дискуссий между правительством Греции и кредиторами удалось добиться принятия программы помощи в мае 2010 г.: в обмен на предоставляемые 110 млрд евро страна была вынуждена начать политику всеобщей бюджетной экономии [European Economy, 2016: 8].

К концу 2018 г. Греции удалось провести ряд структурных реформ, затронувших прежде всего социальную сферу. Наиболее назревшей стала пенсионная реформа, а также преобразования в области трудового законодательства, здравоохранения и образования.

Реформа пенсионной системы. Тройка кредиторов и правительство в качестве долгосрочной цели поставило к 2050 г. снижение уровня государственных расходов на пенсионную систему в размере 8,5% от ВВП [IMF, 2010: 41]. Как следствие, в

2010 г. был принят закон №3865/2010 о реформировании пенсионной системы (так называемая реформа Ловерду – Кутрумани).

Согласно нововведениям, был увеличен возраст выхода на пенсию, который, постепенно увеличиваясь, с 2013 г. составил 63 года (и для мужчин, и для женщин). Кроме того, начиная с 2020 г. возраст выхода на пенсию будет корректироваться каждые три года в зависимости от показателей ожидаемой продолжительности жизни. При этом досрочный выход на пенсию стал ограниченным и возможным только с 60 лет после 2011 г., а минимальный срок отчислений пенсий постепенно поднят от 37 до 40 лет.

Реформа, помимо этого, предполагала снижение размера пенсий следующим образом. Во-первых, пенсионные выплаты всех граждан были заморожены в течение 2011–2013 гг., и их индексация с 2014 г. проводится с учётом изменений индекса потребительских цен вместо индексации в соответствии с изменениями в размерах пенсий на государственной службе. Во-вторых, льготы для новых претензий должны основываться на среднем заработке в карьере, а не на пяти самых высокооплачиваемых из последних десяти лет. В-третьих, среднегодовой коэффициент начисления, при котором накапливается право на будущие пенсионные выплаты, будет ограничен 1,2% от заработной платы, что составит менее щедрую пенсию (не более 360 евро). В-четвертых, предполагалось введение единого бонуса в 800 евро в год, который заменил так называемые сезонные бонусы (на Рождество, Пасху и лето) и стал доступен только тем, у кого пенсия составила менее 2500 евро в месяц. В результате ежемесячные пенсии в размере более 1400 евро сократились в среднем на 8%. При этом пенсии более 1400 евро в месяц стали облагаться налогом (от 5 до 10%) начиная с августа 2010 г.

Однако многие меры, предусмотренные в законе 2010 г. и которые должны были вступить в силу с 2015 г., были отложены правительством СИРИЗА, избранным в январе того же года. Соответственно, для реализации закона понадобилась его новая редакция, которая вышла в свет в 2016 г. (4387/2016) с полной детализацией механизма по начислению пенсионных выплат. В частности, было обговорено, что пенсия будет выплачиваться только тем, кто постоянно и юридически проживает в Греции не менее 15 лет подряд в возрасте от 15 до 65 лет, и в том году, когда произойдет достижение предельного возраста для выплаты пенсии.

Под давлением международных кредиторов правительство также было вынуждено принять закон 4472/2017, который предполагает с января 2019 г. дополнительное сокращение каждой пенсии на 18% (как основного взноса, так и вспомогательных выплат); замораживание существующих пенсий на текущем уровне до конца 2022 г. и отмену пособия по социальной солидарности к концу 2019 г.

Трудовое законодательство. Помимо сокращения размера пенсий, уменьшилось и базовое пособие по безработице с марта 2012 г. на 22%, составив 14,40 евро в день, или 360 евро в месяц. Следовательно, пособие было сокращено до 297 евро для лиц, чья последняя месячная заработная плата колебалась от 157 до 314 евро, и до 198 евро для лиц с доходом до 157 евро (закон 4046/2012).

Параллельно снизился и минимальный размер заработной платы, которая составила 586 евро в месяц (после вычета взносов и налогов социального страхования чистая месячная зарплата будет составлять 476,35 евро, а для лиц младше 25 лет – 426,64 евро) (законы 4046/2012 и 4093/2012).

Реформа здравоохранения. Свёртывание бюджетных средств затронуло также систему здравоохранения Греции, что связано прежде всего с созданием единой Национальной организации здравоохранения (ЕОПΥΥ) [НΠρωτοβάθμιαΦροντίδαΥγείας..., 2013]. Агентство возникло в соответствии с законом 3918/2011 и начало работу с 1 января 2012 г. Под его эгидой в течение 2012–2013 гг. были объединены крупнейшие страховые фонды страны. Благодаря нововведениям было сокращено неравенство между различными профессиональными группами в отношении объёма, уровня и качества получаемых медицинских услуг, введён контроль медицинских рецептов, новые правила ценообразования на фармацевтическую продукцию и проч. [Karakolias S.E., Polyzos N.M., 2014].

В 2014 г. вышел новый закон 4238, который потребовал разграничений между медицинским страхованием и услугами служб первичной и вторичной помощи, с одной стороны, осуществляемыми ЕОПΥΥ, и предоставлением (публичной) первичной медико-санитарной помощи, которой должен заниматься новый орган – Первичная национальная сеть здравоохранения (ΠΕΔΥ). Однако нововведения показались многим греческим врачам неприемлемыми, и многие предпочли уволиться или вообще мигрировать из страны [Ποτήρης Α., Σαράφης Π., 2014; Πετρεζίδου Μ., Παπαναστασίου Σ., et al., 2015: 96–97].

Реформа образования. По мнению правительственных чиновников, наличие 40 государственных вузов для страны, население которой насчитывает около 11 млн человек, это слишком много. Поэтому в Греции с 2013 г. начал реализацию давно обсуждаемый и довольно дискуссионный “проект Афина” [ΤελικήΠρότασηΣχεδίου “ΑΘΗΝΑ”, 2013], согласно которому пять крупнейших греческих университетов были объединены в единый Национальный университет имени Адамандиоса Кораиса. Был также создан единый Политехнический университет (ΤΕΙ), объединивший крупные региональные политехнические институты. Самостоятельными остались лишь два старейших вуза страны – Афинский и Политехнион. В оставшихся вузах произошло укрупнение факультетов и кафедр в основном за счёт гуманитарных специальностей. Кроме того, в 12 городах Греции вообще были ликвидированы государственные вузы, студентам и преподавателям которых было предложено переехать в соседние города [Χρυσοαλλίδης, 2013: 49 – 51].

В дополнение к “проекту Афина” была разработана и принята национальная программа реформ, раздел о высшем образовании которой включил в себя сложную оценку результативности работы университетов, от чего, собственно, и будет зависеть дальнейшее государственное финансирование [Greek National Reforms Programme, 2014: 22 – 27].

Следовательно, созданное ПАСОК социальное государство не смогло пройти испытание мировым кризисом, и от всех достигнутых завоеваний пришлось в итоге отказаться. После реформирования, а считай, ломки, социальной сферы многие эксперты заговорили о полномасштабном социальном кризисе в Греции, когда налицо были быстрая деградация социальной сферы, падение общего уровня жизни у большей части трудоспособного населения, которое в массовом порядке старается покинуть страну. Неудивительно, что “социальные показатели отмечают менее “счастливую” Грецию с наименьшим доверием политиков к “структурным реформам”, со значительными экономическими, пенсионными и социальными пробле-

мами, выходящими за рамки настоящего, и “аморальным” бременем для грядущих поколений” [Υφαντόπουλος, 2012].

Экономические преобразования

По заявлению институтов ЕС Греция успешно преодолела долговой кризис и в августе 2018 г. завершила программу Европейского стабилизационного механизма (ESM). С 2010 г. страна принимала финансовую помощь от государств – членов еврозоны. С мая 2010 по декабрь 2011 г. поддержка по первой программе макроэкономической корректировки составила 52,9 млрд евро; с марта 2012 г. по февраль 2015 г. в рамках второй программы Греция получила кредиты, предоставленные Европейским фондом финансовой стабильности на сумму 130,9 млрд евро; с августа 2015 по июнь 2018 г. – займы ESM в размере 59,9 млрд евро. Кроме того, в поддержку первой и второй программ экономической корректировки Афинам была предоставлена также финансовая помощь от МВФ в размере 32,1 млрд евро. В Греции было проведено большое число структурных реформ, охватывающих широкий спектр областей: финансовая устойчивость; финансовая стабильность; экономический рост, конкурентоспособность и инвестиции; государственное управление. В результате действий, предпринятых правительством страны, фискальные дисбалансы были в значительной степени скорректированы.

Еврогруппой был принят пакет мер для облегчения долгового бремени Афин, согласованы отсроченные платежи по процентам, а льготные сроки погашения кредитов стабилизационного фонда еврозоны продлены на десять лет – с 2023 на 2033 г. Греция вышла из программы помощи с денежным буфером в размере 24,1 млрд евро, что даст возможность покрывать суверенные финансовые потребности в течение примерно двух лет. В среднесрочной перспективе Греции для поддержки устойчивого экономического восстановления после затяжного спада, в свете долгового бремени и уязвимости финансового сектора необходимо завершить ключевые структурные реформы. Для устранения остаточных рисков и контроля за выполнением обязательств 11 июля 2018 г. Европейская комиссия (ЕК) приняла решение активизировать расширенную систему наблюдения¹ за Грецией сроком на шесть месяцев в соответствии со статьей 2 (1) Регламента (Европейского Союза) 472/2013 [Regulation (EU), 2013; Commission Implementing Decision, 2018] (вступил в силу 21 августа 2018 г.). Параллельно страна полностью интегрируется в европейскую семестровую структуру координации экономической и социальной политики.

В 2017 г. экономика после долгого перерыва продемонстрировала положительный рост, основными фактором которого стали инвестиции (их динамичному развитию способствует дальнейшее улучшение экономических настроений и текущая программа приватизации) и отчасти экспорт [Spring 2018 Economic Forecast – Greece, 2018], а бюджет выполнен с профицитом 0,8% ВВП (1,454 млрд евро). Ожидается, что реальный ВВП вырастет на 1,9% в 2018 г. и до 2,3% в 2019 и

¹ Усиленный надзор – это постпрограммная структура тщательного мониторинга экономической и финансовой ситуации, адаптированная к Греции с учётом многолетнего кризиса и предусматривающая ежеквартальные отчёты. Мониторинг будет проводиться ЕК в сотрудничестве с ЕЦБ и при необходимости с МВФ.

2020 гг., 2,1% в 2021 г. и 1,8% в 2022 г. При этом рост сдерживается недостаточной эффективностью частного потребления из-за слабой динамики показателей рынка труда, восстановление которого может занять несколько лет. В 2017 г. занятость выросла на 2,1%, уровень безработицы уменьшился до 21,5%, и к 2019 г. ожидается его снижение до 18,4%, к 2022 г. – до 14,9%, при том что заработная плата будет расти незначительно. Общий профицит правительства, как ожидается, достигнет 0,4% ВВП в 2018 г. и 0,2% ВВП в 2019 г. Государственный долг снизился со 180,8% до 178,6% ВВП и, согласно прогнозам, будет уменьшаться [European Commission, 2018].

Афины взяли на себя обязательства по обеспечению непрерывности и завершению реформ, принятых в рамках программы ESM, изложенные в Приложении к заявлению Еврогруппы [Specific Commitments, 2018]. Это прежде всего обеспечение первичного профицита бюджета в размере 3,5% ВВП в среднесрочной перспективе, обновление налогов на недвижимость, продолжение реформы в области управления государственными финансами (без накопления новых задолженностей). Власти продолжают осуществление реформ, направленных на приватизацию, восстановление доверия к банковской системе и правосудию. Конкурентоспособность на рынках труда, товаров и услуг будет обеспечиваться посредством ежегодного обновления минимальной заработной платы, борьбы с незадекларированной работой, лицензирования инвестиций, завершения кадастровых работ и создания соответствующего агентства. Руководство страны гарантирует реализацию реформ по модернизации управления людскими ресурсами в государственном секторе, принятие Кодекса законов о труде и выполнение национального плана борьбы с коррупцией в соответствии с рекомендациями GRECO (Group of States against Corruption)¹.

В июне 2018 г. парламент страны одобрил законопроект о новых реформах, ведущих к снижению размера пенсий и уровня дохода, не облагаемого налогом, а также расходов бюджета на социальные нужды, повышению налогов, приватизации государственных предприятий.

Цена, которую пришлось заплатить

Повышение налогов, отмена льгот, реформы пенсионной системы и рынка труда отразились на социально-экономических показателях. С 2008 по 2016 г. численность населения сократилась с 11,2 до 10,9 млн человек, валовой внутренний продукт уменьшился с 357,5 до 194,2 млрд долл., ВВП Греции как часть мирового ВВП по ППС упала с 0,49 до 0,24%. Реальный ВВП демонстрировал только отрицательный рост (2014 г. исключение), наиболее драматичное падение произошло в 2011 – 2012 гг., и в результате ВВП на душу населения сократился практически вдвое. Дефицит бюджета был максимальным в 2009, 2010 и 2013 гг. и сменился на профицит только в 2016 г., а госдолг был беспрецедентным для государства – члена ЕС. За десять лет последний вырос почти на 60% – с 264,775 до 317,407 млрд евро (табл. 1).

¹ ГРЕКО – международная организация, основанная в 1999 г. Советом Европы для помощи странам-участницам в их борьбе с коррупцией. Членами группы являются 49 стран, в том числе Россия.

Таблица 1.

Отдельные экономические показатели, 2008–2017 гг.

Год	Рост ВВП, % к предыдущему году	Государственный долг, % ВВП	Дефицит / про- фицит бюджета, % ВВП	ВВП на душу населения, долл. США
2008	-0,3	109,4	-10,2	32004,6
2009	-4,3	126,7	-15,1	29635
2010	-5,5	146,2	-11,2	27302
2011	-9,1	172,1	-10,3	27073
2012	-7,3	159,6	-8,9	22055
2013	-3,2	177,4	-13,2	21857
2014	0,7	178,9	-3,6	21653
2015	-0,3	176,8	-5,7	18064,3
2016	-0,2	180,8	0,6	17900,7
2017	1,4	178,6	0,8	:

: - нет данных

Источник: Hellenic Statistical Authority, WEF.

В исследуемый период конкурентоспособность страны значительно снизилась – худший результат был зафиксирован в 2012 г., по версии ВЭФ, 96-е место из 144 стран [WEF, 2012 – 2013]. Однако остались практически неизменными факторы, мешающие развитию бизнеса. Это прежде всего уровень и регулирование налогов, неэффективное государственное управление, политическая нестабильность, недоступность финансирования, коррупция, неадекватный уровень инфраструктуры и ограничения трудового законодательства. При этом такие параметры, как здоровье и начальное образование, а также высшее образование и профессиональная подготовка, находятся на сравнительно высоком уровне.

В современном мире происходит обоюдное движение людей и международных инвестиций; первые направляются к лучшим рабочим местам и вознаграждению, вторые – движутся в направлении территорий с оптимальным соотношением талант/цена. Государства конкурируют на мировой арене не только за рынки сбыта товаров и услуг, но и за высококвалифицированную рабочую силу – основной актив современной экономики, которую необходимо вырастить, сохранить и/или привлечь. Высокий уровень развития человеческого потенциала, обусловленный прежде всего долгой продолжительностью жизни и хорошим уровнем образования населения [UNDP, 2016], позволил стране иметь рабочую силу, конкурентоспособность которой на мировом уровне за последние пять лет заметно улучшилась [The Global Talent Competitiveness Index, 2013 – 2018]. Парадоксально, но это происходит на фоне драматически ухудшающихся социальных показателей, снижения уровня и качества жизни населения (табл. 2).

Стоит отметить, что скорректированный с учётом неравенства показатель человеческого развития существенно ниже в большинстве стран, но в Греции особенно, вследствие уменьшения составляющей дохода (более чем на 20%) [UNDP, 2015]. Бедность и неравенство – одна из наиболее острых проблем греческого общества. Афины вносят свою отрицательную лепту в нелёгкий процесс борьбы ЕС с бедно-

стью и социальной исключённостью. В соответствии со стратегией “Европа 2020” – десятилетней программой по стимулированию разумного, сбалансированного и справедливого роста и повышению конкурентоспособности [Communication from the Commission Europe 2020...], разработанной ЕК в 2010 г., число материально неблагополучных европейцев должно сократиться (по отношению к 2008 г.) на 20 млн человек, из них обязательства Греции – 450 тыс. Однако по результатам 2017 г. их в стране стало больше на 655 тыс. человек.

Таблица 2.

Бедность и неравенство

Год	Бедность и социальная исключённость (AROPE), тыс., (%)	Бедные по доходам (после выплаты социальных трансфертов), тыс. чел., (%) ¹	Наиболее нуждающиеся материально неимущие, тыс. чел., (%) ²	Проживающие в домохозяйствах с крайне низкой интенсивностью труда, тыс. чел., (%) ³	Коэффициент Джини ⁴
2008	3 046 (28,1)	2 187 (20,1)	1213 (11,2)	611 (7,5)	33,4
2009	3 007 (27,6)	2 149 (19,7)	1198 (11,0)	539 (6,6)	33,1
2010	3 031 (27,7)	2 205 (20,1)	1269 (11,6)	619 (7,6)	32,9
2011	3 403 (31,0)	2 349 (21,4)	1667 (15,2)	978 (12,0)	33,5
2012	3 795 (34,6)	2 536 (23,1)	2141 (19,5)	1 158 (14,2)	34,3
2013	3 904 (35,7)	2 529 (23,1)	2223 (20,3)	1 466 (18,2)	34,4
2014	3 885 (36,0)	2 384(22,1)	2322 (21,5)	1 357 (17,2)	34,5
2015	3 829 (35,7)	2 293(21,4)	2377 (22,2)	1 309 (16,8)	34,2
2016	3 789 (35,6)	2 256 (21,2)	2388 (22,4)	1 330 (17,2)	34,3
2017	3 702 (34,8)	2 151 (20,2)	2241 (21,1)	1 198 (15,6)	33,4

Источник: Eurostat.

Для мониторинга прогресса в борьбе с бедностью и социальной изоляцией Совет министров ЕС по вопросам трудоустройства, общественной политики, здравоохранения и потребительских дел разработал показатель риска бедности и социальной исключённости (AROPE – A Risk of Poverty or Social Exclusion) [United Nation Economic Commission for Europe, 2013]. Он определяет численность населения,

¹ Уровень бедности рассчитывается во всех странах ЕС по единой методологии. Бедными признаются граждане, чьи доходы меньше 60% от суммы средних доходов в соответствующей стране.

² К наиболее нуждающимся в ЕС относятся лица, которые не могут позволить себе полноценное питание, отопление жилища, крупные материальные покупки, регулярный досуг, включая ежегодный выездной отдых, пользование компьютером с Интернетом, имеют просроченные задолженности.

³ Лица в возрасте 0–59 лет, проживающие в домохозяйствах, взрослые члены которых работали менее 20% от своего общего рабочего потенциала в течение прошлого года.

⁴ Индекс концентрации доходов – макроэкономический показатель, характеризующий степень отклонения фактического распределения общего объёма денежных доходов населения от линии их равномерного распределения. Значение коэффициента составляет от 0 до 100. Чем выше значение коэффициента, тем больше неравномерность распределения доходов.

подвергающегося риску бедности или испытывающего серьёзные материальные лишения или проживающего в домохозяйствах с очень низкой интенсивностью труда. По сравнению с другими странами ЕС население в Греции сильнее всех подвержено риску бедности и социальной исключённости [Говорова, 2016; Громыко Ал.А., Фёдоров В.П., 2017: 194–214], и ситуация существенно ухудшилась в исследуемый период. При этом большую часть греков можно отнести к группе риска, поэтому и коэффициент Джини, который существенно выше среднеевропейского уровня (30,8 в 2016 г.), в течение десяти лет менялся незначительно.

Основная причина социальной исключённости – вытеснение с рынка труда; бедность имеет прямое отношение к застойной безработице, критически (в четыре раза) выросшей за последнее десятилетие и достигшей 750 тыс. человек (максимум был зафиксирован в 2013 г. – 892,7 тыс.). Это очень тревожная тенденция, так же как более чем двукратное увеличение уровня безработицы среди лиц до 29 лет. Значительно превышает среднеевропейский уровень доля населения в возрасте от 15 до 24 лет вне занятости, образования или обучения (Notin Education, Employment, or Training, NEET), а также уровень женской безработицы на фоне низкого уровня занятости (табл. 3).

Таблица 3.

Показатели рынка труда

Год	Уровень занятости, %	Уровень безработицы, %			NEET, %, тыс. чел.
		Общая	Долговременная	Молодежная (15-29 лет)	
2008	66,3	7,8	47,1	16,2	11,4 (143)
2009	65,6	9,6	40,4	18,8	12,4 (150)
2010	63,8	12,7	44,6	24,4	14,8 (174)
2011	59,6	17,9	49,3	34,8	17,4 (200)
2012	55,0	24,4	59,1	43,7	20,2 (228)
2013	52,9	27,5	67,1	48,7	20,4 (226)
2014	53,3	26,5	73,6	45,0	19,1 (209)
2015	54,9	24,9	73,1	41,3	17,2 (185)
2016	56,2	23,5	72,0	38,4	15,8 (168)
2017	57,8	21,5	72,7	35,6	15,3 (160)

Источник: HellenicStatisticalAuthority

По данным Статистической службы Европейского Союза (Евростат) безработица в Греции, снизившись с максимума в 2013 г., составляла 20,1% в марте 2018 г. Долгосрочная безработица и безработица среди молодежи (43,8% в марте 2018 г.) также остаются чрезвычайно высокими. Неравномерность социально-экономического развития оказывает огромное влияние на параметры рынка труда и составляющие AROPE. Греческие регионы стали аутсайдерами (вошли в анти топ-10) как по общей безработице (Западная Македония, Западная Греция, Эпир и Центральная Македония), так и по молодёжной (Северные Эгейские острова, Эпир и Западная Македония) и долговременной (Аттика, Фессалия, Западная Греция, Эпир, Центральная Греция и Пелопоннес). В Греческой Республике наблюдается также боль-

шая разница в данных AROPE у коренного населения и мигрантов. Значительный разрыв зафиксирован по доле населения за чертой бедности ЕС, показателям бедности среди детей и старшего поколения, молодежи, числу наиболее нуждающихся.

* * *

Экономика Греции стабилизировалась и начала расти, в значительной степени устранены макроэкономические диспропорции. Однако кризисное наследие и незавершенные программы реформ в большинстве областей влияют на перспективы страны в плане повышения производительности, конкурентоспособности, улучшения бизнес-среды и социальной интеграции. Высокий государственный долг, зависимость от контроля над капиталом, а также тревожные социальные показатели, в том числе самый высокий в ЕС уровень безработицы и бедности, зависят от динамики и качества экономического роста и социальной сплоченности. Всё это тесно связано с необходимостью дальнейшего повышения эффективности государственного сектора, осуществления плана действий по борьбе с коррупцией, модернизацией судебной системы, оптимизации деятельности статистического агентства, гарантирующей его профессиональную независимость [IMF, 2018].

В течение следующих нескольких десятилетий Греция столкнется с резким старением населения. По прогнозам ЕК [European Commission, 2018, The 2018 Aging Report] население трудоспособного возраста сократится более чем на треть в период между 2020 и 2060 годами. При прочих равных условиях это будет означать ежегодное снижение на 1,6% в рабочей силе. Рост совокупной факторной производительности¹ за последние 47 лет в среднем составлял всего 0,25% в год, что является самым низким показателем в зоне евро. С учётом данной динамики производительность труда будет расти примерно лишь на 0,4%. Учитывая демографическую ситуацию, влияние структурных реформ должно быть существенным для достижения общего долгосрочного темпа роста ВВП на 1%. По разным оценкам полная их реализация может повысить рост примерно на 0,8–1,3% в год в средне- и долгосрочной перспективе [Daude, 2016; OECD, 2016].

С 2010 г. Афины получили свыше 275 млрд евро от МВФ и стабилизационных фондов еврозоны в обмен на жёсткие бюджетные ограничения, и с июля 2017 г. страна начала восстанавливать доступ на рынки посредством выпуска государственных облигаций, однако условия заимствования остаются хрупкими на фоне внешних экономических рисков. Греция по-прежнему сталкивается с рисками в отношении своей финансовой стабильности, которые могут иметь неблагоприятные последствия для других государств еврозоны, влияя на доверие инвесторов. Бизнес-среда нуждается в значительном дальнейшем совершенствовании показателей экономической эффективности. В среднесрочной перспективе представляется жизненно важным сохранение импульса восстановления занятости, который повле-

¹ Совокупная факторная производительность рассчитывается как остаток, объясняющий рост ВВП после учёта вклада факторов производства: капитала, рабочей силы (квалифицированной и неквалифицированной) и земли. Относительные доли этих составляющих в экономическом росте определяются по фонду заработной платы, стоимости капитала, отдаче от образования и земельной ренте.

чет за собой сокращение бедности и обеспечит тем самым возможности для сохранения и дальнейшего развития человеческого капитала страны, её главного богатства и инструмента завершения ключевых институциональных и структурных реформ.

Список литературы

Говорова Н.В. (2016) Бедность и неравенство в ЕС // *Современная Европа*. №3 (69). С. 104–113.

Громыко Ал.А., Фёдоров В.П. (2017) Европа XXI века. Новые вызовы и риски. М., СПб.: Нестор-История.

Рытов А.Г. (2006) Очерки послевоенной истории Греции. М.: ИКАР.

References

Commission Implementing Decision of 11.7.2018 on the Activation of Enhanced Surveillance for Greece. Brussels, 11.7.2018. C (2018) 4495 final.

Communication from the Commission Europe 2020. A Strategy for Smart, Sustainable and Inclusive Growth. Brussels, 3.3.2010 COM (2010) 2020 final.

Daude, C. (2016) “Structural Reforms to Boost Inclusive Growth in Greece,” OECD Economics Department Working Papers, No.1298 (Paris: Organization for Economic Co-operation and Development).

European Commission (2018a) “The 2018 Aging Report,” Institutional Paper 079/2018.

European Commission. (2018b) Directorate General Economic and Financial Affairs. Compliance Report ESM Stability Support Programme for Greece. Fourth Review. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/economy-finance/compliance_report_4r_2018.06.20.docx.pdf

European Economy (2010). Occasional Papers. #61. The Economy Adjustment Programme for Greece. URL: http://ec.europa.eu/economy_finance/publications/occasional_paper/2010/pdf/ocp61_en.pdf

Govorova N.V. (2016) Bednost' i neravenstvo v Evropeiskom soyuze [Poverty and inequality in European Union], *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe], 3 (69): 104 – 113.

Gromyko Al.A., Fyodorov V.P. (eds.) (2017) Evropa v XXI veke Novye vyzovy I riski [Europe in XXI Century. New Challenges and Risks]. M., S.-P.: Nestor-Istoriya.

Greek National Reforms Programme (2014). URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/file_import/nrp2014_greece_en_0.pdf

IMF (2010). Greece: Staff Report on Request for Stand-By Arrangement. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/scr/2010/cr10110.pdf>

IMF (2018). European Dept. Country Report No.18/248. Greece: 2018 Article IV Consultation and Proposal for Post-Program Monitoring-Press Release; Staff Report; and Statement by the Executive Director for Greece. URL: <http://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2018/07/31/Greece-2018-Article-IV-Consultation-and-Proposal-for-Post-Program-Monitoring-Press-Release-46138>

Karakolias, S.E. and Polyzos, N.M. (2014) “The Newly Established Unified Healthcare Fund (EOPYY): Current Situation and Proposed Structural Changes, towards an Upgraded Model of Primary Health Care, in Greece”, *Health*, 6: 809 – 821. URL: http://file.scirp.org/pdf/Health_2014032813434550.pdf

Matsaganis, M. (2005) “Greece – Fighting with Hands Tied behind the Back Anti-Poverty Policy without a Minimum Income” in Ferrera, M. (eds.), *Welfare State Reform in Southern Europe. Fighting Poverty and Social Exclusion in Italy, Spain, Portugal and Greece*. London, New York: Routledge, Teylor & Francis Group, pp. 24 – 64.

OECD (2016) OECD Economic Surveys: Greece 2016 (Paris: Organization for Economic Co-operation and Development).

Regulation (EU) (2013) No 472/2013 of the European Parliament and of the Council of 21 May 2013 on the Strengthening of Economic and Budgetary Surveillance of Member States in the Euro Area Experiencing or Threatened with Serious Difficulties with Respect to Their Financial Stability. Official Journal of the European Union. L 140/1. 27.5.2013.

Rytov A.G. (2006) Ocherki poslevoennoi istorii Gretsii [Essays on the Postwar History of Greece]. M.: IKAR.

Specific Commitments to Ensure the Continuity and Completion of Reforms Adopted under the ESM Programme (2018). URL: http://www.consilium.europa.eu/media/35749/z-councils-council-configurations-ecofin-eurogroup-2018-180621-specific-commitments-to-ensure-the-continuity-and-completion-of-reforms-adopted-under-the-esm-programme_2.pdf

- Spring 2018 Economic Forecast – Greece (2018). URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/economy-finance/ecfin_forecast_spring_030518_el_en.pdf
- The Global Talent Competitiveness Index, GTCI 2013 – 2018. URL: <https://www.insead.edu/>
- The World Economic Forum. The Global Competitiveness Report 2009 – 2017. URL: <https://www.weforum.org/>
- UNDP (2015). Human Development Report. Work for Human Development. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2015_human_development_report.pdf
- UNDP (2016). Human Development Report. Human Development for Everyone. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2016_human_development_report.pdf
- Yfantopoulos, J. (2007) “The Welfare State in Greece”, in A.J. Metaxas (ed.), *About Greece*. Athens: Ministry of Press and Mass Media, pp. 328 – 342.
- Η Πρωτοβάθμια Φροντίδα Υγείας & ο ρόλος του ΕΟΠΥΥ. 4 Βήματα για τη μεταρρύθμιση (2013) [Primary Health Care & the Role of EOPYY. 4 Steps towards Reform]. URL: http://www.iatronet.gr/photos/enimerosi/EOPYY_first%20draft%2015_10%20Final.pdf
- Πετμεζίδου, Μ. και Παπαναστασίου, Σ. et al. (2015) “Υγεία και μακροχρόνια φροντίδα στην Ελλάδα” [Petmezidou, M. And Papanastasiou, S. Et al. “Health and Long-Term Care in Greece”], *Μελέτες* [Studies], 35. URL: <https://ineobservatory.gr/wp-content/uploads/2016/06/Meleti-35.pdf>
- Ποτήρης, Α. Και Σαράφης, Π. (2014) “Ανασκόπηση του νομοθετικού πλαισίου για την Πρωτοβάθμια Φροντίδα Υγείας στην Ελλάδα – Προτάσεις βελτίωσης” [Potiris, A. and Sarafis, P. (2014) “A Retrospection of the Legislative Framework of the Primary Health Care in Greece – Proposals for Improvement”], *Διεπιστημονική Φροντίδα Υγείας* [Interscientific Health Care], 6 (3): 116 – 121.
- Τελική Πρόταση Σχεδίου “ΑΘΗΝΑ” ...για την αναδιάρθρωση των Ιδρυμάτων Ανώτατης Εκπαίδευσης (2013) [Final Draft Proposal “ATHENS” ... for the Restructuring of Higher Education Institutions]. URL: http://www.minedu.gov.gr/publications/docs2013/130305_telikh_protash_athhna.pdf
- Υφαντόπουλος, Γ. (2012) Όχι μόνο οικονομικές μεταρρυθμίσεις [Yfantopoulos, J. Not Just Economic Reforms]. URL: <http://www.tovima.gr/opinions/article/?aid=484476>
- Χρυσομαλλίδης, Χ. (2013) “Θεσμοί και μεταρρυθμίσεις στην Ελλάδα: η περίπτωση του χώρου ανώτατης εκπαίδευσης και έρευνας” [Chrysomallidis C. (2013) “Institutions and Reforms in Greece: the Case of Higher Education and Research”], *Ελληνική επιθεώρηση πολιτικής επιστήμης* [Greek Journal of Political Science], 40: 45 – 69. URL: <https://ejournals.epublishing.ekt.gr/index.php/hpsa/article/viewFile/14558/13156>

Socio-economic Situation in Greece 2008 – 2018: Results and Prospects

Authors: Vlasova K., Candidate of Science (History), Senior Research Fellow at the Department of the Black Sea and Mediterranean Studies, Institute of Europe RAS. **Address:** 11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009; Associate Professor at the Vyatka State University. Address: 111, Lenina street, Kirov, Russia, 610002. **E-mail:** vlasovaksen@gmail.com;

Govorova N., Leading Researcher at the Department of Economic Studies, Institute of Europe RAS. **Address:** 11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009; Assistant Professor of Economics, Moscow Technological Institute. Address: 38A, Leninsky avenue, Moscow, Russia, 119334. **E-mail:** n_govorova@mail.ru

Abstract: The socio-economic paradigm, existed in Greece since the early 1980s, began to collapse after the advent of the global financial crisis. The main conditions for financial assistance granted to Greece by international creditors were the requirement for urgent implementation of domestic reforms, primarily in the social sphere, and the urgent demand for austerity. During 2008 – 2018, on the one hand, Athens managed to reform the social sphere, which ultimately led to the actual collapse of the Greek social state. On the other hand, the Greek economy stabilized after a long recession, showed positive growth and gradually began to grow. However, the crisis and unfinished reforms in most areas negatively influence the prospects of Greece in terms of productivity, competitiveness, improvement of business environment and social integration.

Keywords: Greece, European Union, social state, socio-economic reforms.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope5201898109>

УДК: 339.92

Иван КОПЫТИН

ЕВРОПЕЙСКИЕ И АМЕРИКАНСКИЕ СУПЕРМЕЙДЖЕРЫ: ТРАНСФОРМАЦИЯ БИЗНЕС-МОДЕЛЕЙ

Аннотация. Ускоряющаяся перестройка мирового энергетического баланса, продвижение альтернативных источников энергии, сдвиг глобального спроса на энергию в страны АТР, усиление политических и экономических позиций национальных государственных энергетических компаний развивающихся стран, имеющих приоритетный доступ к запасам углеводородов, и другие связанные факторы оказывают серьезное давление на нефтяных супермейджеров. Эта небольшая по составу группа крупнейших мировых частных вертикально интегрированных нефтяных компаний, традиционно являющихся драйвером мирового рынка нефти. Задача настоящей статьи – проанализировать адаптацию бизнес-моделей европейских и американских супермейджеров к новым условиям развития. Анализ доказывает, что, крупнейшие мировые частные вертикально интегрированные нефтяные компании остаются одним из самых динамичных игроков на мировом рынке нефти. И европейские, и американские вертикально интегрированные нефтяные компании успешно проводят постоянную ребалансировку портфелей проектов по добыче нефти, опираясь при этом на своё конкурентное преимущество высшего порядка в виде самых передовых технологий. Европейские супермейджеры в сравнении со своими американскими конкурентами более быстро развивают газовое направление бизнеса. Особенно важно, что после крупных сделок по поглощению компаний и покупке активов Royal Dutch Shell и Total стали главными игроками на быстро растущем рынке сжиженного природного газа. Последние несколько лет ведущие европейские нефтяные компании активно развивают принципиально новое направление бизнеса – электроэнергетическое. Пилотные проекты в сфере новых возобновляемых источников энергии, газовая электрогенерация, умных сетей и электрозаправок для электромобилей позволяют компаниям отрабатывать технологии управления разнородными бизнесами и готовить интеграцию последних в общую корпоративную структуру.

Ключевые слова: мировая экономика, вертикально интегрированные нефтегазовые компании, супермейджеры, бизнес-модели, Royal Dutch Shell, Total, нефть, природный газ, электроэнергетика.

Обвал нефтяных цен в 2015 г. до 35 долл. за баррель со 115 долл. за баррель в 2014 г. поставил крупнейшие частные вертикально интегрированные нефтегазовые компании (ВИНК) в сложное положение. В третий раз с 2008 г. они столкнулись с резким снижением прибыли от основных бизнес-операций. Причём в 2016 г. показатели прибыльности снизились ещё глубже, до уровней, зафиксированных в начале 2000-х годов, когда цена барреля находилась в коридоре 20–30 долл. Это дало дополнительные аргументы тем аналитикам и экспертам, которые уже давно говорят о кризисе бизнес-модели крупнейших частных ВИНК или супермейджеров [Stevens, 2016; Forrest and etc., 2011; Crooks, Adams, 2016].

Сторонники данной точки зрения опираются на следующие аргументы. Во-первых, супермейджеры всё больше проигрывают конкуренцию за рыночные ниши своим главным конкурентам в лице национальных государственных нефтяных компаний, которые имеют приоритетный доступ к качественной и дешевой сырьевой базе. Во-вторых, частные ВИНК потеряли монополию на передовые технологии, что дополнительно ослабляет их глобальные конкурентные позиции. В-третьих, частные нефтяные компании достигли пределов увеличения масштабов своей деятельности, а такие направления как природный газ, нефтепереработка, нефтехимия, не говоря уже о новых источниках энергии, не обеспечивают той нормы прибыли, которую даёт сектор разработки и добычи углеводородов. В качестве дополнительного аргумента, доказывающего несостоятельность бизнес-модели супермейджеров новым условиям развития, используется то, что так называемые независимые нефтедобывающие компании в США смогли сравнительно успешнее в сравнении с ВИНК подстроить свои стратегии под работу с неконвенциональными углеводородами, прежде всего трудноизвлекаемой нефтью.

В ряде исследований отмечается, что речь идёт не просто о трудностях адаптации бизнес-моделей крупнейших публичных нефтяных компаний к новым условиям развития, но об их принципиальной неспособности вписаться в новую структуру мирового рынка нефти, устойчивой чертой которого стала повышенная волатильность цены нефти, а также ответить на вызовы развития, связанную с глобальным продвижением императивов низкоуглеродной парадигмы развития [Mitchell, Marcel, Mitchell, 2015; Sanzillo, Hipple, Williams-Derry, 2018].

Мы разделяем точку зрения тех исследователей, которые утверждают, что крупнейшие мировые частные нефтяные компании адекватно осознают краткосрочные и долгосрочные вызовы своего развития [Березной, 2014; Berezhnoy, 2015]. Будучи одними из самых старых игроков в мировой экономике и на мировом рынке нефти, в прошлом они не раз демонстрировали способность к эффективной перестройке [Ергин, 2018; Stevens, 2016; Березной, 2014; Berezhnoy, 2015]. И на современном этапе под влиянием сложных процессов, разворачивающихся в мировой экономике и, в частности, в энергетике, нефтяные супермейджеры ускоренно адаптируют свои бизнес-стратегии под новые возможности и вызовы развития. Интересно, что при этом европейские супермейджеры продемонстрировали пока большую готовность в развитии новых направлений бизнеса в сравнении с крупнейшими американскими ВИНК.

Упор на расширение ресурсной базы и развитие вертикальной интеграции

Финансово-экономический кризис 2008 г., сланцевая революция и активное продвижение низкоуглеродной парадигмы развития задали принципиально новую систему координат для развития. Риск прохождения пика глобального спроса на нефть уже во второй четверти XXI века подстегнул гонку по монетизации запасов углеводородов. В результате крупнейшие ВИНК сталкиваются с нарастающей конкуренцией со стороны национальных нефтяных компаний и независимых производителей, которые к тому же широко опираются на возможности нефтесервисных компаний. В период высоких цен на нефть в 2003–2008 гг. в строй были введены значительные мощности по нефтепереработке и нефтегазохимии в развивающихся странах. Соответственно давление на ВИНК усилилось не только со стороны предложения, но и со стороны спроса.

Традиционно именно вертикальная интеграция операций по всей глобальной цепочке создания добавленной стоимости позволяет ВИНК адаптироваться к изменчивой ценовой конъюнктуре на рынке нефти, периодическим колебаниям спроса на нефть и ее предложения. Опора на всю цепочку – от добычи до переработки и реализации конечной продукции – поддерживает компании на всех этапах ценового цикла [Stevens, 2016; Gabel, 1979]. Так, в периоды низких цен на нефть вертикально интегрированные нефтяные компании опираются на нефтепереработку и нефтехимию, а также сбыт нефтепродуктов (таблица 1). В периоды высокой ценовой конъюнктуры прибыль генерируется главным образом в секторе добычи углеводородов. При этом сектор добычи в периоды высоких цен на нефть генерирует самые значительные по объёму потоки прибыли, но эта прибыль выступает своеобразной подушкой безопасности для компании в периоды низкой цены нефти.

Таблица 1.

Динамика чистой прибыли нефтяных супермейджеров по направлениям бизнеса в 2013–2017 гг., млрд долл.

Компания/сектор	2013	2014	2015	2016	2017
ExxonMobil					
Всего	32,6	32,5	16,2	7,8	19,7
- добыча	26,8	27,5	7,1	0,2	13,4
- переработка	3,4	3,0	6,6	4,2	5,6
- нефтехимия	3,8	4,3	4,4	4,6	4,5
Royal Dutch Shell					
Всего	16,4	14,9	1,9	4,6	13,0
- добыча	12,6	15,8	-5,7	-3,7	1,6
- переработка	3,9	3,4	10,2	6,6	8,3
- природный газ	2,5	5,1
Chevron					
Всего	21,4	19,2	4,6	-0,5	9,2
- добыча	20,8	16,9	-2,0	-2,5	8,2
- переработка	2,2	4,3	7,6	3,4	5,2

BP					
Всего	23,4	3,8	-6,5	0,1	3,4
- добыча*	29,2	8,8	-1,0	0,6	5,9
- переработка*	2,7	-2,4	5,2	6,6	7,0
Total					
Всего	11,2	4,2	5,1	6,2	8,6
- добыча*	22,7	10,5	-2,9	-0,3	2,8
- переработка и нефтехимия*	0,2	-1,7	4,5	5,0	4,2
- природный газ и возобновляемые источники энергии*	-0,3

* – операционный доход.

Источник: составлено автором по данным годовых отчетов компаний и Bloomberg, 2018.

Неудивительно поэтому, что все супермейджеры без исключения продолжают развивать вертикальную интеграцию, делая особый упор на секторе разработки и добычи углеводородов. Очевидным лидером в портфельном управлении добычными активами является американская ExxonMobil. В 2015 г. из-за глубокого снижения цены нефти практически все ВИНК зафиксировали убытки в секторе добыча. ExxonMobil оказалась единственной из рассматриваемых компаний, зафиксировавшей в этом секторе прибыль. Ещё раз подчеркнём, что ВИНК оптимизирует денежные потоки не для отдельного месторождения, но всего портфеля добычных активов. В этом смысле ExxonMobil в 2015–2016 гг. продемонстрировала поразительную эффективность и перфекционизм.

“Сланцевая революция” дала американским ВИНК возможности для наращивания собственной сырьевой базы за счёт продвижения в сектор неконвенциональных углеводородов. К 2025 г. ExxonMobil поставила амбициозную задачу втрое увеличить добычу нефти на формации Permian с нынешних 200 до 600 тыс. баррелей в день.

Шок “сланцевой революции” переформатировал не только нефтедобычу, но весь нефтяной сектор США в целом. Благодаря наращиванию добычи сравнительно дешевого сырья, дополнительный импульс для развития получила нефтепереработка и нефтегазохимия.

Параллельно с наращиванием добычи сланцевой нефти ExxonMobil планирует инвестировать до 20 млрд долларов на модернизацию нефтеперерабатывающих мощностей на побережье Мексиканского залива, что позволит перерабатывать возрастающие объёмы добываемой нефти и экспортировать нефтепродукты¹. Помимо того ExxonMobil реализует несколько проектов в нефтегазохимии, что позволит к 2025 г. увеличить мощности на 40%².

¹ Scheyder, E. (2017), Exxon to invest \$20 billion on U.S. Gulf Coast refining projects, Reuters, [Online], available at: <https://www.reuters.com/article/us-cerawee-exxon-idUSKBN16D2G6> (Accessed 3 May 2018).

² Doyle, H. (2018), Global oil and gas construction spending outlook shifts to US, Petrochemical Update, [Online], available at: <http://analysis.petchem-update.com/engineering-and-construction/global-oil-and-gas-construction-spending-outlook-shifts-us> (Accessed 4 May 2018).

Активизировались в секторе неконвенциональных углеводородов США и Chevron, расширяющая инвестиции в сланцевые проекты на фоне сокращения совокупных капиталовложений. В 2018 г. инвестиции в добычу трудноизвлекаемой нефти запланированы на уровне 4,3 млрд долларов, что на 70% превышает показатель 2017 г.¹ В ноябре 2017 г. компания запустила в эксплуатацию два завода по выпуску полиэтилена, мощностью 0,5 млн тонн каждый. В 2018 г. для снабжения этих заводов сырьем будет введен в строй завод по производству 1,5 млн тонн этилена в год. Совокупные инвестиции в нефтехимический комплекс на побережье Мексиканского залива, создаваемый Chevron в партнёрстве с компанией Phillips 66, оцениваются в 6 млрд долларов.²

Все нефтяные супермейджеры без исключения активизировали политику по обеспечению доступа к углеводородным запасам в глобальном масштабе. Тем более что все большее число стран, держателей запасов нефти и газа, открывают сектор добычи для иностранного капитала на привлекательных коммерческих условиях.

Особо следует выделить тенденцию к возвращению супермейджеров в нефтедобывающие страны Персидского залива, откуда они в массовом порядке были вытеснены в ходе национализаций и экспроприаций 1960–1970 гг. В настоящее время реализация нефтяного потенциала Ирана и Ирака в значительной мере зависит от участия ВИНК. В ходе международных тендеров в Ираке в 2009 г. европейские и американские супермейджеры получили доступ к около 10 млрд баррелей углеводородов. В Иране Total и Royal Dutch Shell рассматривают возможности участия в освоении месторождений, совокупные запасы которых оцениваются в 43 млрд баррелей углеводородов.

Весной 2018 г. Total стала участником концессионных соглашений по развитию нефтегазового потенциала в эмирате Абу-Даби (ОАЭ)³.

Растущая нестабильность на Ближнем Востоке и в Персидском заливе вкупе с восстановлением США санкционного режима в отношении Ирана снижает привлекательность инвестиций в иракские и иранские месторождения, несмотря на сравнительно невысокие издержки их разработки.

Параллельно с активизацией на Ближнем Востоке супермейджеры выстроили стратегические партнерства с Бразилией, которая в среднесрочной перспективе намерена существенно нарастить нефтедобычу за счет разработки офшорных месторождений подсолевого горизонта. ExxonMobil выиграла на международных аукционах право развивать десять глубоководных блоков в бразильской офшорной зоне, на шести из которых американская компания будет работать вместе с нацио-

¹ Crooks E. Chevron plans sharp rise in US shale investment// <https://www.ft.com/content/9e72ee58-db15-11e7-a039-c64b1c09b482> (December 7, 2017).

² Brelsford R. Chevron Phillips Chemical commissions USGC ethane cracker // <https://www.ogj.com/articles/2018/03/chevron-phillips-chemical-commissions-usgc-ethane-cracker.html> (March 12, 2018).

³ Mirza A. Total wins new stakes in Abu Dhabi offshore concessions// <https://www.spglobal.com/platts/en/market-insights/latest-news/oil/031818-total-wins-new-stakes-in-abu-dhabi-offshore-concessions> (18 March 2018).

нальной государственной нефтяной компанией Бразилии Petrobras¹. Royal Dutch Shell выкупила права на разработку восемнадцати глубоководных блоков в офшорной зоне Бразилии².

Крупнейшие американские и европейские нефтяные компании утвердились в нефтедобыче Казахстана и Азербайджана [Азиатские энергетические сценарии, 2012; Жуков, Резникова, 2009], а также на шельфе России на Сахалине [Bradshaw, 2010].

В Латинской Америке помимо Бразилии пристальное внимание супермейджеры уделяют Мексике, которая в последние годы провела кардинальную реформу нефтедобывающего сектора и открыла добычу углеводородов для иностранного капитала. Royal Dutch Shell уже гарантировала себе права на разработку девяти ключевых блоков в офшорной зоне Мексики³. Супермейджеры также запустили проекты по коммерциализации запасов нетрадиционной нефти в Аргентине [Золотина, 2015].

Пока менее заметно присутствие супермейджеров в Африке⁴. Однако в случае успешного запуска африканских проектов, они, следуя установившейся на мировом рынке нефти практике, могут выкупить проекты по добыче у тех компаний, которые взяли на себя риски начальной стадии коммерциализации углеводородных запасов.

Европейские супермейджеры – ставка на СПГ

Важной тенденцией последних пятнадцати – двадцати лет стало опережающее развитие газового направления в бизнесе ВИНК (исключая ВР). Этот сдвиг отражает изменения в структуре разрабатываемых запасов углеводородов. В экономический оборот вводится все большее число месторождений смешанного типа, и компаниям приходится параллельно вести добычу нефти и природного газа. У Royal Dutch Shell, ExxonMobil и Total доля природного газа в совокупной добыче углеводородов достигла или вплотную приблизилась к 50% (таблица 2).

При этом европейские ВИНК сделали основную ставку не просто на природный газ, но на развитие сектора сжиженного природного газа (СПГ). Сектор СПГ является самым динамичным сегментом газового рынка и в перспективе одного-двух десятилетий следует ожидать, что опережающее развитие сжиженного природного газа приведёт к формированию мирового рынка природного газа.

¹ Alper, A. and Gaier, R.V. (2017), Exxon Mobil bets on Brazil, buys 10 oil blocks in auction, Reuters, [Online], available at: <https://www.reuters.com/article/us-brazil-oil-auction/exxon-mobil-bets-on-brazil-buys-10-oil-blocks-in-auction-idUSKCN1C22UY?rpc=401&> (Accessed 27 January 2018).

² The official site of Shell (2018), “Shell expands Brazil operated footprint with new deep-water blocks”, available at: <https://www.shell.com/media/news-and-media-releases/2018/shell-expands-brazil-operated-footprint-with-new-deep-water-bloc.html> (Accessed 29 March 2018).

³ The official site of Shell (2018), “Shell wins nine key blocks in Mexico deep-water bid round”, [Online], available at: <https://www.shell.com/media/news-and-media-releases/2018/shell-wins-key-blocks-in-mexico-deepwater-bid-round.html> (Accessed 31 March 2018).

⁴ Patey L. A Belated Boom: Uganda, Kenya, South Sudan, and prospects and risks for oil in East Africa. The Oxford Institute for Energy Studies, WPM 71, May 2017.

Таблица 2.

Супермейджеры: доля природного газа в структуре добычи углеводородов, %

	2005	2010	2015	2016	2017
Royal Dutch Shell	41	48	49	50	50
ExxonMobil	38	46	49	48	49
Total	35	44	47	48	48
BP	36	38	42	40	39
Chevron	29	30	33	34	37

Источник: рассчитано автором по базе данных Bloomberg, 2018.

Royal Dutch Shell активно участвовала в строительстве первого в мире завода по сжижению газа, запущенного в 1964 г. в Алжире. Компания совершила первую коммерческую поставку СПГ из Алжира в Великобританию в том же году. В настоящее время, располагая более 40 СПГ танкерами, компания транспортирует и продает газ собственного производства и закупаемый у третьих сторон. В 2016 г. Royal Dutch Shell купила за 52 млрд долларов компанию British Gas¹, что сделало ее крупнейшим мировым игроком на рынке СПГ. Портфель производства собственного СПГ у Royal Dutch Shell увеличился до 33 млн тонн в год, портфель экспортных контрактов СПГ – до 45 млн тонн в год.

В 2017 г. примеру Royal Dutch Shell последовала французская Total, которая приняла решение выкупить весь портфель СПГ проектов у Engie, включая доли в заводах по сжижению, долгосрочные контракты на поставки СПГ, танкерный флот и права на регазификацию в странах Европы. Сделка приведет к тому, что под контролем Total окажется около 40 млн тонн сжиженного природного газа в год, что сделает французскую компанию вторым крупнейшим игроком на рынке СПГ после Royal Dutch Shell.

Royal Dutch Shell и Total – экспансия в электроэнергетику

Вслед за диверсификацией в природный газ европейские ВИНК пытаются создать для этого сырья рынки сбыта, для чего они начали экспансию в электроэнергетику. До некоторой степени в Европе ВИНК сравнительно легче войти в сектор электроэнергетики, чем в США, где сама организация отраслевых рынков стимулирует отраслевую специализацию. Рынки нефти и природного газа в США функционируют независимо друг от друга, ориентируясь на динамику и соотношение спроса и предложения (Makholm, 2007). Регуляторы поддерживают интенсивную конкуренцию в нефтяном секторе США, как ни в какой другой отрасли американской экономики (Muris, Parker, 2007). В газовой промышленности для поощрения конкуренции американские регуляторы еще в 1935 г. ввели законодательные ограничения для формирования вертикально интегрированных структур, а в 1990-е годы, запретив компаниям – владельцам газопроводов транспортировать собственный

¹ Bouso, R. (2016), BG shareholders give Shell's \$52 billion acquisition final nod, Reuters, [Online], available at: <https://uk.reuters.com/article/uk-bg-group-m-a-shell/bg-shareholders-give-shells-52-billion-acquisition-final-nod-idUKKCN0V61X9> (Accessed 18 January 2018).

газ, создали конкурентный и ликвидный рынок транспортировки газа [Копытин, Масленников, Сеницын, 2014].

Подчеркнем, что пока электроэнергетическое направление является периферийным в структуре бизнеса европейских ВИНК. Но они продолжают нащупывать вписывающиеся в общую стратегию их развития коммерчески выгодные ниши, тестируя новые возобновляемые источники энергии, газовую электрогенерацию, сектор умных сетей и электрозаправок для электромобилей. Эти проекты необходимы для отработки технологий управления с последующей их интеграцией в корпоративную структуру бизнеса.

Royal Dutch Shell через свою “дочку” Shell Energy Europe работает на рынках электроэнергии в четырнадцати европейских странах, включая Австрию, Бельгию, Болгарию, Великобританию, Германию, Грецию, Испанию, Италию, Нидерланды, Португалию, скандинавские страны (Nord Pool), Турцию, Францию и Швейцарию. Компания также активно работает на всех основных европейских электроэнергетических биржах¹. В декабре 2017 г. Royal Dutch Shell согласовала сделку о покупке седьмого крупнейшего продавца электроэнергии Великобритании First Utility Ltd. и планирует напрямую поставлять электроэнергию промышленным предприятиям и бизнес сектору².

Total в апреле 2018 г. согласовала сделку по покупке 74,3% в электрораспределительной компании Direct Energie, которая обслуживает 2,6 млн конечных потребителей во Франции и Бельгии. Ранее Total купила бельгийскую электрораспределительную компанию Lampiris SA³.

Европейские ВИНК не ограничиваются только рынком сбыта электроэнергии. В Испании Royal Dutch Shell контролирует газовую электростанцию комбинированного цикла мощностью 800 МВт⁴. Total вошла в сектор генерации электроэнергии и в ряде развивающихся стран.

В 2017 г. в структуре Total было создано специальное бизнес-подразделение, ответственное за экспансию в природный газ, новые возобновляемые источники энергии и электроэнергетику. Это позволит компании получать прибыль по всей цепочке добавленной стоимости в электроэнергетике⁵.

¹ The official site of Shell (2018), “Our Power activities”, available at: <https://www.shell.com/business-customers/trading-and-supply/trading/shell-energy-europe/our-offer/our-power-activities.html> (Accessed 9 May 2018).

² Gilblom, K., Hirtenstein, A. (2018), Shell Braces for Change by Expanding Its Foothold in Electricity, [Online], available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-01-12/shell-braces-for-change-by-expanding-its-foothold-in-electricity> (Accessed 2 April 2018).

³ De Beaupuy, F. (2018), France's Oil Major Is Getting Ready for an Electric Future, [Online], available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-04-18/total-agrees-to-buy-utility-direct-energie-in-1-7-billion-deal> (Accessed 18 April 2018).

⁴ The official site of Shell (2018), “Our Power activities”, available at: <https://www.shell.com/business-customers/trading-and-supply/trading/shell-energy-europe/our-offer/our-power-activities.html> (Accessed 9 May 2018).

⁵ The official site of Total (19 April 2016), “Total presents proposed new organization to achieve its ambition to become the responsible energy major”, available at:

Выводы

Проведённый анализ позволяет утверждать, что крупнейшие мировые частные ВИНК заблаговременно определили основные риски, связанные с текущей и будущей трансформацией мировой энергетической системы и трансформируют свои бизнес-модели таким образом, чтобы эффективно ответить на новые вызовы развития. Все супермейджеры диверсифицировали портфели проектов по добыче нефти в глобальном масштабе. Chevron и ExxonMobil максимально воспользовались возможностями открытыми сланцевой революцией в США для консолидации вертикальной интеграции за счет активного развития сектора нефтехимии. Крупнейшие европейские ВИНК, также уделяя первоочередное внимание развитию сектора нефтедобычи, диверсифицируют бизнес за счёт экспансии в сектор сжиженного природного газа и электроэнергетику. Представляется, что, если Royal Dutch Shell и Total смогут сделать электроэнергетическое направление генератором корпоративных доходов и прибыли, по тому же пути могут пойти и американские супермейджеры.

Список литературы

- Азиатские энергетические сценарии 2030. (2012) Под ред. С.В. Жукова. – М.: Магистр, 2012. 336 с.
- Березной А. (2014) Глобальные нефтегазовые корпорации в меняющемся мире. – *Мировая экономика и международные отношения*, №5, С. 3–14.
- Ергин Д. (2018) Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. – М.: Альпина Паблишер. 956 с.
- Жуков С.В., Резникова О.Б. (2009) Центральная Азия и Китай: взаимодействие в условиях глобализации. М.: ИМЭМО РАН. 180 с.
- Золина С.А. (2015) Перспективы добычи трудноизвлекаемой нефти в Аргентине. – *Бурение и нефть*. №11. С. 52–55.
- Копытин И.А., Масленников А.О., Синицын М.В. (2014) США: проблемы интеграции рынков природного газа и электроэнергии. Под редакцией С.В. Жукова и В.В. Тация, М.: Магистр. 335 с.

References

- Aziatskiye energeticheskiye scenarii 2030. (2014) Pod red. S.V. Zhukova. M.: Magistr, 2014. 336 s.
- Bereznoy A. (2014) Global'nyye neftegazovyye korporatsii v menyayushemsya mire. [Global Oil and Gas Corporations in Changing World]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, № 5, S. 3–14.
- Bereznoy A. (2015) The Global Big Oil on the Way to Business Model Innovation? WP BRP 40/STI, National Research University Higher School of Economics, Moscow. 33 s.
- Kopytin I.A., Maslennikov A.O., Sinitsyn M.V. (2014) SSHA: problem integratsii rynkov prirodnogo gaza b electroenergii. [USA: Problems of Integrating Natural Gas and Electricity Markets]. Pod redaktsiei S.V Zhukova i V.V. Tatiya. M.: Magistr. 335 s.
- Yergin D. (2018) Dobytycha. Vsemirnaya instoriya bor'by za neft', den'gi i vlast'. [The Prize: The Epic Quest for Oil, Money, and Power]. – M.: Al'pina Publisher, 2018. 956 s.
- Zhukov S.V, Reznikova O.B. (2009) Tsentral'naya Aziya i Kitai: vzaimodeistviye v usloviyakh globalizatsii. [Central Asia and China: Relations in Term of Globalisation]. M.: IMEMO RAN. 180 s.
- Zolina S.A. (2015) Perspektivy dobychi trudnoizvlekyenoi nefti v Argentine. – *Bureniye i neft'*. [Prospects for the Shale Oil Recovery in Argentina]. №11. S. 52–55.
- Bloomberg (2018) Electronic database: finding resources by subject [Online], Retrieved from: <https://www.bloomberg.com> (Accessed 5 May 2018).

<https://www.total.com/en/media/news/press-releases/total-presents-proposed-new-organization-achieve-its-ambition-become-responsible-energy-major> (Accessed 9 May 2018).

Bradshaw M. A (2010) New Energy Age in Pacific Russia: Lessons from the Sakhalin Oil and Gas Projects // *Eurasian Geography and Economics*, Vol. 51, Issue 3, P. 330–359.

Forrest, R., Pearce, J., Lewe, T., Schroeter, I., Walters, N., Kaushal, V. and Besland L. (2011), Challenging the Integrated Oil and Gas Model In O&G, do specialist companies create more shareholder value than integrated companies? A.T. Kearney, Inc. Chicago, Illinois, US. 12 s.

Gabel L.A. (1979) Simultaneous Equation Analysis of the Structure and Performance of the United States Petroleum Refining Industry// *The Journal of Industrial Economics*, Vol. 28, No.1, P. 89–104.

Makholm J.D. (2007) Seeking Competition and Supply Security in Natural Gas: The US Experience and European Challenge. National Economic Research Associates, Inc. (NERA). 32 s.

Mitchell J., Marcel V., Mitchell B. (2015) Oil and Gas Mismatches: Finance, Investment and Climate Policy. Energy, Environment and Resources Research Paper. The Royal Institute of International Affairs, Chatham House. 45 s.

Muris T. J., Parker R.G. (2007) A Dozen Facts You Should Know About Antitrust and the Oil Industry. U.S. Chamber of Commerce. 112 s.

Patey L. A Belated Boom: Uganda, Kenya, South Sudan, and prospects and risks for oil in East Africa. The Oxford Institute for Energy Studies, WPM 71, May 2017.

Sanzillo T., Hipple K., Williams-Derry C. (2018) The Financial Case for Fossil Fuel Divestment. The Institute for Energy Economics and Financial Analysis. 55 s.

Stevens, P. (2016) International Oil Companies. The Death of the Old Business Model, Chatam House, London, UK. 45 s.

European and American Supermajors: Business Models Transformation

Author: Kopytin I., Candidate of Science (Economy.), Senior Researcher of Centre for Energy Studies of Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. **Address:** 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russia, 117997. **E-mail:** kopytin@imemo.ru.

Abstract. The accelerating restructuring of world energy balance, promotion of alternative sources of energy, shift in global energy demand to the Asia-Pacific region, strengthening of political and economic positions of national state energy companies in developing countries, enjoying a priority access to hydrocarbon assets, and other related factors place substantial pressure upon oil supermajors. Traditionally this small group of the world largest private vertically integrated oil companies play the role of a driver of the world oil market. The goal of the present article is to analyze the adaptation of European and American supermajors business model to the new circumstances of development. The analysis proves that the largest private vertically integrated oil companies remain one of the most dynamic player in the world oil market. Both European and American vertically integrated oil companies are constantly rebalancing the portfolio of oil extraction projects, using the competitive advantage of the highest order, namely the cutting-edge technologies. European supermajors more rapidly develop the natural gas business, compared to the American competitors. Of special importance is the fact, that after big deals, involving mergers and buying of assets, Royal Dutch Shell and Total became the leading players in the rapidly evolving global liquified natural gas market. In the last few years leading European oil companies intervened into a principally new direction of business – electricity. Pilot projects in the sector of new alternative energy sources, natural gas based electricity generation, smart grids and e-charging stations for electric vehicles allow the European companies to develop capacities to manage heterogeneous businesses and get ready for the integration of the latter in the general corporate structure.

Keywords: global economy, vertically integrated oil and gas companies, super-majors, business models, Royal Dutch Shell, Total, oil, natural gas, electricity.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52018110119>

УДК: 261.6

Лариса АНДРЕЕВА

Михаил СМЕРНОВ

Владимир ЩЕРБАКОВ

ПРОЦЕСС ДЕХРИСТИАНИЗАЦИИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

Аннотация. Европейский Союз как наднациональное объединение ряда развитых европейских государств в своей институционализации закрепил некоторые итоги длительного исторического процесса дехристианизации. Авторы показывают на примерах учредительных документов Европейского Союза, как христианские ценности уступают место либерально-атеистическим ценностям политкорректности и мультикультурализма и как права человека стали новой сакральностью, ограничивающей христианство. В статье рассматривается влияние дехристианизации на переосмысление христианских канонов, на дальнейшую трансформацию христианских церквей из духовно-социального в социально-культурный институт. Анализ данных социологических опросов показывает, что христианство из исповедания веры превращается в “культурную модель”, культовые действия актуализируются в исключительные моменты жизни, церковные ритуалы замещаются светскими праздниками и мероприятиями. Авторы делают вывод о том, что под угрозой исламизации Европы, при постоянно снижающемся уровне христианской религиозности, само христианство стало играть новую роль – “морального бастиона” в общественном сознании. Это свидетельствует о превращении исторических христианских ценностей в культурные, которые призваны поддерживать традиционную идентичность в странах Европейского Союза.

Ключевые слова: дехристианизация, Европейский Союз, идентичность, религиозные ценности, секулярные ценности, христианская религиозность, исламизация.

© **Андреева Лариса Анатольевна** – доктор философских наук, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра религиоведческих и этнополитических исследований, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. **Адрес:** 196605, г. Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское ш., д. 10. **E-mail:** larchen1969@gmail.com

Смирнов Михаил Юрьевич – доктор социологических наук, профессор, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. **Адрес:** 196605, г. Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское ш., д. 10. **E-mail:** mirsnov@yandex.ru

Щербаков Владимир Петрович – доктор философских наук, профессор отдела образования, Санкт-Петербургский государственный исследовательский институт фтизиопульмонологии. **Адрес:** 191036, Санкт-Петербург, Лиговский пр., д. 2–4. **E-mail:** vpscherb@mail.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52018120130>

Введение

В социогуманитарном знании актуальность исследуемой проблематики определяется прежде всего значением и последствиями изучаемых явлений для глобальных процессов в обществе. С данной точки зрения, наблюдаемое ныне радикальное изменение религиозного ландшафта в современном мире – предмет исследования первостепенной важности. Христианство, как обширный сегмент этого ландшафта, за свою историю укоренившееся во всех регионах мира, включая Россию, подвергается ныне существенной трансформации. Прежде всего это касается утраты мировоззренческого влияния, замещения конфессионально мотивированных ценностей аксиологией секулярного общества. Выяснение истоков, мотивов и содержания этой трансформации становится необходимой частью комплексного научного осмысления перспектив развития человечества.

Процесс дехристианизации Европы, ставший очевидным в конце XX века, в начале нового тысячелетия не только усилился, но и приобрёл новые формы [Смирнов, 2013: 205]. Европейский Союз, как наднациональное объединение, в своей институционализации закрепил некоторые проявления дехристианизации. Авторы данной статьи рассматривают эту ситуацию и предлагают свою трактовку смысла и возможных пределов дехристианизации в пространстве Евросоюза.

Проблема выбора ценностей: философско-этический ракурс

Множество болезненных точек духовной и социальной жизни современных европейских стран – миграционная проблема, политический радикализм, “новый сепаратизм”, неотвратимая секулярность и проч. – своей остротой нередко препятствуют непредвзятой аналитике коренных оснований намечающихся социокультурных трансформаций. Между тем хотя бы беглый взгляд на аксиологическую подоплеку происходящих процессов бывает полезен, чтобы выбирать по возможности оптимальный ракурс их рассмотрения. Выскажем несколько соображений на этот счёт.

Формирование ценностных представлений о “естественных” правах личности как свободного и автономного агента социальных отношений артикулировано в европейской мысли уже в начале Нового времени и связано с рассуждениями об общественном договоре – философской гипотезе, призванной легитимизировать политические и правовые отношения, сложившиеся в послесредневековой Европе. Одним из главных изменений этого времени является размежевание сфер публичной и частной жизни. Радикальное разделение публичного и частного требует и совершенно разных способов регулирования этих сфер. Только публичная сфера, деятельность в которой касается интересов и прав других людей, может регулироваться законом; для частной жизни остаётся благоразумие. Соответственно, не существует и общего блага, которое теперь нетождественно для общественной и частной жизни и определяется различными критериями.

В этом контексте религиозные представления – это личное дело каждого. Такая установка со времён Реформации и по сей день влияет на конфессиональное сознание христиан, как бы расчлняя в нём образы *сакрального* как мистического и интимно-внутреннего и *мирского* как светского и внешнего. Поскольку большая часть бытия европейского человека проходит в мирском режиме, светские атрибуты и

гражданские ценности получают всё более существенное значение, вытесняя религиозные ориентиры на периферию мироощущения.

Суть различных вариантов теории общественного договора сводится к тому, что когда люди добровольно *согласились создать сообщество* или государство, то они тем самым уже объединены и составляют *единый политический организм*, в котором *большинство* имеет право действовать и решать за остальных. Современный социальный теоретик Джон Ролз (1921–2002) вслед за Кантом признает способность человека действовать рационально и свободно, подчиняя свою субъективную волю объективным моральным принципам, которые способны обеспечить общественное согласие и привести к росту общественного блага. Но моральный консенсус недостижим в современном обществе, которое становится ареной борьбы конкурирующих социальных групп, придерживающихся несовместимых принципов справедливости. В силу этого приоритетом социального развития должно быть общественное благо, а не недостижимая и просто невозможная универсальная справедливость [Rawls, 2001: 16, 31, 33].

Фрагментация общества может иметь очевидные негативные политические последствия, как мы можем видеть на примере мультикультурализма. Чрезмерное внимание к культурному и религиозному контексту способно дезорганизовать современное общество, консолидированное больше технологиями и экономическими связями, чем непосредственными человеческими отношениями. Выбор между либеральными идеалами справедливости, порядка и автономности личности и коммунитарными идеалами согласия и солидарности не предполагает однозначного и категоричного решения, оставляя право его принять каждому разумному индивиду. Все это может рассматриваться в известном смысле как мировоззренческая и социально-психологическая подоплека готовности европейского сознания к реструктуризации традиционных ценностных начал.

Европейские ценности vs христианские ценности

Европейские ценности, служащие фундаментальной базой Европейского Союза, закреплённые в его основных законодательных документах, носят подчёркнуто светский характер, де-юре дистанцированы от христианства, декларируют примат таких установок, как уважение человеческого достоинства, верховенство закона, признание прав и свобод человека, толерантность, индивидуализм, солидарность и мультикультурализм [Мирошникова, 2017: 235, 236]. В Европейском Союзе “общечеловеческие ценности” главенствуют в системе базовых ориентиров, которая детерминирует цивилизационное развитие как процесс общественных изменений, совершаемых во имя неких высших принципов и идей. Следовательно, можно рассматривать закреплённые на законодательном уровне европейские ценности, под которыми понимаются основные принципы устройства семьи, общества и государства, разделяемые большинством граждан, как один из результатов дехристианизации права в Европейском Союзе.

Очевидно, что мировоззренческое и культурное наследие христианства в массовом сознании европейцев диссонирует с явно выраженной светскостью “объединённой Европы”. В 2001 г. президент Франции Жак Ширак и канцлер Германии Герхард Шрёдер выступили с заявлением о необходимости принятия Конституции ЕС. Именно с этого времени началась дискуссия о возможности законодательного

подтверждения в Европейском Союзе важной роли и значения христианских ценностей. Инициаторами внесения в преамбулу европейской Конституции упоминания о христианских ценностях в сентябре 2003 г. являлись восемь стран: Испания, Ирландия, Мальта, Польша, Португалия, Словакия, Литва, Чехия.

Особо стоит остановиться на позиции Ватикана и его усилиях по законодательному закреплению положения о христианских корнях Европы в конституционном договоре ЕС. Ещё в 1999 г. было опубликовано апостольское обращение Иоанна Павла II “*Ecclesia in Europa*”, где в пункте 114 нашла отражение позиция Святого Престола по вопросу христианского наследия¹.

Позиция противников упоминания о христианских корнях Европы базировалась на том, что “демократические общества должны жить в государствах с нейтральным мировоззрением <...> Религиозность является личным делом каждого гражданина. Свобода религии должна быть охраняема от вмешательства со стороны государства <...> право не может быть проявлением религиозных или моральных точек зрения отдельной группы” [Белявска, Вишневски, 2005: 50].

В результате долгой дискуссии 25 стран подписали в Риме 29 октября 2004 г. “Договор о введении Конституции для Европы”, где не нашлось места упоминанию о христианских корнях Европы. Под документом стояли и подписи восьми стран, ранее выступавших за внесение положения о роли христианского наследия. Это явилось результатом своеобразного компромисса: “Итоговый результат институциональной реформы был достигнут ценой множества уступок государствам-членам, инициировавшим внесение поправки об упоминании христианского наследия Европы, включая сохранение представительства в Европейской комиссии, суверенитета национального правительства в ряде областей и права решающего голоса в тех или иных областях внутренней и внешней политики” [Телегин, Телегина, Шмидт, 2012: 106]. Принятый документ был ратифицирован в 18 странах. Негативное голосование по общеевропейской Конституции во Франции и Нидерландах явилось результатом недовольства прежде всего квазигосударственной природой Конституции, чрезмерной централизацией Евросоюза, перспективой сужения национального суверенитета. При этом отсутствие упоминания о христианских ценностях не оказало существенного влияния на процесс ратификации. Дискуссия о включении христианских ценностей в текст общеевропейской Конституции “пересматривает наследие христианских европейских ценностей, а новые маркеры таковы, что коррелируют адекватнее светский и мультикультурный характер ЕС” [Дятлов, Попов, Сажин, 2016: 174].

Принятие европейской Конституции потерпело неудачу в 2007 г. Подписанный вместо неё “Лиссабонский договор о внесении изменений в Договор о Европейском Союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества” базируется на примате общечеловеческих ценностей, хотя в “Лиссабонском договоре” имеются ссылки на религиозное наследие, но отсутствует упоминание о христианстве или Боге. В тексте договора уравнивается признание роли церквей с аналогичным признанием для неконфессиональных организаций. Статья 2 этого договора закрепляет ценности Европейского Союза: “Союз основан на ценностях уважения человеческого достоинства, свободы, демократии, равенства, правового государства и соблюдения прав

¹ *Ecclesia in Europa*. URL: <https://www.fjp2.com/ru/john-paul-ii/online-library/apostolic-exhortations/212-ecclesia-in-europa> (дата обращения 25.03.2018).

человека, включая права лиц, принадлежащих к меньшинствам. Эти ценности являются общими для государств-членов в рамках общества, характеризующегося плюрализмом, недискриминацией, терпимостью, справедливостью, солидарностью и равенством женщин и мужчин”¹.

Таким образом, учредительные документы Европейского Союза ограничивают христианство рамками политкорректности и мультикультурализма, которые являются ценностями либерально-атеистическими. Для подлинно верующего человека нет абстрактной “общечеловеческой” нравственности, она обусловлена верой, а утверждающиеся в рамках либерального дискурса правила политкорректности для него неприемлемы. Следует отметить, что некоторые современные европейские нормы, закрепленные де-юре, такие как уважение к людям нетрадиционной сексуальной ориентации и легализация однополых браков, прямо противоречат нормам *традиционных* христианских канонов. Страны – члены ЕС на законодательном уровне активно легализуют однополые браки: Нидерланды (2001), Бельгия (2003), Испания (2005), Швеция и Норвегия (2009), Португалия и Исландия (2010), Дания (2012), Франция (2013), Великобритания и Эстония (2014), Словения, Финляндия, Люксембург и Ирландия (2015), Германия (2017). Ирландия стала первой страной в мире, узаконившей однополые браки путём всенародного голосования. В других странах это решение принималось законодательной властью. В Ирландии 62,1% проголосовавших поддержали предложение о том, что “брак может быть заключён в соответствии с законом двумя лицами независимо от их пола”, против были 37% проголосовавших ирландцев.

Католическая церковь выступала против легализации однополых браков в Ирландии. Государственный секретарь Святого Престола кардинал Пьетро Паролин, второй человек в Ватикане, прокомментировал решение ирландцев так: “Я считаю, что нельзя говорить только о поражении, нанесённом христианским ценностям. Проиграло все человечество”². Стоит, однако, отметить и уступки со стороны Ватикана в вопросах прав сексуальных меньшинств. Например, характерно высказывание Папы Римского Франциска: “Если человек – гей и обладает доброй волей и стремится к Богу, кто я такой, чтобы судить его?”³

В 2015 г. в связи с приближавшимся Синодом епископов по вопросам семьи Конференция немецких монашеских настоятелей, представляющая 18 тысяч монахинь и 4,5 тысячи монахов, составила документ, в котором призывала католическую церковь изменить свой подход к сексуальности. По мнению составителей документа, внесение изменений в учение позволит церкви иметь в этих вопросах больше доверия к верующим. Главный аргумент, на который опираются настоятели, это мнение мирян и чувство обиды, которое будет накапливаться к католической церкви у разведенных и гомосексуалистов. Поэтому церковь должна благословлять новые союзы разведённых, допускать их к причастию, а также не отказы-

¹ Договор о Европейском Союзе (в редакции Лиссабонского договора). См: URL: http://eulaw.ru/treaties/teu_old (дата обращения 25.03.2018).

² Ирландцы выбрали “брак для всех”. URL: <http://www.euromag.ru/ireland/42649.html> (дата обращения 25.03.2018).

³ Папа Франциск: “Кто я такой, чтобы судить геев?”. URL: https://www.bbc.com/russian/society/2013/07/130729_pope_gay_attitude (дата обращения 27.03.2018).

вать в благословлении гомосексуальным парам. Среди последних, отмечается в документе, многие могли бы стремиться к христианскому стилю жизни, верному партнёрству на всю жизнь, но не могут примириться с фактом, что католическая церковь требует от них полового воздержания. “Как гомосексуалисты могут считать себя любимыми детьми Божиими, если церковь не хочет их благословить в их стремлении к полноценному партнёрству?” – так авторы послания ставят вопрос перед руководством Ватикана¹. Однополые браки уже благословляют и многие европейские протестантские церкви.

По существу, обозначилась позиция, согласно которой нетрадиционные христианские ценности должны воздействовать на “греховные” поступки, а каноны церкви должны изменяться вслед за изменением повседневной жизни верующих. Можно говорить о переосмыслении христианских устоев под воздействием социальных факторов, о дальнейшей трансформации христианской церковности из духовно-социального в социально-культурный институт.

Европейские ценности, как они изложены в основополагающих документах Европейского Союза, по характеру своему являются договорными и декларируют гражданскую идентичность на основе примата прав человека как высшей универсальной ценности, что предопределяет их дистанцирование по отношению к традиционным христианским ценностям [Пронина, 2017: 51]. По существу, права человека приобретают в Европейском Союзе *сакральный* характер.

Европейская цивилизация в лице Европейского Союза перестаёт быть христианской в том смысле, что аксиологические максимы, основные принципы обустройства семьи, общества и государства, политико-экономические, правовые, культурные, этические и другие нормы, служащие основой идентичности большинства жителей Европы, в XXI веке являются секулярными.

“Общечеловеческие ценности” в их утвердившемся сегодня понимании есть мифологема, порожденная атеизацией западного христианского общества и этизацией его ценностей, неизбежно пришедшая в противоречие с основами христианства как религии именно в силу непреодолимого различия между религией и этикой, пусть даже в данном случае вторая и была некогда порождена первой.

Как этическая основа жизни человека и общества христианские ценности, безусловно, продолжают играть существенную роль в странах Европы. Но этика не религиозная вера. Сегодня в Европейском Союзе цивилизационное единство его народов и культур воспринимается как основанное на общности не религии (христианства), а светских, социальных и политических ценностей (таких как индивидуализм и демократия).

Христианская религиозность в странах Европейского Союза

Общим местом в религиозоведческих исследованиях, как и в общественном дискурсе, стала констатация того факта, что европейская христианская религиозность претерпела качественное изменение. Антрополог, историк и социальный философ

¹ Шокирующее заявление: немецкие монашествующие требуют от церкви разрешить развод и гомосексуализм. URL: <http://www.katolik.ru/mir/121837-shokiruyushchee-zayavlenie-nemetskie-monashestvuyushchie-trebuyut-ot-tserkvi-razreshit-razvod-i-gomoseksualizm.html> (дата обращения 27.03.2018).

М. де Серто в книге “Изобретение повседневности” рассматривал исчерпание религиозной веры в Европе в XX в. как органичную часть более общего процесса глубинной трансформации субъекта, его сознания и дискурса. Под верой он понимал не восприятие догмы, а высокую степень “инвестирования” субъекта в суждение, акт высказывания и признание его истинным – иначе говоря, модальность утверждения, а не его содержание. Серто отмечал: “...в течение долгого времени считалось, что запасы веры бесконечны... Считалось, что казавшийся неисчерпаемым остаток можно перенести на другие объекты и цели, подобно тому, как падающая вода перенаправляется и используется для выработки энергии. Люди старались захватить эту силу, перемещая её с одного места на другое: от так называемых языческих обществ, в которых она обитала, ее направляли к христианству, которое она должна была поддерживать; затем от церквей она перешла к монархической политике, а ещё позже – от традиционалистской религиозности к институциям Республики, национальному образованию или разным формам социализма... Источник этот был столь богат, что, используя его, люди забыли о необходимости его анализировать. Суть военных кампаний и крестовых походов состояла в “перемещении” энергии веры в подходящие места и на подходящие (для веры) объекты. Постепенно вера загрязнялась, как воздух или вода. Эта движущая энергия, всегда сопротивляющаяся, но допускавшая манипулирование собой, начинает иссякать. В то же время люди постепенно начинают замечать, что не имеют понятия о том, чем она является...” [Серто, 2013: 297–298].

Об иссякновении христианской религиозности, обмирщении религии, релятивизации религиозной картины мира в Европе XXI века свидетельствуют результаты глобального международного социологического проекта “Мировые ценности” (World Values Survey – WVS). База данных этого проекта используется ООН (UNDP – Программа развития ООН и UN-Habitat – Программа ООН по населенным пунктам), Всемирным банком, многими правительствами по всему миру, а также учёными разных стран. Анкета, разработанная в рамках данного проекта, включает более 300 вопросов, относящихся к различным сторонам жизни человека и общества. Первый раунд опросов состоялся в 1981–1984 гг., и в нём участвовали в основном западные страны. С 1990 г. “волны опросов” проводятся регулярно. На данный момент проведено шесть “волн” (шестая состоялась в 2010–2014 г., материалы следующей “волны” находятся в рабочем режиме)¹.

Для характеристики существенного изменения ценностных ориентаций в зоне стран Евросоюза наиболее показательны данные пятой волны. Они зафиксировали низкий уровень поддержки европейцами христианских представлений (например, всего 36% опрошенных европейцев верят в существование ада; в остальных обследованных странах – в среднем 66%); тотальное принятие ценностных установок, резко отвергаемых церковью (только 38% европейцев считают, что женщина должна иметь детей; в остальных обследованных странах – 70%); 44% оправдывают гомосексуализм; не оправдывают аборт ни в каком случае только 26%, развод допустим для 52% европейцев².

¹ См: World Values Survey. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp> (дата обращения 20.03.2018).

² World Values Survey Wave 5: 2005–2009. URL: <http://www.europeanvaluesstudy.eu/page/survey-2008.html>; <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSOnline.jsp> (дата обращения 20.03.2018)

На основании данных этого исследовательского проекта можно сделать вывод о том, что по существу религия стала “культурой”. Отправление религиозного культа приобрело характер “культурных практик”, актуализирующихся в исключительные моменты жизни. Церковные ритуалы замещаются светскими праздниками и мероприятиями: 35% посещают религиозную службу хотя бы один раз в месяц и чаще, 34% – только по религиозным праздникам, 31% никогда (в остальных обследованных странах 51%, 33% и 18% соответственно). Большая часть европейского населения не считает нужным передать последующим поколениям знание о религии и свой личный религиозный опыт, если таковой имеется: всего 24% европейцев заявили, что в детях нужно воспитывать религиозность (в остальных обследованных странах – в среднем 47%).

Обратимся к примеру Германии, одной из ведущих стран Европейского Союза. В июне 2017 г. был опубликован опрос, проведенный социологической службой изучения общественного мнения (EMNID), посвященный исследованию проблемы значения религии и веры в Германии¹. На вопрос, какое значение имеют религия и вера для вас, положительно ответили чуть больше чем одна треть (37%) опрошенных (из них: что религия и вера имеют “очень большое значение” – 8%, что “большое значение” – 29%). Для 63% опрошенных немцев религия и вера имеют только “малое значение” (36%) или “не имеют значения” (27%).

Известно, что с 2015 г. Германия принимает огромные потоки беженцев из Сирии и Ирака, что вызывает широкое общественное недовольство, выражающееся в оживлении дискурса относительно интеграции мусульман в современное немецкое общество. Показательной стала заметная поддержка праворадикальной партии “Альтернатива для Германии” (на прошедших в 2017 г. выборах в бундестаг эта партия получила 12,6%, голосов, хотя на парламентских выборах 2013 г., получив 4,7%, она не смогла даже пройти в парламент Германии). В своей программе “Альтернатива” считает, что “ислам не имеет отношения к Германии, находится в противоречии с её политическим порядком”². Партия резко критикует политику действующего правительства и возражает против предоставления исламским общественным объединениям статуса “субъекта общественного права”, который даёт религиозным сообществам возможность официальных контактов с государством и получения средств.

Заметим, что ислам для большинства беженцев является религией в самом прямом смысле слова, высшей сакральной ценностью. При этом, как было показано выше, в Европейском Союзе цивилизационное единство его народов и культур воспринимается как основанное на общности не религии, а светских, социальных и политических ценностей.

Можно согласиться с мнением известного религиоведа А.А. Красикова, что “непременным условием сохранения и укрепления межрелигиозного и межэтнического согласия в меняющемся мире должна стать внутренняя эволюция ислама в

¹ Bedeutung von Religion in Deutschland. URL: <https://fowid.de/meldung/bedeutung-religion-deutschland-2017-2015-2012-2011-2008> (дата обращения 03.04.2018).

² AfD. Programm für Deutschland. Wahlprogramm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum Deutschen Bundestag am 24. September 2017. URL: afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2017-06-01_AfD-Bundestagswahlprogramm_Onlinefassung.pdf. P.34 (дата обращения: 29.11.2017)

сторону признания наряду с собственными сугубо религиозными общечеловеческих ценностей” [Красиков, 2013:151]. Однако нарастающая исламофобия в Европе и конкретно в Германии вызвана конфликтом между секулярным обществом и традиционной фундаменталистской религиозностью вновь прибывших, которые не считают возможным поставить религию ниже светских законов. Это приводит по существу к складыванию в Европе параллельного общества, где не действуют светские общественные и правовые нормы.

Новые реалии, в которых живет Германия начиная с 2015 г., приводят к парадоксу, который зафиксирован в опросе общественного мнения, проведенном социологическим центром “Алленсбахский институт” (Das Institut für Demoskopie Allensbach) и опубликованном в декабре 2017 г.¹ Согласно этому опросу только 55% немцев заявили о своей принадлежности к евангелической или католической церкви (после Второй мировой войны было более 90%), из них только 32% регулярно посещают церковные службы (в 1960-е годы – 60%). Очевидно, что всё меньше немцев имеют какое-либо отношение к христианству как к системе религиозных верований. При этом на первый взгляд парадоксально выглядят те данные опроса, согласно которым 63% опрошенных считают, что Германия характеризуется христианством и христианскими ценностями (по опросу 2012 г. таких было только 48%), а 56% опрошенных считают, что Германия должна более отчетливо и ясно постулировать себя как христианская страна.

Эти показатели дают основание для вывода, что христианство стало рассматриваться как “моральный бастион” на пути нарастающей исламизации общества и как этическая основа жизни человека и общества. Христианские ценности, безусловно, продолжают играть существенную роль в странах Европы, но уже не как вероисповедные ориентиры, а в качестве маркеров культурно-исторической идентичности автохтонного населения.

Заключение

Кратко подводя итог, сформулируем три основных вывода, фокусирующих трактовку затронутых процессов и явлений.

Во-первых, дехристианизация, рассмотренная на примере стран Евросоюза, имеет вполне реальные основания, являясь одной из составляющих реструктуризации системы европейских ценностей, ставшей неизбежным следствием социального и культурного развития европейского общества. С этой точки зрения, утрата или маргинальность некогда влиятельных конфессиональных установок в массовом сознании европейцев может трактоваться не столько как упадок духовных основ жизни, сколько как предтеча формирования новых мировоззренческих ориентиров. Как всякая сложная новизна, эти ориентиры пока еще не имеют четко выраженных контуров, диффузны и вариабельны. Но очевидно, что население европейских стран не стремится к прежней модели обязательности христианских стереотипов для личной и общественной жизни. При этом религиозное наследие не отвергается, но реинтерпретируется как культурно-историческое достояние, приверженность которому дополняет приемлемые формы гражданской и этнической идентичности.

¹ Das deutsche Christentums-Paradox. URL: <https://hpd.de/artikel/deutsche-christentums-paradox-15109> (дата обращения 04.04.2018).

Во-вторых, для христианской церковности всех конфессиональных направлений дехристианизация — это, конечно, радикальный вызов, поиск ответа на который побуждает церковные организации к гибкости, выработке способов адаптации к быстро меняющимся обстоятельствам существования. Здесь могут возникать и ситуации на грани, когда стремление удержать или обрести последователей подводит к ревизии традиционных основоположений христианства (как в случае с санкционированием однополых браков). Но огромный социальный опыт христианских церквей помогает им находить и вполне функциональные стратегии пребывания в меняющемся пространстве европейского общества через культивирование традиционных образов европейской идентичности, востребованность которых автохтонным населением растёт в связи с миграционной ситуацией в Европе.

Наконец, в-третьих, наблюдается тенденция к взаимной интеграции светских и конфессиональных начал в европейском обществе. Христианские институты и практики занимают определённые ниши в повседневной жизни европейцев, выступая своего рода резервуаром для морального укрепления общества. При маргинальности мистико-сотеариологического смысла христианства для большинства населения дехристианизирующейся Европы эта религия остаётся устойчивым брендом, на который ориентируются как на возможное консолидирующее начало в очередную транзитивную эпоху.

Список литературы

- Белявска А. Вишневыски Я. (2005) Европейская Конституция: спор об *Invocatio Dei* и акцентировании христианских корней Европы / пер. с польск. // *История и современность*. №1. С. 32–55.
- Бондаренко Д.М., Андреева Л.А., Евгеньева Т.В., Кавыкин О.И. (2007) Судьбы христианства в современной России в контексте глобализационных процессов // *Новые российские гуманитарные исследования*. Электронный журнал. №2. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/109> (дата обращения: 02.03.2018).
- Дятлов А.В., Попов А.В. Сажин П.В. (2016) Идентичность в пространстве Европейского Союза // *Гуманитарий Юга России*. Т. 22. № 6. С. 170–177.
- Красиков А.А. (2013) Клерикализм, секуляризм и свобода совести // *Секуляризм и религиозная свобода – противостояние или партнёрство* / Под ред. О.Ю. Гончарова, И.А. Шалобиной. М.: Институт Европы РАН. С. 138–152.
- Мирошникова Е.М. (2017) Свобода от религии в контексте свободы совести // *Вестник Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина*. №3. С. 229–237.
- Пронина Т.С. (2017) Религиозная идентичность: теоретические модели и подходы к изучению // *Социально-гуманитарные знания*. № 9. С. 48–63.
- Серто М. де. (2013) Изобретение повседневности / пер. с фр. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге.
- Смирнов М.Ю. (2013) Перспективы религии // *Вестник Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина*. Т. 2. Философия. № 2. С. 194–206.
- Телегин В.Н., Телегина С.В., Шмидт В.В. (2012) Религиозный фактор как инструмент политики стран Европейского Союза // *Евразия: духовные традиции народов*. №2. С. 92–107.
- Bondarenko D.M. (2011) The Second Axial Age and Metamorphoses of Religious Consciousness in the Christian World // *Journal of Globalization Studies*. Vol. 2. No. 1. P. 113–136.
- Rawls, John. (2001) *Justice as Fairness. A Restatement*. Cambridge, Mass.: The Belknap Press of Harvard University Press.

References

- Belyavska A. Vishnevsky Ya. (2005). *Evropeiskaya Konstitutsia: spor o Invocatio Dei I aktsentirovaniitstianskih kornei Evropy* // *Istoria I sovremennost*. No 1. pp. 32–55. [European Constitution: dispute over *Invocatio Dei* and accentuation of the Christian roots of Europe].

Bondarenko D.M. (2011). The Second Axial Age and Metamorphoses of Religious Consciousness in the Christian World // *Journal of Globalization Studies*. Vol. 2. No 1. pp. 113–136.

Bondarenko D.M., Andreeva L.A., Evgen'ieva T.V., Kavykin O.I. (2007). Sud'by christianstva v sovremennoi Rossii v kontekste globalizatsionnykh processov // *Novye rossiskie gumanitarnye issledovaniya* [The fate of Christianity in modern Russia in the context of globalization processes]. No 2. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/109> (accessed on: 02.03.2018).

Certeau M. de (2013). Izobretenie povsednevnosti [L'Invention du Quotidien]. Sankt-Peterburg.: Izdatelstvo Evropeiskogo universiteta v Peterburge.

Dyatlov A.V., Popov A.V., Sazhin P.V. (2016). Identichnost v prostranstve Evropeiskogo Soyuza // *Gumanitarii Yuga Rossii*. Vol. 22. No 6. pp. 170–177. [Identity in the European Union].

Krasikov A.A. (2013) Klerikalizm, sekuliarizm i svoboda sovesti. In: *Sekuliarizm i religioznaya svoboda – protivostoyanie ili partnerstvo* / O.Yu. Goncharov, I.A. Shalobina (eds). [Clericalism, secularism and freedom of conscience // Secularism and religious freedom – conflict or partnership / ed. by O.Yu. Goncharov, I.A. Shalobina] Moskva: Institut Evropy RAN. pp. 138–152.

Miroshnikova E.M. (2017) Svoboda ot religii v kontekste svobody sovesti // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina*. No 3. pp. 229–237. [Freedom from religion in the freedom of conscience context].

Pronina T.S. (2017) Religioznaya identichnost: teoreticheskie modeli i podhody k izucheniyu // *Sotsialno-gumanitarnye znaniya*. No 9. pp. 48–63. [Religious identity: theoretical models and research approaches].

Rawls, John (2001) *Justice as Fairness: A Restatement*. – Cambridge, Mass.: The Belknap Press of Harvard University Press.

Smirnov M.Yu. (2013). Perspektivy religii // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina*. Vol. 2. Filosofiya. No 2. pp. 194–206. [The prospects of religion].

Telegin V.N., Telegina S.V., Schmidt V.V. (2012) Religiozniy faktor kak instrument politiki stran Evropeiskogo Soyuza // *Evrasiya: duhovnye tradicii narodov*. No 2. pp. 92–107. [Religious factor as a policy instrument of the European Union].

The process of De-Christianization in the European Union

Authors: Andreeva L., Doctor of science (Philosophy), chief research fellow, Scientific research centre for religious and ethno-political studies, Leningrad (Pushkin) state university. **Address:** 10, Peterburgskoe sh., Pushkin, S.-Peterburg, 196605. **E-mail:** larchen1969@gmail.com

Smirnov M., Doctor of science (Sociology), full professor, Leningrad (Pushkin) state university. **Address:** 10, Peterburgskoe sh., Pushkin, S.-Peterburg, 196605. **E-mail:** mirsnov@yandex.ru

Scherbakov V., Doctor of science (Philosophy), professor of the department of education, Saint-Petersburg State Research Institute of Phthisiopulmonology. **Address:** 2-4 Ligovskiy pr., S.-Peterburg, 191036. **E-mail:** vpscherb@mail.ru

Abstract. The European Union, as a supranational Union of a number developed European States in its new institutionalization, has consolidated some results of a long historical de-Christianization process. The authors show, on the examples of the founding documents of the European Union, as the religious values of Christianity give way to liberal-atheistic values of political correctness and multiculturalism, and as human rights have become a new sacred value, limiting Christianity. The article deals with the influence of the de-Christianization process on the rethinking of Christian canons, on the further transformation of Christian churches from the spiritual and social to the social and cultural Institute. On the basis of the analysis of the sociological surveys data it is concluded that Christianity turns from the confession of faith into a “culture model”, religious cult actualizing at exceptional moments of life, Church rituals are replaced by secular holidays and events. The authors draw an important conclusion that under the threat of Islamization of Europe, with the constantly declining level of Christian religiosity, Christianity began to play a new role of “moral Bastion” in the public consciousness. This testifies the transformation of historical Christian values into cultural values, which are called to support the traditional identity in the European Union.

Keywords: de-Christianization, European Union, identity, religious values, secular values, Christian religiosity, Islamization.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52018120130>

ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИИ

УДК 341.16

Йони ВИРККУНЕН

Гюльнара ГАДЖИМУРАДОВА

МИГРАЦИЯ, ЭКСТРЕМИЗМ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ УГРОЗА В ФИНЛЯНДИИ

Аннотация. В статье рассматривается миграционная политика Финляндии в свете противодействия экстремизму и террористическим угрозам. Авторы статьи обращают внимание на угрозы внутреннего и внешнего порядка, как то: правые и левые экстремистские группировки и угроза религиозно-радикального экстремизма. Эти проблемы стали актуальными в течение и после так называемого миграционного кризиса 2015–2016 годов. Поначалу некоторые из этих групп активистов классифицировались как экстремистские, что стало важным элементом общей концепции угрозы экстремизма и терроризма. Выводы статьи заставляют задуматься над миграцией и безопасностью в целом и опасностью экстремизма и радикальных идей, которые можно и нужно решать в широком диапазоне внутреннего и международного сотрудничества.

Ключевые слова: беженцы, безопасность, ищущие убежища, миграционная политика, миграция, радикализм, экстремизм, Финляндия.

Введение

Локальные и международные конфликты в Северной Африке и Азии стали катализатором миграционной ситуации в Европе. Конкуренция во власти, радикаль-

© **Вирккунен Йони**, доктор географических наук, научный руководитель Карельского института Университета Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия) **Адрес:** P.O. Box 111 (Yliopistokatu 2), FI-80101 Joensuu, Finland. **E-mail:** joni.virkkunen@uef.fi

Гаджимурадова Гюльнара Ильясбековна, кандидат философских наук, доцент кафедры демографической и миграционной политики Московского государственного института международных отношений (университет) МИД РФ. **Адрес:** 119454, Россия, г. Москва, пр-кт Вернадского, 76; в.н.с. Института социально-политических исследований РАН. **Адрес:** 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, стр. 1, **E-mail:** gadzhimuradova7@gmail.com

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52018131141>

ный исламизм, эскалация насилия и борьба с исламистскими организациями оказали непосредственное влияние на жизнь в странах, находящихся в состоянии конфликта, например, Ираке, Сирии и Афганистане. Эти конфликты приобрели статус международных и усилили глобальные процессы миграции, что стало также основанием для “миграционного кризиса” и различных форм экстремизма, с которым столкнулись европейские государства в 2015–2016 годах.

Несмотря на то что эти конфликты были относительно далеко от стран Европы, “миграционный кризис” вызвал интенсивные и довольно чувствительные политические дебаты по вопросам безопасности и характера “кризиса” [Виркуннен 2018; Кроли и др. 2018; Пинел-Йменес 2016]. Авторы статьи делают попытку ответить на вопрос: представляют ли миграция, экстремизм и терроризм угрозу для финского общества? Как предотвратить экстремистские и террористические угрозы в Финляндии? Статья представляет собой дискурс и попытку ответить на эти вопросы более подробно на примере Финляндии, которая в период “кризиса беженцев” 2015–2016 г. стала одной из стран Северной Европы, которая принимала просителей убежища.

Наряду с другими странами Северной Европы, такими как Швеция или Дания, например, Финляндия десятилетиями характеризовалась как государство с высоким уровнем благосостояния, которое стремилось обеспечить высокий уровень жизни и социальное равенство для всех слоев населения, в том числе иммигрантов и “менее удачливых” соотечественников. В контексте глобализации, социальных изменений и увеличения сегрегации иммигрантов, а также террористических актов в Турку (Финляндия) и Стокгольме (Швеция) в 2017 г., дискуссии об экстремизме и терроризме приобрели большую актуальность. Они были связаны не только с процессами миграции и обеспечением безопасности в Финляндии, но в значительной степени с функционированием и будущим государства “всеобщего благосостояния”.

“Миграционный кризис” 2015–2016 гг.

По данным аналитического статистического агентства Eurostat, в 2016 г. число ищущих убежища (asylum seekers) в ЕС достигло 1,26 миллиона¹. При этом общее число мигрантов, въехавших за этот год во все 28 стран ЕС, составило 4,3 миллиона человек². Большинство ищущих убежища в Европе использовали так называемый средиземноморский маршрут из Турции или государств Северной Африки в Италию, Грецию, Кипр и Испанию. В 2016 г. количество мигрантов, прибывших в ЕС по этому маршруту, сократилось до 364 504 и в 2017 г. до 171 635³, но ситуация эта далека от завершения. Агентство Европейского Союза по безопасности внешних границ Frontex, помимо регулярных фактов обнаружения и пресечения попы-

¹ Asylum applications (non-EU) in the EU-28 Member States, 2006–2017. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Asylum_statistics

² Migration and migrant population statistics, p. 1. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/pdfscache/1275.pdf>

³ MOM (2018) Mediterranean Migrant Arrivals Reached 171,635 in 2017; Deaths Reach 3,116. URL: <https://www.iom.int/news/mediterranean-migrant-arrivals-reached-171635-2017-deaths-reach-3116>

ток нелегального пересечения границы, напоминает, что непредвиденные события могут сыграть большую роль в формировании новых миграционных потоков¹. По мнению Потемкиной О.Ю., большое значение для урегулирования миграционного кризиса имеет “повышение эффективности легальных каналов иммиграции в страны – члены ЕС. ... в условиях кризиса управление миграционными потоками признано составной частью внешней политики ЕС и реализуется посредством диалогов со странами исхода мигрантов, поиска каналов легальной миграции и противодействия контрабанде и торговле людьми” [Потемкина 2016].

Из-за своего периферийного положения и ранее очень ограничительной иммиграционной политики Финляндия никогда не была страной назначения для иммигрантов. В 2016 г. до 60 процентов граждан с иным, нефинским происхождением, то есть родившихся за пределами страны проживания, в Финляндии составляли европейцы (большинство из них – граждане Эстонии, России, Швеции) и только 33 процента – азиаты (большинство из них – граждане Ирака, Китая, Таиланда и Афганистана) и 7 процентов – граждане других национальностей, большинство из которых граждане Сомали². Это означает, что, несмотря на сильные стереотипы “культурно отличных” иностранцев, внушительная часть иностранного населения в Финляндии являлась европейцами христианского вероисповедания.

Вышеописанный состав иностранных граждан оказал непосредственное влияние на то, как “миграционный кризис” в Европе отразился на Финляндии. В Финляндии самый большой поток просителей убежища просуществовал менее года, с июня 2015 г. по февраль 2016 г. Всего в Финляндии в 2015–2016 гг. было подано 38 127 ходатайств о предоставлении убежища³, из которых примерно 95% просителей убежища прибыли в Финляндию из Швеции через шведский город-побратим Хапаранда-Торнио⁴ без пограничного контроля и только 1756 (4,6%) из России⁵. По данным Eurostat заявки на получение убежища в Финляндии в 2015 г. подали 32342 человека (по данным migri.fi 32477) и в 2016 г. – 5605 человек (по данным migri.fi 5606)⁶. Несмотря на относительно небольшое число иммигрантов по сравнению с некоторыми другими государствами Европы, “кризис” оказал большое влияние на то, как иммиграция была представлена и обсуждалась в финском обществе, и, что важно, как она разделила общество политически и идеологи-

¹ Фронтекс (2018) Risk Analysis 2018. URL: <http://frontex.europa.eu/publications/?c=risk-analysis>

² Statistics Finland (2018) Population. URL: https://www.tilastokeskus.fi/tup/suoluk/suoluk_vaesto.html

³ Это значительно меньше, чем в Швеции, где до 191 816 иностранных граждан подали заявки на убежище в течение двух лет, см. Swedish Migration Agency (2018) Facts and statistics. URL: <https://www.migrationsverket.se>

⁴ Авт. Торнио (фин. Tornio, швед. Torneå) — городская коммуна в Финляндии, в провинции Лаппи. Хапаранда (швед. Napaanda, фин. Naaparanta) – населённый пункт на севере Швеции.

⁵ Migri (2016–2017) Statistics on Asylum and Refugees. URL: <http://migri.fi/en/statistics>; Finnish Border Guard (2015–2016) News from the Border Guard. URL: <http://www.raja.fi/tietoa/tiedotteet>.

⁶ Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database>

чески. Ни одна концепция угрозы экстремизма и терроризма или политики в отношении мигрантов не нашла понимания между противоборствующими группами финских граждан. Финская полиция безопасности SUPO заявила об увеличении угрозы всех форм экстремизма и радикализма, включая угрозу терроризма.

Угрозы экстремизма и терроризма

Вопрос экстремизма и терроризма очень актуален в современной Европе. Терракты во Франции, Германии, Великобритании и других странах ЕС, включая Финляндию, показали, насколько уязвимы открытые европейские общества. Как упоминалось выше, они также создали определённую атмосферу страха, когда пограничный контроль и антииммигрантские лозунги, погромы в Центрах временного размещения беженцев и физическое насилие стали более явными, провокационными и агрессивными. Помимо иммигрантов как внешних угроз, правые и противостоящие им проиммигрантские группы, в том числе левые анархисты, стали внутренними проблемами служб безопасности, которые всеми силами пытаются поддерживать безопасность в обществе.

Министерство внутренних дел Финляндии, рассматривает экстремизм как процесс, в ходе которого люди используют, поощряют, поддерживают или угрожают насилием¹. Экстремизм и терроризм связаны с внутренними политическими вопросами, такими как социальная интеграция и устойчивое развитие, миграционная политика и внутреннее разделение общества.

Из-за растущей социальной и экономической сегрегации общества можно говорить о существовании чёткой связи между современной неолиберальной политикой и усилением внутренних разногласий относительно того, как “богатства страны” должны быть распределены в обществе. Сюда входят также вопросы доступа к услугам, предоставляемым государством. Оценка SUPO и министерства внутренних дел угроз экстремизма основана на довольно инклюзивной концепции, которая включает в себя действия, которые интерпретируются как часть “нормальной” политики и социальной активности. Угроза экстремизма и терроризма в стране возросла к 2014 г.², и, по данным министерства внутренних дел³, усилившаяся радикализация, экстремизм и экстремистские организации стали более заметными в Финляндии, чем раньше.

Такие метафоры, как “волны миграции” и “наблюдатели социального обеспечения”, характеризуют критическую точку зрения, которая опирается на национализм и быстрый рост популистских партий. Во время экономического кризиса и социальной незащищённости и как следствие растущего неравенства, обусловленного в том числе и глобализацией, националистические лозунги, такие как “Финляндия принадлежит финнам, Сомали принадлежит сомалийцам” и “Вы не можете контро-

¹ Ministry of the Interior (2016a) Kansallinen väkivaltaisen radikalisoitumisen ja ekstremismin ennaltaehkäisyn toimenpideohjelma. Sisäministeriö 15/2016. URL: http://julkaisut.valtioneuvosto.fi/bitstream/handle/10024/74921/Toimenpideohjelma_final.pdf?

² Там же.

³ Ministry of the Interior (2017) Väkivaltaisen ekstremismin tilannekatsaus 1/2017. URL: <http://urn.fi/URN:ISBN:978-952-324-123-7>

лизовать иммиграцию в ЕС”, – не редкость. Так называемые *Солдаты Одина*, Движение сопротивления Финляндии и движение *Rajat kiinni* (“Закрытые границы”) становятся одними из самых заметных антииммигрантских движений в Финляндии. Они тесно связаны с образом миграции как угрозой стабильности и пытаются защитить местных (финских) женщин от страха, вызванного “преступными иммигрантами”¹, и защитить родину от “исламизации”, “культурного вторжения” и “угроз терроризма”.

Эти опасения имеют основания и связаны с явным разделением общества, а также возможной конфронтацией и угрозой внутренней безопасности. Более критически настроенная часть общества стремится защитить свою родину от “исламизации”, “культурного вторжения” и “угроз терроризма” путём закрытия национальных границ. Несмотря на явные разногласия, такие партии, например как Партия финнов (Финляндия), основывают свою идеологию на “политическом предательстве” правящих элит и обывательщине (*common man*) [Асемогли 2013]². В то же время другие группы предпочитают гуманитарный подход в политике предоставления убежища и требуют справедливости в процессе предоставления убежища. Они борются против расизма и атмосферы ксенофобии и, что более значимо, пытаются обеспечить конкретную социальную, юридическую и моральную поддержку просителям убежища в таких вопросах, как жильё, юридическая поддержка и борьба с принудительным возвращением, или депортацией. Для многих финнов помощь нуждающимся в убежище во многом является отражением морального аспекта, связанного с их личной семейной историей, когда эвакуированные во время и после Второй мировой войны семьи получили помощь от правительства Финляндии (продукты, наделы земли для строительства жилья и ведения сельского хозяйства) [Виркунен 2016].

Экстремизм и террористическая угроза в Финляндии

По данным Финской полиции безопасности (SUPO), вышеупомянутые группы оказали влияние на внутреннюю безопасность Финляндии не только посредством физической активности, но и с использованием ненавистного и оскорбительного языка в средствах массовой информации и в интернете³. Были организованы ряд правых экстремистских и анархистских демонстраций для выражения несогласия с

¹ см. Faiola A. (2016), ‘Soldiers of Odin: The far-right groups in Finland “protecting women” from asylum seekers’, Independent, 1.2.2016. URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/europe/soldiers-of-odin-the-far-right-groups-in-finland-protecting-women-from-asylum-seekers-a6846341.html>

² По мнению Асемоглу, Егорова и Сониной (2013), слово “популист” часто используется, чтобы подчеркнуть, что политики используют риторику, которая агрессивно защищает интересы простого человека против привилегированной элиты”. Цель популистской политики (часто управляемой харизматическими лидерами) и основным электоратом – это так называемый медианный избиратель.

³ Supo (2015) Supo’s yearbook 2015. URL: <http://www.supo.fi/brochures>; Ministry of the Interior (2016b). Valtioneuvoston selonteko sisäisestä turvallisuudesta”, Sisäministeriön julkaisu Sisäinen turvallisuus, 8. URL: <http://urn.fi/URN:ISBN:978-952-324-085-8>

политикой руководства страны. Общее число преступлений на почве ненависти и расизма в 2015 г., который был вторым годом “миграционного кризиса”, не увеличилось¹. Но фатальная смерть прохожего на демонстрации в Хельсинки в октябре 2016 г. и теракт в Турку 18 августа 2017² г. усилили публичные дебаты о внутренней безопасности. Они также оказали влияние на законодательство страны с целью защиты Финляндии от внутреннего и внешнего экстремизма и терроризма.

В связи с этим директор Финской полиции безопасности Антти Пельттари заявил, что “террористическая угроза в Финляндии сейчас больше, чем когда-либо прежде”³. В середине 2017 г. Radicalisation Awareness Network подсчитала, что около 30% из более чем 5000 иностранных террористов (Foreign Terrorist Fighters, FTF), которые проживали в Европе и выехали в Сирию, Ирак или Ливию, вернулись обратно в свои страны⁴. Из 40 000 бойцов ДАИШ (организация запрещена в России, Финляндии) есть пять стран, граждане которых пополнили ряды наемников (FTF) в конфликтных зонах в Сирии и Ираке: Россия (3417, 400 вернулись), Саудовская Аравия (3244, 760 вернулись), Иордания (3000, 250 вернулись), Тунис (2926, 800 вернулись) и Франция (1910, 271 вернулись)⁵. Лишенные денег, работы и социальных связей люди становятся жертвой экстремистов, часто существующих под крышей благотворительных организаций.

Примеры недавних нападений в Стокгольме, Манчестере и в Лондоне указывают на то, что процесс радикализации намного сложнее, и многие из нападавших на самом деле являются “доморощенными” иммигрантами второго поколения или “коренными” новообращенными (неофитами), родившимися на Западе⁶. Многие из них образованные одиночки, которые переняли экстремистскую идеологию и хотят отомстить за политику настоящую и прошлую по отношению к мигрантам (имеется в виду колониальная политика или участие европейцев в военных конфликтах в мусульманских странах и т.п.). Как подчёркивают шведские службы безопасности (Swedish Security Services), этих одиночек трудно вычислить, и часто следы их обнаруживаются уже после совершения ими очередного преступления⁷. Несмотря на

¹ Там же.

² 18 августа 2017 выходец из Марокко, ищущий убежище в Турку (Юго-западная Финляндия), ранил ножом 10 человек (двоих смертельно)

³ YLE (2018). Ykkösaamu. 27.1.2018. URL: <https://areena.yle.fi/1-4256969>; Ministry of the Interior (2018a). The fight against terrorism is spearheaded by cooperation between authorities. URL: <http://intermin.fi/en/police/counter-terrorism>

⁴ Фронтекс (2018) Risk Analysis 2018. URL: <http://frontex.europa.eu/publications/?c=risk-analysis>

⁵ Там же.

⁶ Malkki L. (2017) Johtuuko radikalisoituminen syrjäytymisestä? / Politiikasta.fi 1.6.2017. URL: <http://politiikasta.fi/johtuuko-radikalisoituminen-syrjaytymisesta/>; Sajan I. & Idicula T. (2017) Decoding Europe's homegrown terror. / The Hindu Business Line. 2.6.2017 URL: <https://www.thehindubusinessline.com/opinion/decoding-europes-homegrown-terror/article9718569.ece>

⁷ Swedish Security Services (2018). Sweden as a potential attack target. URL: <http://www.sakerhetspolisen.se/en/swedish-security-service/counter-terrorism/threats-and-threat-assessment/sweden-as-a-potential-attack-target.html>

то что они даже не могут полностью осознавать более глубокие смыслы поддерживаемых ими идеологий, стимулируемые иностранными примерами и пропагандой, эти фанатики-одиночки представляют наибольшую угрозу для внутренней безопасности Финляндии¹.

Финская полиция безопасности напоминает нам, что сегодня меняется структура и уменьшаются возможности исламистских организаций по рекрутированию новых последователей². Эпоха глобального общения и интернета открывает новые возможности для одиноких “волков”. Новые средства коммуникации устанавливают новый стандарт взаимодействия между экстремистами, обмен информацией и распространение материалов террористической направленности. Frontex напоминает, что “угроза “вдохновленных” или целенаправленных террористических атак растет, будь она вдохновлена местными экстремистами, джихадистами, которые не смогли достичь зоны конфликта, или вернувшимися из зон конфликтов моджахедами”³.

В последние годы террористические атаки стали частой темой финских СМИ, что создало у людей чувство незащищенности, а уровень риска всё ещё находится на второй отметке. В этом контексте Финляндия ввела четырёхуровневую шкалу для определения уровня террористической угрозы: низкий, повышенный, высокий и наивысший (критический)⁴. Примерно 80 человек отправились из Финляндии в зону конфликта (в том числе около 20 женщин)⁵, и многие из них приняли участие в деятельности радикальных исламистских террористических групп, особенно ИГИЛ (запрещена в России, Финляндии). В связи с этим около 370 человек были идентифицированы SUPO в качестве так называемых контртеррористических лиц, которые находятся под постоянным наблюдением⁶. В Финляндии, где 20 человек вернулись из зоны боевых действий, действующее законодательство не даёт инструментам власти реагировать на это. Это количество значительно меньше, чем в Швеции, где, по словам Пельттари⁷, были выявлены и поставлены на контроль до 3000 человек, входящих в группу риска, 2000 из которых имели контакты с радикальными исламистскими группами, а 1000 человек были членами других экстремистских групп, таких как правые экстремисты и левые анархисты. Очевидно, что “последствия участия граждан ЕС в военных действиях на Ближнем Востоке вновь

¹ Ministry of the Interior (2017) Väkivaltaisen ekstremismin tilannekatsaus 1/2017. URL: <http://urn.fi/URN:ISBN:978-952-324-123-7>;

² Supo (2018) International radical Islamist terrorism and phenomena related to it. URL: <http://www.supo.fi/supo-counterterrorism/supo-counterterrorism/supo-counterterrorism>

³ Фронтекс (2018) Risk Analysis 2018. URL: <http://frontex.europa.eu/publications/?c=risk-analysis>

⁴ Supo (2017) Terrorist threat assessment 14.6.2017. URL: http://www.supo.fi/counterterrorism/terrorism_threat_assessment

⁵ Mäntymaa E. (2018) Suomesta lähtenyt Isiksen riveihin arviolta 20 naista – nyt sisäministeriö miettii, mitä heidän lapsilleen tulisi tehdä. / YLE, 16.4.2018. URL: <https://yle.fi/uutiset/3-10159107>

⁶ Supo (2017) Terrorist threat assessment 14.06.2017. URL: http://www.supo.fi/counterterrorism/terrorism_threat_assessment

⁷ YLE (2018). Ykkösaamu. 27.1.2018. URL: <https://areena.yle.fi/1-4256969>

вывели на первый план угрозу терроризма в европейских государствах, а также традиционную связь между иммиграцией и безопасностью” [Потемкина 2015: 10–26].

Примером неудачной иммиграционной политики может служить Швеция, где, несмотря на давнюю традицию мультикультурализма государства “всеобщего благоденствия”, неудачная интеграция и политика властей Швеции привели к сильной социальной и территориальной сегрегации общества, где чувство отчуждённости материализовалось в заброшенных пригородах в культуру этно-конфессиональных банд. Для предотвращения таких событий и, конечно же, нераспространения насильственных экстремистских и террористических акций в Финляндии финский закон о разведке в настоящее время обсуждается парламентом Финляндии с целью его изменения.

Предотвращение экстремизма и терроризма

Вышеописанные угрозы были серьёзно восприняты финской SUPO. Национальный план действий Министерства внутренних дел Финляндии по предотвращению насильственного экстремизма предусматривает усиленный план действий по борьбе с экстремизмом и терроризмом в Финляндии¹. Начинается с чёткого разграничения, что терроризм всегда является насильственным экстремизмом, но не весь насильственный экстремизм это терроризм.

Основой плана действий является наблюдение и предотвращение экстремистских и террористических атак, с одной стороны, и недопущение экстремистских идеологий – с другой. Согласно плану, исключенность из общества, или самосегрегация и маргинализация могут способствовать радикализации, но этого недостаточно для объяснения появления радикализма. Поскольку экстремистская и террористическая деятельность имеют свои корни как в международных связях, так и на местном уровне, ответ тесно связан с международным и межсекторальным сотрудничеством между различными правительственными и неправительственными субъектами. Здесь местные власти, неправительственные и религиозные организации (в том числе мечети) играют важную роль в помощи и создании условий для скорейшей интеграции мигрантов. Очевидно, что “для того, чтобы успешно интегрироваться, [...] нужно претерпеть серьёзные изменения своей идентичности” [Гаджимурадова, 2016: 3–7].

В целом профилактическая работа начинается с идеи, что права человека и демократия, действия против радикализации и экстремизма усиливают друг друга. Уважение и соблюдение прав человека, открытое и хорошо функционирующее управление и недискриминационное общество, уменьшают основания для насилия. Поэтому работа не может быть реализована только государством, но при активном взаимодействии с другими уровнями, такими, как сообщество участников с одинаковыми целями и эффективными коммуникациями.

¹ Ministry of the Interior (2016a) Kansallinen väkivaltaisen radikalisoitumisen ja ekstremismin ennaltaehkäisyyn toimenpideohjelma. Sisäministeriö 15/2016. URL: http://julkaisut.valtioneuvosto.fi/bitstream/handle/10024/74921/Toimenpideohjelma_final.pdf?

Важнейшими направлениями политики в области предотвращения радикализации и экстремизма являются такие сектора, как образование, социальная сфера и здравоохранение, политика в области занятости, интеграция и жильё. Конкретным планом действий по предотвращению экстремизма является сотрудничество и координация между различными его участниками. Цель состоит не только в том, чтобы изучить различные аспекты экстремизма, чтобы получить полную картину явления, но и расширить знания, опыт и ноу-хау среди профессионалов. Для людей, которые были втянуты в сети религиозных экстремистов, для их семей и знакомых, а также для их жертв, план действий предлагает программы выхода из трудной жизненной ситуации, помощь и поддержку. В связи с иммиграцией особое внимание будет уделяться интеграции, предотвращению маргинализации и расширению коммуникаций в общественном пространстве.

Прекрасным примером совместной работы и внутренней коммуникации между различными лицами, действующими против экстремизма, является страница Facebook Eroon ektrimismistä (“Исчезновение экстремизма”). Здесь представители органов власти, неправительственных организаций и сообществ могут делиться информацией о своей работе, направленной против радикализации и насильственного экстремизма, делиться передовым опытом и обсуждать, а также информировать друг друга о конкретных вопросах и событиях, связанных с их работой. Разумеется, это отличается от надзора и жёсткой профилактики, проводимой полицией безопасности.

Борьба с терроризмом направлена “на выявление и противодействие угрозам Финляндии до их реализации”¹. В соответствии с контртеррористической стратегией Европейского Союза главная ответственность за мониторинг и анализ явлений, связанных с терроризмом, лежит на национальных органах, то есть на Финской полиции безопасности. Национальная контртеррористическая стратегия проводит работу в несколько этапов – выявление и предотвращение терроризма, борьба с террористической деятельностью и обеспечение готовности к ликвидации последствий². Вместо действий сугубо органов безопасности, национальная стратегия требует межсекторального сотрудничества как на национальном, так и на международном уровнях.

Для повышения готовности к отражению террористических атак органы безопасности и часть населения потребовали расширения полномочий как Финской полиции безопасности, так и финских сил обороны. В силу своего конституционного характера новое законодательство гражданской разведки всё ещё находится в правовом и политическом процессе. В случае применения так называемой ускоренной процедуры (без передачи её следующему парламенту) она значительно повысит готовность Финляндии к решению этого вопроса. Заместитель председателя Социал-демократической парламентской группы Johanna Ojala-Niemelä

¹ Ministry of the Interior (2018a). The fight against terrorism is spearheaded by cooperation between authorities. URL: <http://intermin.fi/en/police/counter-terrorism>

² Ministry of the Interior (2018b). Summary. Preparedness for and Prevention of Terrorism. URL: <http://intermin.fi/documents/1410869/3723676/Summary+terrorism+preparedness+and+prevention+31.8.2017/>

напоминает нам, что Финляндия больше не является “линтуко”¹ (фин. “безопасным гнездом”) “властям нужны достаточные полномочия для расследования угроз, грозящих нации”².

Вывод

Раньше Финляндия считалась “линтуко” (фин.), в котором безопасно и которое далеко от злого мира со всеми его проблемами. Углубленная европейская интеграция, прозрачность национальных границ и особенно глобализация изменили это, и страна стала частью большого глобального мира. Последний “миграционный кризис” 2015–2016 гг. и теракты в разных частях Европы, включая Финляндию, стали глобальной реальностью для их осознания финским обществом и поставили перед ним новые вопросы о миграции и безопасности: действительно ли экстремизм и терроризм представляют собой угрозу в Финляндии? Как предотвратить экстремистские и террористические угрозы в Финляндии?

Используя опыт других стран, например Швеции, мы можем сказать, что безуспешная интеграция, плохое образование, высокий уровень безработицы и преступности и социально-территориальная сегрегация – это то, чего следует избегать в Финляндии. Несмотря на то что число иммигрантов в Финляндии меньше, чем во многих других европейских странах, здесь уже есть мигранты во втором и третьем поколениях, появились исламские репатрианты из районов военных конфликтов, которых рассматривают как угрозу политической стабильности общества, а также произошли первые инциденты между правыми и левыми активистами. Все эти явления можно рассматривать как экстремистские угрозы, предотвращение которых может и должно решаться при широком внутреннем и международном сотрудничестве.

Список литературы

Асемоглу Д., Егоров Г., Сонин К. (2013) Политическая теория популизма. // Квартальный журнал по экономике, 128: 2, С. 771–805.

Виркуннен Й. (2016). Границы, экстремизм, чувство безопасности: раскрытие связи между миграцией и безопасностью в Финляндии. / Новые ориентиры демографической политики Российской Федерации в условиях экономического кризиса: Материалы II международной научно-практической конференции (8 декабря 2016 г.) / Отв. Ред.-сост. чл.-корр. РАН С.В. Рязанцев и д.соц.н. Е.Е. Письменная. – М.: Изд-во “Экон-Информ”. С. 292–301.

Гаджимурадова Г.И. (2016). Интеграция мусульман в Европе: история и современное состояние. – Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки № 3. С. 3–7.

Кроли Х., Дювелл Ф., Джонс К., МакМахон С., Сигона Н. (2018). Разгадка “миграционного кризиса” в Европе – Путешествие по суше и морю. Бристоль: Политическая печать.

Малкки Л. (2017) Радикализация из-за исключенности? / *Politiikasta.fi* 1.6.2017. URL: <http://politiikasta.fi/johtuuko-radikalisoituminen-syrjaytymisesta/>

Пинел-Йменес Г. (2016) Взаимосвязь миграции и безопасности вкратце: инструменты и действия Европейского Союза, Амстердамский Юридический форум, 4: 1: 36–57.

¹ Слово *lintukoto*, “птичье гнездо”, является финским идиоматическим выражением для места, которое безопасно, уютно и далеко от злого мира со всеми его проблемами.

² *Junkkari M. (2017) Sipilän hallitus ajaa tiedustelulakia nopeutetusti voimaan – Rkp:n kanta voi ratkaista asian. / Helsingin Sanomat. 12.4.2017. URL: <https://www.hs.fi/politiikka/art-2000005167232.html>*

Потемкина О.Ю. (2016) “Новое партнёрство” Комиссии ЕС – “амбициозный план” с неясными перспективами, Институт Европы РАН, Аналитическая записка №31, (№61).

Потемкина О.Ю. (2015) Иммиграционная политика Европейского Союза: итоги и новые вызовы // Миграционные проблемы в Европе и пути их решения = Migration in Europe: problems and remedies / [под ред. Н.Б. Кондратьевой (отв. ред.), О.Ю. Потемкиной]. – М.: Ин-т Европы РАН, 2015. 144 с.

References

Asemoglu D., Egorov G., Sonin K. (2013) Politicheskaya teoriya populizma. // *Kvartal'nyj zhurnal po ehkonomie*, 128: 2, S. 771–805.

Virkkunen J. (2016). Granicy, ehkstreizm, chuvstvo bezopasnosti: raskrytie svyazi mezhdru mi-gracij e bezopasnost'yu v Finlyandii. / *Novye orientiry demograficheskoy politiki Rossijskoj Federacii v usloviyah ehkonomicheskogo krizisa: Materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (8 dekabrya 2016 g.) / Отв. Red.-sost. chl.-korr. RAN S.V. Ryazancev i d.soc.n. E.E. Pis'mennaya. – М.: Izd-vo “EHkon-Inform”. S. 292–301.

Gadzhimuradova G.I. (2016). Integraciya musul'man v Evrope: istoriya i sovremennoe sostoyanie. – Nauchnoe obozrenie. Seriya 2. Gumanitarnye nauki № 3. S. 3–7.

Kroli H., Dyuvell F., Dzgons K., MakMahon S., Sigona N. (2018). Razgadka “migracionnogo krizisa” v Evrope – Puteshestvie po sushe i moryu. Bristol': Politicheskaya pechat'.

Malkki L. (2017) Johtuuko radikalisoituminen syrjätymisestä? / *Politiikasta.fi* 1.6.2017. URL: <http://politiikasta.fi/johtuuko-radikalisoituminen-syrjätymisestä/>

Pinel-Jmenes G. (2016) Vzaimosvyaz' migracii i bezopasnosti vkratce: instrumenty i dejstviya Evropejskogo Soyuza, *Amsterdamskij Yuridicheskij forum*, 4: 1: 36–57.

Potemkina O.YU. (2016) “Novoe partnyorstvo” Komissii ES – “ambicioznyj plan” s neyasnymi perspektivami, Institut Evropy RAN, Analiticheskaya zapiska №31, (№61).

Potemkina O.YU. (2015) Immigracionnaya politika Evropejskogo soyuza: itogi i novye vyzovy // Migracionnye problemy v Evrope i puti ih resheniya = Migration in Europe: problems and remedies / [pod red. N.B. Kondrat'evoj (otv. red.), O.YU. Potemkinoy]. – М.: In-t Evropy RAN, 2015. 144 s.

Migration, extremism and terrorist threat in Finland

Authors: Virkkunen J., Doctor of Geographical Sciences, Research Manager of the Karelian Institute of the University of Eastern Finland (Joensuu, Finland). **Address:** P.O. Box 111 (Yliopistokatu 2), FI-80101 Joensuu, Finland. **E-mail:** joni.virkkunen@uef.fi

Gadzhimuradova G., Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor of the MGIMO University of the MFA of Russia, Leading Researcher, Institute for Socio- Political Research of the RAS (Moscow, Russia). **Address:** 76 Vernadskogo Ave, Moscow, Russia, 119454; Leading Researcher of the Institute for Social and Political Studies, Russian Academy of Sciences **Address:** bld. 1, 6 Fotievoj St, Moscow, Russia, 119333; **E-mail:** gadzhimuradova7@gmail.com

Abstract. The article examines the immigration policy of two countries in Finland. A particular focus will be on so-called ‘migration crisis’ (2015-2016) and the ways that it became manifested in the conceptions of and policies countering extremism and terrorism. The authors draw attention to internal and external character of security, to the ways that external processes are directly reflected in domestic political processes, including violent extremist groups and the threat of religious radicalization and terrorism. The conclusions of the article make one think about migration and security in general and the danger of extremism and radical ideas that can and should be solved in a wide range of domestic and international co-operation.

Keywords: extremism, migration, migration policy, radicalism, refugees, security, Finland.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52018131141>

УДК 327

Владимир ШВЕЙЦЕР

АВСТРИЯ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПЛАНАХ СССР (СЕРЕДИНА 30-Х – НАЧАЛО 40-Х ГГ.)

Аннотация. Исчезновение Австрии как государства в марте 1938 г. с политической карты Европы, её насильственная интеграция в состав Германии стали результатом совокупности обстоятельств, тесно связанных с историей, политикой, экономикой всего межвоенного периода. Сталинская дипломатия никогда не рассматривала Австрию как важное звено тогдашнего геополитического развития. Поэтому реакция Советского Союза на аншлюс была достаточно прохладной и мало отличалась от позиции Запада. Лишь после нападения Германии на СССР советское руководство изменило свою точку зрения, взяв на вооружение концепцию борьбы за независимость Австрии.

Ключевые слова: Австрия, Советский Союз, Сталин, Гитлер, Черчилль, система коллективной безопасности, аншлюс, Вторая мировая война.

Среди всех государств – членов Европейского Союза Австрия является наиболее лояльным партнёром России. Несмотря на участие в объявленном ЕС в отношении нашей страны санкционном режиме, Австрия постоянно наращивает экономическое сотрудничество с нашим государством, там, где это не запрещено неумеренными ограничениями ЕС. Последнее свидетельство тому, очередной газовый контракт, подписанный в начале октября 2018 г. во время санкт-петербургской встречи В.В. Путина и канцлера Австрии С. Курца. Однако не только экономика сближает наши страны. Сближает их и история. Ведь именно советские войска, ценой жизни десятков тысяч своих солдат и офицеров, принесли Австрии весной 1945 г. освобождение от оков нацистского аншлюса. В последующие десятилетия именно советские инициативы в «австрийском вопросе» способствовали восстановлению её полного суверенитета. Роль СССР в подписа-

© Швейцер Владимир Яковлевич – д.и.н., руководитель отдела социальных и политических исследований Института Европы Российской академии наук. **Адрес:** 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11-3. **Email:** partsist@list.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52018142149>

нии в мае 1955 вместе с Австрией и союзниками по антигитлеровской коалиции государственного договора, позитивное отношение нашей страны к добровольно взятому на себя Австрией нейтральному статусу способствовали не только укреплению международных позиций небольшого государства в центре Европы, но и достаточно благополучному в экономическом и социальном отношении бытию Австрии в последующие десятилетия. Однако исторические события первой половины XX века не были для Австрии эрой однозначного благополучия.

На пути к аншлюсу

Военное поражение Австро-Венгрии – главной союзницы Германии в Первой мировой войне – определило схожесть дальнейших судеб обоих государств. Лишённое, согласно Версальскому договору, права называться “немецкой Австрией”, она по лингвистическим, культурно-психологическим, историческим параметрам сохраняла своё тесное родство с Германией. Обе страны понесли наиболее тяжёлые наказания как зачинатели Первой мировой войны. Но если Германия, лишившись колоний, ограничилась относительно небольшими территориальными потерями, то Австрия стала не более чем осколком некогда обширной империи Габсбургов. Экономическое, политическое, а при Гитлере и военное возрождение Германии вновь сделало её одним из главных акторов на европейском континенте. Австрия же влачила по вышеперечисленным параметрам жалкое существование, превратившись в “никому не нужное государство”. Для Советского Союза, не принимавшего участия в версальском переделе карты Европы, решения, принятые державами-победительницами, не имели особого международно-правового значения. В том числе и статья 80 Версальского договора, запрещавшая аншлюс. Если к этому добавить, что основными соперниками СССР в Европе считались Англия и Франция, то солидарность с ними по теме аншлюса не могла быть задачей советской дипломатии. После прихода к власти в Германии А. Гитлера, разгрома некогда могучей компартии этой страны и очевидной антибольшевистской ориентацией национал-социализма политика СССР претерпела определённые изменения. Был выдвинут тезис о создании системы коллективной безопасности для борьбы с возможным агрессором, в качестве которого предполагалась, хотя официально и не декларировалась, Германия. Параллельно СССР стремился через Коминтерн усилить позиции коммунистического движения в Европе, провозглашавшего борьбу со всеми видами капитализма и империализма. Вполне естественно, в концепции “системы коллективной безопасности” Запад видел прежде всего маневр Сталина, маскировавший подлинные замыслы большевизма. И создание правительства Народного фронта во Франции, и власть республиканцев в Испании – перемены, поддержанные СССР, а в испанском случае даже военным способом, – не внушали Западу уверенности в том, что СССР может стать союзником в противоборстве с Германией, пусть и неприемлемой для СССР в её нацистском варианте. Ни у кого не было особых надежд на Лигу Наций, которая за время своего существования ни разу не использовала свой миротворческий потенциал.

Отметим и ещё одно обстоятельство, сформировавшее у Сталина и его окружения весьма специфическое отношение к возможности аншлюса. Для советского руководства Австрия середины 30-х годов являлась государством, ориентировавшимся на фашизм. Австрофашизм как синоним проитальянского варианта тоталитарной диктатуры не выглядел лучше, чем диктаторские режимы в соседних с Австрией государствах.

После разгрома в феврале 1934 г. шуцбунда и запрета СДПА, а годом ранее запретом компартии в Австрии не было, по мнению Сталина, реальных антитоталитарных политических сил. Кроме того, отсутствие у Австрии общей границы с СССР не делало её важным элементом обеспечения национальной безопасности. И.В. Сталин был, безусловно, информирован о взаимовраждебности в политической жизни Австрии двух профашистских ориентаций – итальянской и германской. Знал он и об интересе к судьбе Австрии со стороны Англии и Франции. Поэтому “вождь всех народов” полагал, что можно извлечь некоторую политическую выгоду от обострения ситуации как внутри Австрии, так и вокруг неё.

Меморандум Литвинова

Советская дипломатия второй половины 30-х годов постоянно маневрировала между различными противоборствующими в Европе силами – демократами и фашистами. Этим, в частности, можно объяснить и ту внешнюю отстраненность, которую проявил НКВД, возглавлявшийся М.М. Литвиновым, по поводу надвигавшегося аншлюса. Несмотря на панические телеграммы советского постпреда в Вене в адрес НКВД об особой активности нацистов во многих городах Австрии, о желании австрофашистского режима Шушнига найти компромиссное решение с Гитлером, Литвинов явно выжидал. Только после 12 марта, когда германские войска пересекли границу Австрии и её конец как независимого государства стал очевиден, Литвинов 14 марта послал служебную записку членам политбюро ЦК ВКП(б), в которой характеризовал аншлюс как “величайшее событие после мировой войны, чреватое величайшими опасностями” [Россия – Австрия, 2017: 128].

Нам неизвестно, как реагировали члены сталинского политбюро на этот документ. Однако можно предположить, что Литвинову было рекомендовано выступить со специальным заявлением, в котором аншлюс был бы осуждён в очень смягчённой неидеологизированной форме. Далее рекомендовалось предложить Англии и Франции, а также Чехословакии и США рассмотреть вопрос о создании какого-то эквивалента системы коллективной безопасности.

Такое заявление было обнародовано 17 марта 1938 года. Заметим, что в послевоенный период советское руководство неизменно утверждало, не указывая, правда, на данный документ, об очевидной антианшлюсовской направленности советской политики. Так Н.С. Хрущёв во время своего визита в Австрию (июнь-июль 1960 г.) в одной из своих речей утверждал: “СССР был единственной великой державой, не признавшей аншлюса Австрии и решительно осудившей агрессивные захватнические действия германских милитаристов” [Дружеский визит. Пребывание Председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущёва в Австрийской республике, 1960: 53]. Спустя двадцать лет в предисловии к сборнику документов “СССР – Австрия 1938–1979 гг.” был сделан аналогичный вывод из заявления

М.М. Литвинова: “Советский Союз первым и со всей решимостью осудил преступление фашизма, совершенное в отношении Австрийской Республики, и призвал другие государства коллективно выступить в защиту её независимости и суверенитета” [Сб. “СССР – Австрия. Документы и материалы”, 1980: 6].

Эти оценки почти дословно совпадали с тем, что содержалось в служебной записке, направленной в феврале 1954 года на имя В.М. Молотова руководителями 3-го европейского отдела МИД СССР Г.М. Пушкиным и М.Г. Грибановым. В ней излагались следующие рекомендации для, как было сказано, “нашей пропаганды”: “Обратить особое внимание на освещение истории аншлюса 1938 г., показывая при этом, что аншлюс явился следствием политики западных держав, потворствовавших захвату Австрии гитлеровской Германией. Подчёркивать, что из великих держав только СССР выступил в 1938 г. против аншлюса, в то время как западные державы санкционировали и признали аншлюс” [СССР и Австрия на пути к государственному договору, 2015: 327]. Отметим, что данный документ появился в процессе острых конфронтаций между СССР и западными державами в связи с началом последней фазы борьбы вокруг подписания государственного договора. Он вполне логичен в контексте тогдашней линии нашей дипломатии, не искавшей никаких компромиссных с Западом решений по “австрийскому вопросу”.

Но вернёмся к тексту заявления Литвинова. Во-первых, оно было обозначено как “Заявление народного комиссара иностранных дел СССР М.М. Литвинова представителям печати”. Было сопровождено телеграммой наркома Литвинова, адресованной полномочным представителем СССР в Великобритании, Франции, ЧСР и США для вручения министерствам иностранных дел этих государств [СССР–Австрия, 1980: 13]. Вопреки тогдашней практике Литвинов не обратился напрямую к высшим дипломатическим чиновникам “четвёрки”, создав особый передаточный механизм – печать плюс постпреды СССР в обозначенных государствах. Вторичному уровню передачи столь важной для всего мирового сообщества информации соответствовала и содержательная сторона заявления. Его первый абзац констатировал заинтересованность СССР в создании системы коллективной безопасности. Здесь делалась ссылка на заключённые СССР с Францией (2 мая 1935 г.) и Чехословакией (по отдельности) в мае 1935 г. договоры о взаимопомощи. Далее следовали пространные рассуждения об искреннем стремлении СССР к коллективному отпору агрессору, об опасности международной пассивности в случае имевших место актов агрессии без указания на конкретных агрессоров. Очевиден намёк на захват Италией Абиссинии и начало японского вторжения в Китай. Наконец, в конце второго абзаца своего заявления Литвинов говорит в одной фразе об аншлюсе: “Новые подтверждения они (то есть советские предостережения. – **В.Ш.**) получили в совершенном военном вторжении в Австрию и насильственном лишении австрийского народа его политической, экономической и культурной независимости” [СССР – Австрия, 1980: 14].

Вторая часть заявления уже не касается аншлюса, а посвящена гипотетической оценке возможного развития событий в Европе и мерам, которые можно было бы предпринять для недопущения аналогичных аншлюсу событий.

Итак, обращает на себя внимание то, что в заявлении агрессор не назван по имени. Не осужден и фашизм как идеология и политика агрессивной державы.

Нет подтверждения и тезису о якобы прозвучавших из Москвы призывах к международному сообществу коллективно выступить в защиту независимости и суверенитета именно Австрии. Зато у М.М. Литвинова есть весьма туманный и по форме, и по содержанию пассаж, согласно которому СССР готов принять участие в коллективном отпоре неназванному агрессору, напавшему на неназванную страну “даже пренебрегая неизбежным ухудшением его (СССР. – **В.Ш.**) отношений с агрессором” [СССР – Австрия, 1980: 13].

Представляется, что именно последнее обстоятельство не позволило называть вещи своими именами, незамедлительно поставить в Лиге Наций вопрос об агрессии или как минимум направить ноту протеста германскому правительству. Можно ли было ожидать таких решительных шагов в период бурного развития экономических связей СССР и Германии, налаживания сотрудничества в политической сфере. Свое негативное отношение к аншлюсу СССР официально выразил лишь на пленуме Лиги Наций 21 сентября 1938 года. Причём Литвинов сделал упор на коллективную ответственность членов Лиги: “Исчезновение австрийского государства прошло незамеченным для Лиги Наций” [История дипломатии, 1945: 619]¹.

Он посетовал, что предложение СССР о новом варианте системы коллективной безопасности “не было оценено по достоинству” [История дипломатии, 1945: 619]. Отметим, что на этом пленуме Лиги своё осуждение аншлюса также выразили Испания, доживавшая последние месяцы в борьбе с поддерживаемым Италией и Германией франкизмом, Китай, сопротивлявшийся японской агрессии, и левое правительство Чили. Мексика разорвала с Германией дипломатические отношения. Англия и Франция уже в начале апреля 1938 г. формально признали аншлюс, хотя в дни этого тягостного для Австрии события их послы в Берлине выразили протест, чего, кстати говоря, не сделал СССР. Напомним и об акте передачи в Москве вскоре после аншлюса в собственность Германии здания австрийского посольства, в котором, по некоторым сведениям, и был позже подписан секретный протокол к пакту Молотова–Риббентропа. Напрашивается вывод о начале вскоре после аншлюса нового курса в отношении Германии как со стороны Англии и Франции (Мюнхенский сговор осенью 1938 г.), так и со стороны СССР (договор и секретный протокол августа-сентября 1939 г. с Германией). «Новым отношениям с Германией явно способствовал и осуществлённый в 1940 г., обмен находившихся в гитлеровском застенке советских нелегалов-разведчиков на тех, кого нацисты называли «врагами Рейха». В результате Германии были переданы многие немецкие и австрийские антифашисты. Среди них был и Ф. Коричонер – один из основателей компартии Австрии, состоявший в переписке с В.И. Лениным.

¹ Отметим, что в “Истории дипломатии” заявление Литвинова от 17.03.1938 г. вообще не упоминается. Скорее всего это свидетельствовало о слабости тогдашней позиции НКВД, никак не выглядевшей как “решительное осуждение” гитлеровской агрессии.

Сталин и австрийский вопрос

Вполне естественно, что не М.М. Литвинов, который год спустя после аншлюса из-за своего еврейского происхождения стал неудобен для И.В. Сталина как посредник в процессе сближения с гитлеровской Германией, определял отношение СССР к аншлюсу. Советская позиция в этом, как, впрочем, и во всех других вопросах международной жизни, вне зависимости от того, кто её озвучивал или документально формулировал, опиралась на мнение И.В. Сталина. Его отношение к аншлюсу вполне соответствовало сугубо прагматическому, лишь слегка приправленному идеологией подходу к международным делам второй половины тридцатых годов. К началу 1938 г. у лидера СССР сложилось твёрдое представление о необходимости считаться с реальностью приоритетного места Германии в тогдашней Европе. Учитывался постоянно возраставший экономический и военный потенциал Германии, фактическое отсутствие сил сопротивления гитлеризму как внутри нацистского монстра, так и соседних государствах. Во Франции терпел неудачу проект правительства Народного фронта, в Испании явно обозначалась скорая победа франкизма. Великобритания также не выглядела лидером в противоборстве с германским фашизмом. Более того, Сталин, учитывая опыт гражданской войны, опасался возможности захвата англичанами бакинской нефти и экспансии в республиках Советской Средней Азии. Рассчитывать в этих условиях на эффективность каких-либо механизмов Лиги Наций было просто наивно. Сталин полагал, что в известном смысле аншлюс даже отвечал геополитическим интересам СССР, ибо усиление за счёт Австрии экономического, военно-промышленного и людского потенциала Германии могло ориентировать её в западном направлении. Борьба с европейскими демократами была для фюрера не меньшим стратегическим приоритетом, чем уничтожение большевизма. Полагая, что военное столкновение англо-французов и гитлеровской Германии истощит обе стороны и создаст благоприятные условия для вполне вероятного в будущем похода Красной армии в западном направлении, Сталин следил за любыми нюансами в доктринах противоборствующих сторон. От его внимания, конечно же, не ускользнула та фраза в речи Уинстона Черчилля осенью 1940 г., в которой он упомянул Австрию первой среди стран, за независимость которой британцы намерены бороться. После 22 июня 1941 г. позиция лидера Великобритании обозначалась как просоветская, и военно-политический временный союз обеих стран уже стоял на повестке дня. Тем не менее Сталин счёл возможным вступить с У. Черчиллем в скрытую полемику о будущем Австрии, делая её предметом предстоящего торга с британцами. Это следует из его известной речи 6 ноября 1941 г. на торжественном заседании партактива Москвы, приуроченного к очередной годовщине Октябрьской революции.

Рассуждая о природе гитлеризма, Сталин предложил своим слушателям схему “двух нацизмов”. Один из них имеет империалистическое содержание и начался с захвата чужих территорий, порабощения европейских наций, к которым Сталин причислял чехов, словаков, поляков, норвежцев, датчан голландцев, бельгийцев, французов, сербов, греков, украинцев, белорусов, прибалтов и т.д. [Сталин, 1997: 76]. С нацистами-империалистами, отмечал Сталин, не может быть никакого

примирения, а лишь борьба до полного их истребления. Однако нацисты стали империалистами не сразу. Сначала они были заурядным националистами, занимаясь “собираанием немецких земель” и воссоединением Рейнской области, Австрии и т.п.” [Сталин, 1997: 76]. Под “т.п.” следовало понимать отторжение от Чехословакии населённой в основном немцами Судетской области. Более того, Сталин даже объясняет это “собираательство” несправедливой, по сути, ситуацией, когда Германия была “разбита на куски в силу Версальского договора”. Тогда гитлеровцы “могли иметь поддержку германского народа, воодушевленного идеалом восстановления Германии” [Сталин, 1997: 79].

Сталин не только бросил камень в сторону создателей Версальской системы, которая объективно способствовала росту в Германии националистических настроений, но отметил поддержку германским народом этого “собираательства земель”. Из этой схемы не выпадал и общегерманский референдум 10 апреля 1938 г., когда 99% голосовавших по всей Германии, включая и Австрию, высказались за её включение в Рейх. Однако главное заключалось в том, что Сталин вывел Австрию из числа государств, бывших для Гитлера “чужими территориями”. Тем самым он косвенно признал правомерность аншлюса и его объективный, с точки зрения национальных интересов Германии, характер.

Логику Сталина можно понять, исходя из событий недавнего прошлого. В августе-сентябре 1939 г. он договаривался не с отвратительным ему империалистами, а с националистами, руководствовавшимися той же концепцией “собираания земель”, что и сам “вождь народов”, получивший по договорённости с Гитлером добро на воссоединение украинцев и белорусов, близких по крови славянским гражданам СССР как следствие раздела неприемлемой для обеих сторон Польши.

Впрочем, уже в самом ближайшем будущем Сталин, стремясь избежать превратного толкования своих слов об объективно естественном процессе собирания немецких земель, заявил А. Идену, побывавшему в Москве в конце ноября 1941 г., что “Австрия должна быть отделена от Германии в виде независимого государства” [СССР – Австрия, 1980: 119]. В дальнейшем никакой двусмысленности относительно аншлюса ни Сталин, ни его сподвижники в дипломатических кругах СССР не допускали. Общим знаменателем союзников стали слова “Московской декларации” от 1 декабря 1943 года – результата конференции министров иностранных дел СССР, Великобритании и США, где было чётко сказано, что “Австрия, первая свободная страна, павшая жертвой гитлеровской агрессии, должна быть освобождена от германского господства” [СССР – Австрия, 1980: 15]. Ближайшее будущее показало, что, перехватив инициативу у Уинстона Черчилля в “австрийском вопросе”, советские лидеры заняли важный плацдарм в предстоявшей после победы над фашизмом борьбе за геополитическое пространство в Европе, а также получили важный бонус в общественном мнении австрийцев. Теперь СССР был уже не пассивным созерцателем судьбы Австрии, как в марте 1938 г., а воссоздателем её послевоенной государственности.

Список литературы

Дружеский визит. Пребывание Председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущёва в Австрийской республике 30 июня – 8 июля 1960 г. (1960) М.

- История дипломатии. (1945) т. III. М.
Россия – Австрия. Вехи совместной истории. (2017) М.
Сб. “СССР – Австрия. Документы и материалы”. (1980) М.
СССР и Австрия на пути к государственному договору. (2015) М.
“СССР и германский вопрос. 1941–1949”. (1996) М. т. 3.
Сталин И.В. (1997) Сочинения. т. 15. М.

References

- Druzheskij vizit. Prebyvanie Predsedatelya Soveta Ministrov SSSR N.S. Hrushchyova v Avstrijskoj respublike 30 iyunya – 8 iyulya 1960 g. (1960) М.
Istoriya diplomatii. (1945) т. III. М.
Rossiya – Avstriya. Vekhi sovmestnoj istorii. (2017) М.
Sb. “SSSR – Avstriya. Dokumenty i materialy”. (1980) М.
SSSR i Avstriya na puti k gosudarstvennomu dogovoru. (2015) М.
“SSSR i germanskij vopros. 1941–1949”. (1996) М. т. 3.
Stalin I.V. (1997) Sochineniya. т. 15. М.

Austria in the Soviet geopolitical calculations (middle 30s – early 40s)

Author. Schweizer W., Senior Research Fellow, Doctor of History, Head of Department of Social and Political Studies. **Address:** 11-3, Mokhovaya Str., Moscow, Russia, 125009. **Email:** partsist@list.ru

Abstract. The disappearance of Austria as a state in March 1938 from the political map of Europe, its forcible integration into Germany became the result of a combination of circumstances closely related to the history, politics, and economy of the entire interwar period. The Soviet diplomacy never considered Austria as an important link in the then geopolitical development. Therefore, the reaction of the Soviet Union to the Anschluss was cool enough and differed little from the position of the West. Only after Germany's assault on the USSR the Soviet leadership change its point of view and adopted the concept of the struggle for Austrian independence.

Key words: Austria, the USSR, Stalin, Hitler, Churchill, collective security system, Anschluss, WWII.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52018142149>

РЕЦЕНЗИИ

НЕЛЁГКАЯ СУДЬБА

Облик современной Европы во многом сформировался под влиянием интеграции. Отцы-основатели Европейского Союза задумывали его как организацию государств, в которой устранялись бы взаимные непримиримые противоречия. Если раньше эти противоречия приводили к войнам, то с созданием интеграционного объединения исчезла бы сама почва для вооружённых столкновений. Повторение прошлого стало бы физически невозможным. Условие для такого эпохального разворота усматривалось в сращивании народных хозяйств, в их отраслевом переплетении и в наднациональном регулировании.

Пройденный путь и его нынешний этап отмечены не только успехами, но и неудачами, частично несбывшимися надеждами и даже сомнениями в их правильности. Сбалансированный подход в оценке плюсов и минусов интеграции позволяет создать объективное представление о том, что там происходит и каковы направления будущего развития. Насколько монолитен Евросоюз в решении важных международных вопросов, он убывающая или нарастающая сила, какова роль двусторонних отношений в общем многостороннем контексте, какой опыт Брюсселя мог бы быть полезен для евразийской интеграции? Поиском ответов на эти и другие вопросы занимаются наука и практика в разных странах.

В текущем году вышла в свет монография «Судьба Евросоюза и уроки для России», изданная Пензенским государ-

ственным университетом¹. Это даёт повод вновь обратиться к данной теме и вместе с авторами поразмышлять о разных сторонах интеграционного феномена. Работа состоит из 20 глав (очерков, как их называют авторы), в которых рассматриваются как общие положения, так и страновые сюжеты. Основному тексту предшествует историческая (хронологическая) отсылка, что помогает видеть явления в их развитии с упором на федерализм. Обращает на себя внимание во многом правовой аспект исследования. Книга хорошо оформлена, в ней помещены фотографии европейских деятелей и членов авторского коллектива. Поскольку перечисление всех очерков с анализом содержания (15 авторов) заняло бы много места, остановимся на некоторых из них.

Слово “кризис”, пожалуй, самое употребляемое при упоминании Европейского Союза, он пребывает в состоянии неопределённости, отягощённый к тому же неблагоприятными прогнозами.

Отношение к иммигрантам автор соответствующей главы условно подразделяет на три стадии. На третьей стадии “Раскол в обществе углубляется и, как показывает пример Великобритании и Шотландии, угрожает распадом не только международным интеграционным группировкам, но и отдельным государствам. Именно на подобной стадии, кроме Вели-

¹ Судьба Евросоюза и уроки для России: Монография / Под ред. А. Д. Гулякова. Пенза: Изд-во ПГУ, 2018. С – 294 с. – ISBN 978-5-907018-65-5.

кобритании, находятся сейчас Польша и Венгрия”. Отдавая должное автору в его профессионализме, вместе с тем было бы опрометчиво предрекать распад достаточно стабильных государств, в том числе двух вышеназванных (с. 24, 25).

Как бы то ни было, автор прав, когда в самом начале книги подчёркивает, что главной проблемой для Европы является проблема идентичности и что власти Евросоюза давно и безуспешно пытаются её решить.

Миграционное столпотворение не может быть устранено односторонне, какой-то отдельно взятой страной, здесь не существует простого решения. Но и компромисс, будь он достигнут, ничего не гарантирует, ибо сохраняется первопричина. Накопленное в мире неравенство между богатыми и бедными странами и регионами побуждает людей самим решать проблему собственного благополучия, и в поисках они устремляются в дальние края, жертвуя всем, в том числе здоровьем и часто жизнью. Но ведь миграционный кризис не свалился с небес. Как считают эксперты, нынешнее переселение народов формировалось в течение десятилетий, пока не застало врасплох западный мир. Неравенство в производстве и распределении жизненных благ будет расти и ещё более усугубит демографические сдвиги на международной арене.

Существует мнение и другого порядка, а именно: следует принять меры по улучшению условий жизни в странах за пределами Евросоюза. Тем самым, как считается, можно уменьшить миграционное давление со стороны неблагополучных соседей. Такие предложения оторваны от конкретной почвы и не помогают разобраться в проблеме. Поднимать из бедности и нищеты пришлось бы не только отдельные страны, но и целые регионы со своими специфическими цивилизационными отличиями, что явилось

бы неподъёмной задачей для ЕС и его членов. К тому же сам Европейский Союз борется за своё выживание в условиях острой международной конкуренции с тем, чтобы не оказаться на обочине мирового хозяйства. Да и внутри интеграционного сообщества есть участники со своими заявками на оказание им помощи. Тем не менее, несмотря на все трудности объединительного процесса, в ближайшем будущем произойдёт скорее расширение Союза, нежели его сокращение, если иметь в виду балканские страны-кандидаты.

Демографическая проблема затрагивает разные страны, отмечается в работе. Естественный показатель сводится в них с отрицательным знаком, что чревато общей деградацией в будущем. Уже сейчас при гипотетическом отъезде из конкретной страны занятых на рынке труда иностранцев валовый внутренний продукт значительно “просядет”, возрастут многие социально-экономические трудности. В Европе памятен 2015 г., когда в Европу и особенно в ФРГ хлынули несметные массы людей в надежде на лучшую долю. На некоторое время вышла из-под контроля ситуация на границе. Страна приняла тогда миллион мигрантов.

Важное место в монографии отводится Германии, и это вполне понятно. Будучи самой крупной страной в Евросоюзе, она во многом определяет состояние интеграционных связей и является главным плательщиком в общую кассу. На её помощь могут рассчитывать другие участники ЕС в случае нарастания внутренних трудностей, как это было, например, с Грецией. Речь идёт не о каких-то подарках, а о кредитной поддержке и разработке программ выхода из тупика. Большие проблемы есть и в самой ФРГ, и проводимая там социально-экономическая политика встречает острую критику со стороны населения, политических партий, экспертов. Не со

всеми авторскими формулировками можно полностью согласиться. Отдав почести германским лидерам (Людвику Эрхарду, Вилли Брандту и другим), автор продолжает: “Европе также повезло и с тем, что с конца XX в. её бесспорным лидером стала ФРГ, имевшая опыт управления сложными внутригосударственными отношениями, представление о чём не имели чисто унитарные государства” (с. 33). Хотелось бы знать, что конкретно имел в виду автор, говоря о германском опыте. Далее, “Такой же основательной и разумной, как и экономика, была в Германии политическая жизнь”. Заметим, что в послевоенное время эта “основательная и разумная” экономика несколько раз переживала кризис производства, то есть когда оно падало ниже нуля. Называя Германию в социально-экономическом отношении эталоном для многих других стран объединённой Европы (с. 43), нужно иметь в виду, что сам эталон страдает существенными недостатками. Касаясь международных отношений, автор считает, что усиливаются трения между Германией и Польшей, причём последняя “выдвигает необоснованные претензии к Германии по поводу так называемых послевоенных репараций” (с. 44). Оставим это утверждение без комментариев.

Приток населения из-за рубежа приносит народному хозяйству ФРГ немалый демографический дивиденд. Но чем он больше, тем больше риски. Национальное государство превращается в многонациональное, добавляя к социальным ещё и этнические противоречия. Привлекаемый из-за рубежа живой ресурс дестабилизирует общественную жизнь. Увлёкшись им, власти перестарались, не распознали его токсичность, пропустили точку невозврата, и страна обречена теперь на многое из того, чего раньше не знала. Раз начавшись, рост доли “многонациональности” не остановится, он имеет свойство самовозрастать и со временем на геогра-

фической карте, хотя и сохранится прежнее название, но это будет уже другая страна. Можно сказать, что в том 2015 г. прогремел гром, но не все его услышали.

Название книги ко многому обязывает, а именно: каковы обещанные выводы для России и межгосударственных интеграционных объединений (Евразийский экономический союз, МЕРКОСУР, АСЕАН, ШОС и др.). Ввиду важности темы поместим несколько “простых уроков” (согласно авторам) из негативного опыта Евросоюза без сокращений. Вот они (с. 276, 277).

1. Ни в коем случае не следует искусственно форсировать естественное сближение соседних стран, геополитически и экономически тяготеющих друг к другу. Они придут к интеграции самостоятельно, на основе внутреннего убеждения.

2. Необходимо отказаться от навязывания неких единых идеологических и культурных стандартов и понятия пресловутой политкорректности, столь свойственной в последнее время для западного мира.

3. Исходя из напряжённых отношений, сложившихся между еврооптимистами и евроскептиками, целесообразно вовремя и уважительно реагировать на мнения оппонентов, не пытаться игнорировать их или высмеивать.

4. Интеграционные процессы должны быть тесно связаны с формированием соответствующего уровня правовой культуры населения государств – участников межгосударственных союзов.

5. В рамках межгосударственных союзов интеграция должна ориентироваться на сохранение народами государств-участников их самобытности и ценностных ориентиров.

6. Интеграция государств должна осуществляться на основе адекватной, динамичной, гибкой и конструктивной правовой политики.

7. Важно сдерживать экспансию судебных органов, не допускать расширительного толкования учредительных документов интеграционных объединений, не ущемлять государственный суверенитет.

8. Следует повышать качество подготовки специалистов (юристов, государствоведов, политологов), участвующих в осуществлении взаимодействия в рамках межгосударственных интеграционных объединений.

Подведём итоги. Авторы создали под редакцией А.Д. Гулякова значительный научный труд, который будет востребован разными категориями читателей. Несмотря на некоторые погрешности, он представляет собой заметный вклад в фонд российских интеграционных исследований. Монография имеет также большое познавательное значение.

В.П. Фёдоров, чл.-корр. РАН, член
дирекции ИЕ РАН, г.н.с. ИЕ РАН.

ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК РЕСУРС ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Энциклопедическое издание “Идентичность: личность, общество, политика”¹ под редакцией чл.-корреспондента РАН И.С. Семененко представляет собой результат многолетнего труда большого коллектива высококвалифицированных учёных, которые проделали анализ феномена идентичности с применением широких междисциплинарных подходов. Среди авторов – “специалисты в области анализа современных политических институтов и процессов, политической психологии и лингвистики, политической регионалистики и мировой политики, политической социологии и философии, а также и смежных областей социальных и гуманитарных наук – этнологи, географы, культурологи и др.” (с. 15). Такое всеоб-

емлющее содружество исследователей позволило создать действительно энциклопедический фундаментальный труд.

Подбор авторов глав радует географическим разнообразием; среди них достойные представители не только московских институтов и университетов, но и региональных университетов – Санкт-Петербурга, Перми, Казани, Краснодара и др., объединённых в сеть по исследованию идентичности, заслуга создания которой принадлежит автору и ответственному редактору рецензируемой работы И.С. Семененко. Одну из самых интересных глав написал итальянский учёный – руководитель Центра политических изменений Сиенского университета профессор М. Котта.

Перед коллективом стояла сложная и амбициозная задача – “осмыслить потенциал идентичности как ресурса общественного развития”. “Анализ современного научного дискурса по проблемам

¹ “Идентичность: личность, общество, политика”, отв. ред. И.С. Семененко. М.: ИМЭМО РАН/Издательство “Весь Мир”, 2017.

идентичности и практик использования концепта идентичности” (с. 12) совершенно необходим для современных научных исследований в сфере гуманитарных и социальных наук. Не секрет, что сегодня во многих работах не только начинающих исследователей, но и вполне состоявшихся присутствует некоторое пренебрежение к понятиям и дефинициям, когда они употребляются без должного осмысления. Так, в качестве характерного примера И.С. Семененко в своей главе о феномене мультикультурализма приводит случаи ошибочной замены этого понятия “мультикультурностью” (с. 441), что очень часто можно увидеть сегодня в отечественных работах.

Структура энциклопедического издания логично выстроена “вокруг анализа современного научного дискурса по проблемам идентичности и практик использования концепта идентичности как способа объяснения социальной реальности и производства новых смыслов, формирующих эту реальность” (с. 12) и включает шесть разделов, каждый из которых имеет свою несомненную ценность, в том числе, и прежде всего, введение ответственного редактора. Во введении ответственный редактор И.С. Семененко решает, казалось бы, невыполнимую задачу: в очень сжатой и конкретной форме представляет научный коллектив столь объёмного издания и огромный круг проблем, которые исследуют его авторы.

Открывает издание теоретико-методологический раздел, посвященный анализу самого концепта идентичности, а также методологии и области исследования. Очень важным представляется объяснение в первой главе раздела (И.С. Семененко) актуальности исследования идентичности – “нынешнего взрыва интереса” к данной категории в социальных науках” – “усложнением институциональных основ и стремительным ростом многообразия общественной среды”, по-

явлением новых угроз обществу и человеку, “качественным изменением характера производства и сферы трудовых отношений”. “Взрыв интереса” иллюстрируется обзором внушительного списка трудов отечественных и зарубежных исследователей, на основании которого автор делает вывод об отсутствии консенсуса по проблемам развития и роли дискурса в общественных изменениях, объясняя также причины такого положения дел и предлагая пути дальнейшей работы.

Анализ исследования идентичности и сопряженных понятий, методологических споров относительно моделей концептуализации идентичности, трактовки понятия со стороны историков, этнологов, социологов авторы продолжают в других главах раздела, задавая, таким образом, концептуальные рамки энциклопедическому изданию. Достояна уважения эрудиция исследователей как данного, так и последующего разделов, опирающихся на значительный объём российской и зарубежной литературы.

Второй раздел посвящен социально-политическим изменениям и их влиянию на динамику идентичности. В числе изменений авторы отмечают консьюмеризацию, глокализацию, информатизацию, сетевизацию, которые “добавляют новые линии размежевания” и “меняют ориентиры структурирования групповых идентичностей в сфере политики” (с. 81). Как ответ на современные риски в качестве “желаемого завтра” исследование предлагает “ответственное развитие” – готовность нынешнего поколения отстаивать ценности общественного блага и принципы демократического политического общежития (с. 86). Эта мысль прослеживается во всех главах раздела, где речь идёт об актуализации проблемы идентичности в условиях глобальных трансформаций, этнокультурного многообразия, изменения социальной структуры. Авторы справедливо полагают, что “тем, кому удастся

первыми осознать черты новой парадигмы развития и принять участие в её формировании, суждено стать лидерами мирового развития” (с. 124).

Очень любопытным представляется третий раздел, где рассматриваются цивилизационные и политико-культурные ракурсы идентичности. При этом интересны и насыщены фактами и рассуждениями как “цивилизационные главы”, так и “географическо-культурные”. Так, исследовательскую и одновременно практическую ценность являет собой глава итальянского исследователя М. Котта, где он упоминает о “малой”, эксклюзивной Европе – Европейском Союзе и “большой Европе”, представленной Советом Европы, “самой широкой версии европейской идентичности” (с. 186). Данное уточнение представляется очень актуальным в то время, когда Европейский Союз, а вместе с ним многие политики и эксперты, в том числе и отечественные, продолжает отождествлять Европу именно с ЕС.

На наш взгляд, российского читателя привлекут главы о северо- и иberoамериканской идентичности, а также китайской, индийской, африканской (в двух ипостасях – христианской и исламской), и, наконец, космополитической идентичности, поскольку эти сюжеты в отечественных исследованиях появляются реже, чем европейская и российская идентичность. В целом осмысление сущности и цивилизационных и социокультурных различий также имеет не только академическое, но и практическое значение, так как могло бы способствовать “понижению уровня конфликтности в мире” и повышению эффективности регулирования международных отношений.

Особый интерес для читателя представляет четвёртый центральный раздел книги: это словарь, в котором собраны все самые важные и значимые понятия, используемые в научных исследованиях

идентичности и социально-политических практик. Авторы десяти глав стремятся дать четкие формулировки часто употребляемым понятиям, знакомят читателя с различными их толкованиями и дискуссиями вокруг них. Анализ рамочных категорий идентичности – личность, индивидуальная и групповая идентичность, социальная идентичность, сообщество – соседствует с исследованием идентичности в многочисленных измерениях – социокультурном, политическом, национальном и этнополитическом, международно-политическом пространственном, и территориальном. Специалисты по международным отношениям найдут для себя чрезвычайно полезным сведения о понятиях “мягкая сила”, национальное государство, сепаратизм и ирредентизм в привязке к идентичности. Этнологам ценными покажутся трактовки национализма, мультикультурализма, политической нации, диаспоры; политологам – политической, гражданской, имперской идентичности. Авторы прослеживают эволюцию понятий, современные их толкования и дают свои авторские определения, принимая во внимания различные подходы, существующие в отечественной и зарубежной науке. Так, И.Л. Прохоренко в своей очень интересной главе о политическом пространстве – весьма популярном сегодня предмете исследования российских учёных, упоминает о плюрализме интерпретаций политического пространства и отдаёт дань вкладу представителей различных подходов – идеи социального пространства, транснационализма, геополитического подхода.

К четвёртому словарному разделу примыкает пятый раздел, содержащий биографии известных исследователей прошлых лет (Джон Локк), недавно ушедших (Бенедикт Андерсон, Сэмюэл Хантингтон, Г.Г. Дилигенский), а также и современных (Юрген Хабермас, Петр Штомпка, Роджерс Брубейкер). Все они

внесли неоценимый вклад в изучение проблемы идентичности. В результате такого подбора интересных жизнеописаний и анализа деятельности учёных внутри самого энциклопедического издания получился как бы биографический словарь, которым не преминут воспользоваться заинтересованные читатели.

Наконец, последний, шестой раздел представляет собой оригинальное по своей форме заключение, в центре которого профессиональная идентичность политологов. Изучение этой проблемы, выявление факторов формирования профессионального сообщества сегодня очень важно хотя бы потому, что политология, как справедливо утверждает автор одной из глав раздела О.В. Гаман-Голутвина, относительно молодая наука в России (с. 826). Исследование профессионального сообщества политологов за рубежом и в России, основанное на многочисленных интервью коллег, позволяет сделать интересные выводы о взаимоотношениях политической науки и практики, о роли Российской ассоциации политических наук, об интеграции российских учёных в мировое исследовательское поле, наконец, общих проблем профессии.

Нельзя не упомянуть и о своеобразном приложении к изданию – “когнитивной карте понятий, используемых в современном научном дискурсе по проблемам идентичности”. Подробный список концептов и терминов, которые были использованы в книге, авторы рассматривают как “своего рода терминологический путеводитель по лабиринтам идентичности”. Карта, идентитарных исследований, наглядно демонстрирующая их структуру и взаимосвязь, позволяет выявить значимые дискурсы, методологиче-

ские подходы, а также предложить перспективу дальнейших исследований в этой важной и актуальной сфере науки.

Рецензируемое энциклопедическое издание выгодно отличается от существующих энциклопедий оригинальностью, нетрадиционными подходами и формами представления текстов. Ни одна рецензия не может охватить всех тем и сюжетов этого фундаментального исследования, аналогов которого нет в российской гуманитарной науке. Комплексный междисциплинарный подход позволил осмыслить и связать воедино глобальные тенденции трансформации международных отношений, роль и место личности в обществе и современном мире; книга ценна как с теоретической, так и практической точки зрения. Выход в свет энциклопедического издания ознаменовал важный этап в развитии отечественной политологии и общественных наук в целом.

Коллектив авторов рецензируемого труда под руководством И.С. Семененко проделал сложную, кропотливую, новаторскую, творческую работу и достиг значимых результатов. Энциклопедическое издание необходимо как начинающим, так и зрелым учёным, а также и практикам, заботящимся о точности и четкости формулировок и понятий, тенденций мирового и личностного развития, их глубоком осмыслении.

О.Ю. Потемкина, д.полит.наук, зав. отделом исследований европейской интеграции Института Европы РАН, проф. фак-та мировой политики МГУ им. М.В.Ломоносова.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

**К 10-ЛЕТИЮ РОССИЙСКО-АВСТРИЙСКОЙ
КОМИССИИ ИСТОРИКОВ**

Австрия является одним из европейских государств, с которыми Россия поддерживает стабильные отношения во многих областях политики, экономики и науки на протяжении всего послевоенного периода. Ведь именно СССР внёс решающий вклад в освобождение Австрии от гитлеризма в 1945 г., а в последующие десятилетия активно участвовал в становлении Австрии как независимого, суверенного и нейтрального государства. В постсоветский период истории эти отношения шли по восходящей линии. В 2008 г. министры иностранных дел СССР и Австрии С. Лавров и У. Пласник предложили создать Российско-австрийскую комиссию историков. Эта идея нашла поддержку у ведущих историков России (академик А.О. Чубарьян) и Австрии (С. Карнер). С тех пор учёные, представляющие прежде всего гуманитарные институты, а также крупнейшие архивы обеих стран, регулярно проводят международные исторические конференции, к участию в которых приглашаются также представители науки из других европейских государств. Институт Европы РАН в лице одного из ведущих экспертов России по австрийской проблематике д.и.н. руководителя отдела социальных и политических исследований В.Я. Швейцера также регулярно представляет на встречах историков двух стран свои исследовательские проекты.

Юбилейная научная конференция под названием “Россия и Австрия в межвоенный период: 1917–1938 гг.” состоялась 14 сентября 2018 г. в только что открывшемся особняке Российского исторического общества. Она состояла из трёх секций: “Австрия”, “Россия и Австрия”, “Архивы России и Австрии”. Вначале были зачитаны приветствия от МИД России и Министерства европейской интеграции и иностранных дел Австрии. Среди участников заседания была бывший министр У. Пласник, ныне посол Австрии в Швейцарии. Именно она внесла новые предложения о сотрудничестве в сфере истории. Они были поддержаны российской стороной.

Конференция была посвящена отношениям СССР и Австрии в межвоенный период. Памятные даты (1917–1918 гг. и 1938–1939 гг.) являются, безусловно, знаковыми в истории как этих государств, так и мира в целом. Две революции 1917 г. в России и ноябрьская революция 1918 г. в Австрии привели к появлению новых политических систем в обеих странах. Об этих событиях представили интересные доклады сопредседатели Комиссии академик А.О. Чубарьян (Институт всеобщей истории РАН) и С. Карнер (Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана). В трёх секциях рассматривались темы, связанные с крахом Австро-Венгрии, взаимоотношениями Австрии и СССР в межвоенный период и аншлюсом 1938 года. С докладом о революции 1918 г. в Австрии выступила Х. Ляйдингер из венского отделения Института им. Л. Больцмана. Российские историки А. Ватлин (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова) и И. Кукушкина (Институт всеобщей истории РАН) рассмотрели темы отношения австрийской социал-демократии к событиям в советской России и пребывания в СССР в 1930-е гг. социал-демократов – шуцбундовцев, активно боровшихся с австрофашистским режимом Э. Дольфуса. С докладом об австро-германском следе в деле убийства царской семьи в Екатеринбурге выступил историк Б. Хавкин. Взаимоотношения СССР и Австрии в межвоенный период в экономической сфере рас-

смотрела Ю. Кёстенберг – сотрудник венского отделения Института им. Л. Больцмана. Два российских учёных – проректор Российского государственного гуманитарного университета О. Павленко и руководитель отдела социальных и политических исследований ИЕ РАН В. Швейцер – рассказали о позиции СССР к аншлюсу 1938 года.

Большой интерес вызвало выступление ведущих российских архивистов – Н. Барановой (Историко-документальный департамент МИД России), А. Сорокина (Российский государственный архив социально-политической истории) и В. Христофорова, до недавнего времени руководившего архивом ФСБ. О новых публикациях Австрийского государственного архива сообщил его руководитель В. Мадертанер.

Важным событием в работе историков России и Австрии стало подписание совместного меморандума Министерствами иностранных дел двух стран о подготовке сборника архивных и дипломатических документов. Сессия Российско-австрийской комиссии историков показала широкие возможности совместных исследований работ и наметила перспективы дальнейшего сотрудничества. Ближайшее заседание комиссии намечено провести в г. Санкт-Пёльтен (Нижняя Австрия) в мае следующего года. Оно будет приурочено к 40-летию встречи Л. Брежнева и Д. Картера в Вене (1979). Укажем, что в 2011 г. в Вене уже состоялась встреча историков, политиков, дипломатов, посвящённая советско-американскому саммиту 1961 г. – встрече Н.С. Хрущёва и Дж.Ф. Кеннеди. В этом мероприятии также приняли участие сотрудники Института Европы РАН В.Я. Швейцер, А.Ю. Бочевёр и О.А. Гриневский.

Грибовский В.С., м.н.с. ИЕ РАН.

Дрожжина Е.В., н.с. ИЕ РАН.

БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ И СОТРУДНИЧЕСТВА

12–13 сентября 2018 г. в НАНО ВО “Институт мировых цивилизаций” состоялась Международная научно-практическая конференция “Большая Евразия: национальные и цивилизационные аспекты развития и сотрудничества”.

Организаторы мероприятия – НАНО ВО “Институт мировых цивилизаций”, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), Евразийский информационно-аналитический консорциум. Целью данной конференции было конструктивное обсуждение ключевых проблем социально-экономического и инновационно-технологического развития стран Большой Евразии, стратегий и механизмов международного взаимодействия и сотрудничества, интеграционных и дезинтеграционных процессов, происходящих в современном мире, представление результатов и перспектив в области международного экономического, инновационно-технологического, научного и культурного сотрудничества стран Большой Евразии. В мероприятии приняли участие более 110 человек.

С вступительным приветственным словом к участникам конференции обратился О.Н. Слоботчиков, к.полит.н., профессор, ректор Института мировых цивилизаций.

Конференцию открыл пленарный доклад д.полит.н., проф. РАН, члена-корреспондента РАН, директора Института Европы РАН А.А. Громыко – “Россия – Евросоюз – США: проблемы политических трансформаций”, в выступлении которого, в частности, было отмечено, что ИЕ РАН является одним из партнёров Евразийского информационно-аналитического консорциума. А.А. Громыко также подчеркнул, что

Евросоюз представляет собой альтернативную политическую платформу в свете идей перераспределения моделей общественного устройства. На вопрос д.п.н., д.филос.н., профессора, президента Всероссийского фонда образования С.К. Комкова, может ли наблюдаться поворот, при котором страны Восточной Европы будут занимать особую позицию, А.А. Громыко ответил, что в настоящее время прослеживается тенденция обособления стран Восточной Европы в подгруппу внутри Евросоюза.

В докладе д.э.н., проф., гендиректора Института экономических стратегий РАН А.И. Агеева “Евразия и силовая трансформация мирового экономического порядка” особое внимание было уделено феномену конфликтности современного мира, включающему конфликты интересов, конфликты идентичности, содержательные и онтологические конфликты и т.п.

В докладе д.э.н. В.В. Перской (Финансовый университет) было отмечено, что характерное для российского политического истеблишмента стремление к “догоняющему” Запад развитию исчерпало себя. По её мнению, в современном мире мало просто обозначить идею справедливого мирового порядка, необходимо более продуктивно использовать потенциал “мягкой силы” и внутренние экономические механизмы. В свою очередь, д.соц.н. А.Ш. Викторов (МГУ имени М.В. Ломоносова) в своём докладе подчеркнул, что проблема сохранения человеческой цивилизации в современных условиях непосредственно связана с практическим решением различных конфликтных ситуаций на новой ценностной гуманитарной основе гражданского единения.

На пленарном заседании с докладами выступили также д.и.н. А.И. Подберезкин (МГИМО), д.и.н. А.И. Яковлев (МГУ имени М.В. Ломоносова), д.э.н. зав. отделом экономических исследований А.В. Акимов (ИБ РАН), д.филос.н. А.И. Селиванов (Финансовый университет) и др. Оживленную дискуссию вызвал доклад д.и.н., профессора экономики, политологии, международных отношений Алекса Бэттлера (Канада) – “Формирующийся миропорядок и интеграционные процессы в современном мире”.

Второй день работы конференции прошёл в формате секционных заседаний. В работе секции “Национальные интересы и интегративные процессы в современном мире” приняли участие: д.э.н. В.Л. Абрамов (Финансовый университет), к.полит.н. Н. А. Коровникова (ИНИОН РАН), к.ф.н. П.Б. Паршин (МГЛУ; МГИМО), В.Л. Римский (фонд “ИНДЕМ”) и др. В докладе д.и.н. В.П. Любина (ИНИОН РАН) и доцента Роберты Алонци (Сиенский университет, Италия) были проанализированы особенности нарастающего притока мигрантов в Европу на примерах Германии и Италии, охарактеризованы связанные с массовой миграцией экономические, социальные, политические и юридические изменения в двух странах в последнее время. По мнению авторов доклада, феномен роста числа мигрантов представляет собой экзогенную переменную того, что не с юридической точки зрения, а с точки зрения политической можно определить как рождение Третьей Итальянской Республики, которая появляется в рамках четырёх-полосной конфигурации партийно-политической системы.

Секция “Человек на перекрестках цивилизационного развития” была представлена докладами д.ф.-м.н. В.К. Захарова (МГУ имени М.В. Ломоносова), д.филос.н. М.Я. Саарафа (МГУКИ), д.филос.н. Е.Г. Хилтухиной (РГУ), д.филос.н. Н.А. Хренова (Государственный институт искусствознания) и др. Продолжительную дискуссию вызвал доклад д.филос.н., профессора, главн.н.с., руководителя центра ИНИОН РАН Л.В. Скворцова “Цивилизационное конструирование и самосознание современного человека”.

В рамках конференции работали также секции “Сотрудничество и взаимодействие в современном мире” и “Национальная идентичность и межкультурная коммуникация”.

Герасимов В.И., к.ф.н., зав. отделом ИНИОН РАН;
Крюкова О.С., д.ф.н., зав. кафедрой МГУ имени М.В. Ломоносова,
 корреспондент Центра украинских исследований ИЕ РАН.

Современная Европа, 2018, №5

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Направляемые в журнал “Современная Европа” статьи следует оформлять в соответствии с правилами, принятыми в журнале, а также в соответствии с правилами международных баз данных цитирования периодических и неперидических изданий (Scopus, Web of Science etc.):

- объем рукописи не должен превышать 1 а.л. (35 тыс. знаков, включая пробелы, 25 тыс. знаков для соискателей и аспирантов), для разделов “Рецензии”, “Научная жизнь” – не более 3 страниц (около 10 тысяч знаков). Объем аннотации должен быть не менее 150 слов.
- статьи должны быть напечатаны через 1,5 интервала (кегль 14) в электронном виде и присланы по электронной почте: sov_europe@mail.ru.
- все источники следует снабдить библиографическими ссылками и **пристатейным списком литературы в русском варианте (Список литературы) и английском (References)**. Ссылки оформляются по системе Harvard. Список литературы и References составляется без нумерации и в алфавитном порядке (не более 20 наименований).
- Каждой статье в журнале присваивается DOI. Просьба также указывать DOI публикаций в списках литературы.
- Необходимо указать код статьи по УДК (автор самостоятельно определяет код статьи, см.: <http://teacode.com/online/udc/> или <http://www.udcc.org/udccsummary/php/index.php>).
- Публикуемые в журнале материалы могут не отражать точку зрения учредителя, редколлегии и редакции.
- Представляя в редакцию рукопись своей статьи, автор берёт на себя обязательство не публиковать её ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
- Статья принимается к публикации на основании порядка **рецензирования и правил редакционной этики**, принятых в журнале “Современная Европа”, которые отражены на сайте журнала www.sov-europe.ru.

Пример оформления статьи для журнала:

ФИО автора, должность, место работы (в именительном падеже), эл. почта. Адрес места работы.

Код статьи по УДК.

Название статьи.

Текст статьи (в тексте статьи при ссылке на источник необходимо указывать в квадратных скобках фамилию автора, год издания и страницу).

Список литературы (в русском варианте, должны быть все ссылки, в том числе на англоязычные издания).

References (с англоязычными ссылками и русскоязычными в транслитерации, оформленными в соответствии с Harvard style).

ФИО автора, должность, место работы, эл. почта, адрес места работы (на английском языке).

Название статьи на английском языке.

Аннотация (на русском и английском языках, не менее 150 слов).

Ключевые слова (на русском и английском языках, 5-10 слов).

Более подробно с содержанием вышедших номеров и отдельными публикациями можно ознакомиться на сайте <http://www.sov-europe.ru>.

English version: <http://www.sov-europe.ru/english/index.htm>

С полной версией журнала в открытом бесплатном доступе также можно ознакомиться в каталоге “Научной электронной библиотеки”: <http://www.eLibrary.ru>

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope>

Редакция не имеет возможности вести переписку с читателями,
рецензировать и возвращать не заказанные материалы.

Адрес редакции: Россия, 125009 Москва, Моховая ул., 11-3.

Тел: /495/ 692-27-20. Факс: /495/ 629-92-96.

E-mail: sov_europe@mail.ru, ieras@mail.ru

Internet: <http://www.sov-europe.ru>

**Индекс журнала “Современная Европа”
в каталоге “Роспечать” — 79701 и
в объединённом каталоге “Пресса России” — 14492**

Подписано в печать 14.11.18 г.

Формат 70х100/16. Бумага офсетная № 1.

Печать офсетная. Объем 10 п.л. Тираж 500 экз. Заказ .

Типография ООО Издательско-полиграфический центр “Маска”.